

Салават Аминев

МОЙ ВЕК

Воспоминания и раздумья,
статьи и интервью

УДК 321.02+336.025+66-05

Салават Аминев

МОЙ ВЕК

Воспоминания и раздумья, статьи и интервью

От горняка – до министра культуры Башкортостана, от солдата-ракетчика – до руководителя Администрации президента республики... С.Х. Аминев, генеральный директор ОАО «НИИТЭХИМ», прошел интересный и значительный трудовой путь. В своей книге он делится воспоминаниями о работе на высоких должностях в Республике Башкортостан и в Москве, рассказывает о своих корнях и своей семье, о встречах с политиками, предпринимателями, деятелями искусства и культуры. Книга также содержит статьи и интервью Салавата Хурматовича разных лет и по разнообразной тематике: государственная служба, налоги и сборы, химическая промышленность и нефтехимия.

*Автор выражает признательность В.А. Юданову
за помощь в подготовке книги к печати*

Корректор: Г.А. Галковская

Верстка и дизайн: В.И. Архипов

Издатель: ОАО «НИИТЭХИМ»

*Научно-исследовательский институт технико-экономических исследований
117420, Москва, ул. Наметкина, д. 14, корп. 1, тел.: +7 (495) 331-88-00
<http://niitekhim.ru>*

*Отпечатано в типографии «Радуга»,
г. Москва, Варшавское шоссе, д. 28А*

Салават Аминев

МОЙ ВЕК

Воспоминания и раздумья,
статьи и интервью

*Я – твой, ты – мой,
с тобою мы
Одно, одно, мой век.
И мы с тобой для всех ясны,
Загадочны – для всех.
Нет гнева на тебя, век мой,
Обиды – на себя.
Я забираю все с собой,
Все оставляю я.*

Мустай Карим, «Прощание с веком»

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо пролога**Часть первая. Воспоминания и раздумья**

Георгиевский кавалер и его верная подруга	10
Дети Халила и Гилминисы	18
Судьба Хурмата	24
Сакина значит «мир»	33
Сестры и брат	43
Детство и юность	49
В ракетных войсках	59
Клара: вместе навсегда	65
Мои друзья, мои товарищи	75
Комсомольская жизнь	81
Аппарат	95
Во главе Министерства культуры	104
В Администрации президента республики	122
У истоков налоговой службы	133
Институт стратегических исследований	147
Предварительные итоги	160

Часть вторая

Государственных служащих нужно готовить со школьной скамьи	164
Исторические этапы развития налогов в России	172
Почему российская химия зависит от импорта?	190
Химическая промышленность России: что тормозит развитие?	198
Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 г.: цели и реалии	205
Глубокая переработка газа и нефти как ключ решения проблемы импортозамещения в области химии и нефтехимии	213
Как исчезают институты	220

Я начинал писать эту книгу в одну эпоху, а заканчиваю в другую. В 2022 году в жизни России и всего мира изменилось очень многое. Очевидно, произойдет еще немало судьбоносных событий, которые повлияют на самые основы существования планеты. А чтобы быть готовым к неведомому будущему, нужно как минимум осмыслить прошлое.

75 прожитых мною лет — долгий срок, за который тоже сменились эпохи. Я родился в первый послевоенный год и хорошо помню разруху, голод, всеобщую бедность. Подростком я наблюдал значительные перемены, которые можно называть Оттепелью, а можно и Гагаринским веком. Страна стремилась в космос, верила в грядущий уже скоро коммунизм, строила дома и прокладывала дороги. Молодым человеком я оказался в самой гуще событий следующей эпохи — в которой было много хорошего, но и нарастали проблемы, формировались противоречия, которые привели к распаду Советского Союза и краху коммунистической идеи. Новая Россия, открывавшая для себя мир бизнеса, демократических механизмов, открытости ко всему миру, потребовала моих знаний и опыта, когда я был уже сформировавшимся человеком и руководителем. Это было непросто — и для меня, и для всей страны. Но мы справились.

Сейчас мы привыкаем к новым обстоятельствам, учимся жить в условиях санкций, более похожих на изоляцию от всего мира. И я вижу, как многие нынешние ораторы и публицисты настаивают на том, что надо начать с «чистого листа», вымарать все, что произошло за 30 лет Новой России, охаять все ее победы и достижения. И ведь что удивительно — часто это те же авторы-публицисты, которые совсем недавно охавали СССР и его опыт, призывали вымарать советские достижения и победы.

Почему мы снова и снова повторяем ту же ошибку, отрицая прошлое, вытаптывая свою и своих отцов и дедов жизнь?

В этой книге я вспоминаю прожитые годы, историю своих родных и своей страны *sine ira et studio* — без гнева и пристрастия, по выражению римского историка. Возможно, она научит кого-то из читателей бережно и с пониманием относиться к тому, что создано до них.

На страницах этой книги вы встретите многих очень важных для меня людей: моих родных и близких, друзей и соратников. Кто-то прожил обычную жизнь, не слишком заметную на фоне минувших грандиозных событий, кто-то оставил своей биографией существенный след на исторических скрижалях. Но все они по-своему важны для меня: от соприкосновения с ними менялся я сам, приобретая нечто от каждого из них.

Описывая события и явления давно минувшего и недавнего прошлого, я стараюсь оценивать их с позиций моего тогдашнего мировоззрения. В то же время, анализируя «тектонические сдвиги», свидетелем и порой участником которых был я, приходится судить их с более углубленной точки зрения, с опорой на мои сегодняшние взгляды и знания. Мои политические и экономические оценки, мои взгляды на роль комсомола, компартии, на содержание рыночных реформ претерпели значительные изменения, и я, конечно, об этих вещах сужу с моей нынешней позиции.

Несколько слов о языке. Я башкир по национальности моего отца, но с раннего детства мне довелось осваивать сразу два языка — русский и башкирский. В последующем пришлось больше общаться и писать на русском языке. Поэтому пишу эту книгу на русском, хотя свободно говорю, читаю и пишу на башкирском. А вот мои сын и дочь практически не знают своего родного языка, не говоря уже о моих двух внуках и трех внучках. Рассчитывая, что они прочтут эту книгу, я использую в ней башкирские слова, пословицы и поговорки нашего народа и надеюсь, что это пробудит в них интерес к изучению нашего древнего и красивого языка.

На этих страницах мне придется не раз и не два касаться вопросов сосуществования языков и их носителей на территории нашей общей Отчизны. Мне кажется, именно сегодня очень важно вспо-

минать и изучать, как решались языковые вопросы в разные годы, и делать выводы о будущем национальных языков, которые представляют собой неисчислимую сокровищницу Российского государства.

В этой книге я много размышляю об экономике, поскольку уже почти 15 лет возглавляю НИИТЭХИМ – ключевой институт в области маркетинговых исследований и прогнозных оценок в химической и нефтехимической промышленности. В эти годы и ранее институт сыграл важную роль в становлении химического комплекса России. Сейчас, в условиях структурной перестройки экономики, создания реального импортозамещения, наши исследования и рекомендации могут и должны сыграть особую роль в достижении нашей страной реального экономического суверенитета. Во второй части этой книги – мои статьи и интервью разных лет, в том числе по вопросам развития химической промышленности, преодоления зависимости от импорта и создания собственного инновационного производства высококачественной продукции высоких переделов.

Часть первая.
Воспоминания и раздумья

Георгиевский кавалер и его верная подруга

*Якшы ата балаһы – якшы тундыц яғаһы
(У хороших родителей – хорошие дети)*

Я впервые узнал о старых ранениях деда совсем маленьким, когда он повел меня в баню. Отец, который чуть ли не с рождения приучил меня к парилке, натапливал баню так, что дышать было невозможно. А с дедушкой было не так: хоть каменка была раскаленной, он оставлял дверь в парную чуть приоткрытой, и было не так жарко. «Олатай (дед), – недоумевал я, – почему так холодно? С папой знаешь как жарко!» Дед смущался, садился на полок и начинал растирать грудь, переключенную старым шрамом. «У меня тут железка с войны, когда жарко, нагревается и сердце жжет... Ну, ничего, я тебя сейчас веником приложу, быстро согреешься!» И дед начинал парить меня так, что я и не вспоминал про сквознячок, тянувший от двери. А потом забывал и про «железки».

Спустя много лет мне удалось найти в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) ряд документов, касающихся моего деда. В 1914 году, с началом Первой мировой войны, Халил Аминев был мобилизован на фронт. С июня 1915 года воевал в составе 303-го Сенненского полка 76-й пехотной дивизии 27-го армейского корпуса. В ходе разведывательной операции 8 ноября 1916 года был тяжело ранен. «За проявленную храбрость в ходе этой операции по пункту 16 статьи 67 Георгиевского статута был награжден 15 декабря 1916 года Георгиевским крестом 4-й степени за № 576838, а также был произведен в ефрейторы. С ноября 1916 года до начала 1918 года находился на излечении в госпитале», – сказано в архивной справке.

Согласно упомянутому пункту 16, награждения Георгиевским кре-

Пулеметная команда 303-го Сенненского полка

стом достаивались: «...кто, вызвавшись охотником на опасное и полезное предприятие, совершит оное с полным успехом». Каким было это боевое предприятие и какой тяжести получил дед ранения, в результате которых лечился в госпитале более года, я так и не узнал — в детстве не удосужился спросить Халила Мухаметовича, а архивная справка никакой информации, кроме приведенной выше, не содержит. Знаю только, что для деда Первая мировая была уже вторым армейским призывом: сперва он прошел службу в царской армии с 1907 по 1911 год.

...Дед мой вырос в большой семье в деревне Исяново. Он нередко со вздохом поминал про крепкую избу да про справное хозяйство семейства Аминевых. Но, стоило мне начать расспросы, как он начинал отнекиваться — мол, мы из бедноты, дом был кособокий, и лошадка чахлая... Разумеется, дед — коммунист, всю жизнь прослуживший на довольно высоких советских должностях, по-иному не мог сказать даже родному внуку!

Итак, мой дед по отцовской линии, Аминев Халил Мухаметович, родился в 1887 году в деревне Исяново Темясовской волости Орского уезда Оренбургской губернии (теперь деревня Исяново Баймакского района Республики Башкортостан). Семья была большая, но я застал только его брата Ибрагима, семья которого жила в поселке рудника Кульюртау близ

г. Баймак, и сестру Кафию, проживавшую в поселке Тубинский, тоже Баймакского района. Остальных уже не было в живых.

По рассказам деда, когда начались Октябрьская революция и Гражданская война, из пятерых братьев трое воевали за красных, а двое — за белых, и оба они погибли. У меня в памяти сохранился рассказ деда, как он однажды был пойман белогвардейцами и его должны были доставить в штаб, находящийся в Баймаке. Поручили его доставить команде, в которой оказался его брат. Дед рассказывал эту историю с печалью и недоумением — как родных людей могла развести эта война, сколько было ненависти друг к другу у родных людей... Моему деду, как он говорил, удалось сбежать из-под конвоя, а «белых мы потом разбили...» Какой была судьба его брата, дед никогда не вспоминал...

Сегодня, когда приподнята завеса над кровавыми событиями Гражданской войны, становится понятным, как неоднозначно все складывалось в те годы и насколько неполным и поверхностным было деление на «красных» и «белых», к которому нас приучили советские историки.

В Башкирии сейчас многим известен Баймакский расстрел 1918 года. Событие это горькое и неоднозначное, во многом определившее судьбу башкирского народа на многие годы вперед. В декабре 1917-го на Всебашкирском учредительном курултае в Оренбурге были приняты резолюции: об утверждении автономного Башкурдистана; о полномочиях Башкирского центрального шура (совета); об организации Башкирского войска и милиции. Это был абсолютно легитимный центр власти, выражавший интересы всего башкирского народа, озабоченного ситуацией, возникшей после свержения Временного правительства в Петрограде. Резолюции и другие документы курултая и Центрального шура были грамотными, взвешенными и лишенными даже духа сепаратизма. Планировались создание национально-территориальной автономии в составе Российской Демократической Федеративной Республики, социализация земли, введение всеобщего бесплатного среднего образования, равноправия мужчин и женщин. Многие из этих идей были реализованы уже в советской Башкирии, спустя всего несколько лет. Никаких «белых», монархистов, колчаковцев в новых органах власти не было. Не было и большевиков. Очевидно, это и послужило причиной того, что уже в феврале 1918-го почти все члены Центрального шура были арестованы и тут же расстреляны по приказу председателя Оренбургского губернско-

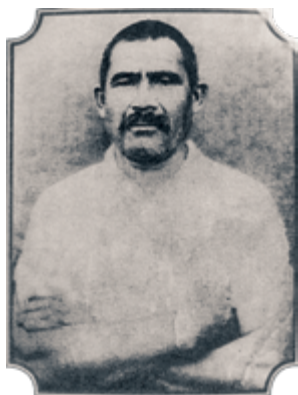
*Памятник жертвам Гражданской войны
в Баймаке*

го военно-революционного комитета Самуила Цвиллинга. Троице членам Малого курултая (правительства автономии) – Габдулле Идельбаеву, Амиру Карамышеву и Гимрану Магазову – удалось бежать. В Баймаке им удалось сформировать башкирский полк, который установил контроль над соседними населенными пунктами, приисками и рудниками Орского уезда. Однако уже в марте личный состав полка и другие участники башкирского национального движения были арестованы баймакскими рабочими-большевиками. А вскоре из Оренбурга подошел красногвардейский полк. Деятели башкирского движения и несколько десятков солдат национального полка были публично расстреляны.

Убийство членов правительства Башкурдистана вызвало протесты со стороны населения. В ответ Оренбургский ВРК направил во все башкирские волости телеграмму ультимативного характера: «...Ревком приказывает всем башкирам и их организациям немедленно сдавать все оружие местным советам и красногвардейцам; выдавать всех скрывающихся... Если в течение трех дней это не будет выполнено... все башкирские селения, заподозренные в противодействии Советской власти, будут сметены с лица земли артиллерией и пулеметами». Восстание было жестоко подавлено, многие участники национального движения были расстреляны, часть ушла к белочехам...

Какую роль играли в этих ужасных событиях мой дед и его брат, доподлинно неизвестно. Но ясно, что брат Халила Мухаметовича никаким «белым» не был, как и десятки тысяч других башкир, не принявших власть большевиков, которые в ту пору не задумывались ни о каких национальных автономиях, а рвались к единоличной власти, делить ее ни с кем не желали.

А мой дед определенно выбрал сторону большевиков, и уже в 1919 году был избран председателем сельского совета в Исяново. Он был ак-

Х.М. Аминев в 1930-х годах

тивным коммунистом и прожил чрезвычайно деятельную жизнь: руководил рыболовецкой артелью, был он и председателем колхоза, и заместителем директора Серменевского педагогического училища, и председателем райпотребсоюза. Одним словом, на руководящих постах почти до самой смерти. В моей памяти осталось, что в последние годы жизни Халил Мухаметович всегда был своего рода партийным комментатором, «информационным рупором» текущего момента жизни нашей страны. Такие же деды собирались вокруг Халила Мухаметовича в селе Темясово, и шла тихая политинформация, к которой затем прислушивалась вся округа.

У деда был глубокий аналитический ум, сохранный им до глубокой старости. Также до самой смерти сберег он свое физическое здоровье — а оно у него было поистине богатырским.

Дед был ростом более 180 сантиметров, весом более 100 килограмм. В молодые годы он был участником соревнований борцов на различных сабантуях и других сходах, которые в те времена проводили в башкирских деревнях. Спортивные достижения моего деда отмечены в интересной книге И.Е. Дизенко «Батыры земли башкирской» (Башкирское книжное издательство, Уфа, 1983 г.). Приведу из нее обширную цитату, так как в ней автор очень хорошо пишет о национальной башкирской борьбе курэш.

«Курэш — национальная башкирская борьба. Как грузинская — чидаоба, азербайджанская — чюлеш, армянская — кох, узбекская — кураш, якутская — хапсагай и т.д., она стремительна, темпераментна, бескомпромиссна. Ничьих тут не бывает. Только чистая победа, достигнутая в честном единоборстве, венчает победителя.

На спортивную арену башкирский курэш шагнул впервые в 1932 году во время проведения Урало-Кузбасской спартакиады в Свердловске. Это было самое массовое соревнование тридцатых годов. Достаточно вспомнить, что только спортивная делегация Башкирии состояла из 360 спортсменов.

Впервые в истории советского спорта в программу спартакиады были включены национальные виды спорта, конные скачки и борьба на поясах. Наиболее представительными в названных видах спорта были команды

Башкирии и Казахстана. Между ними в основном и развернулась борьба за первенство. В конных скачках победили казахи, зато в борьбе на поясах — курэш — башкирские батыры не имели равных.

Подлинным героем спартакиады в борьбе курэш стал Халил Аминев. Он не был спортсменом в широком понятии. Специальной тренировкой не занимался. Да и возраст был в то время уже за 40 лет. Природа щедро наградила его физической силой, вес у него был более 100 кг. Если при этом иметь в виду, что в курэш того времени не было деления на весовые категории, а сама техника борьбы требовала оторвать противника от земли, поднять его и бросить на землю. На Урало-Кузбасской спартакиаде Халил Аминев одержал победу над 12 соперниками, поднялся на высшую ступеньку пьедестала почета».

А вот как вспоминает еще один спортивный эпизод из жизни Халила Аминова К.М. Дияров, один из друзей деда, известный публицист Баймакского района: «На Уфимском ипподроме 15–20 июня 1932 года состоялись Всебашкирские игры с широкой и разнообразной программой. Очень напряженными были соревнования по национальной борьбе. В итоге упорных схваток первое место завоевал Халил Аминев». Кстати, второе место было у Диярова.

Подводя итоги спортивной жизни моего деда, могу сказать, что до самой смерти он имел стройную осанку, уверенную походку и до конца жизни занимался физическим трудом.

* * *

У моей бабушки, Гилминисы Зайнуловны, было 11 детей и 19 внуков. Но мне почему-то кажется, что больше всех она любила меня, своего первого внука.

Она родилась и выросла в деревне Баймурза (Баймурзино) Баймакского района. Это по современному административному делению, а ранее эта деревня в разные годы числилась и в Абзениловском, и в Баймакском районе. Но всегда у нее была и есть одна особенность. Эту деревню населяют кыпчаки (Кыпсак по-башкирски), которых ряд исследователей считают прямыми потомками древних половцев. Это башкирское племя, по преданиям, «пришло с Азовского моря и поселилось на новой родине, перейдя через реку Итиль» (Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. М., Наука, 1974).

Семья Халила и Гилминисы Аминовых в 1952 году. Слева направо: дочь Рашида, внук Салават (я), внучка Салима, внук Равиль; посередине: Халил Мухаметович и Гилминиса Зайнулловна, Сакина, Хурмат; сверху: дочь Рауза, дочь Рауфа, внучатая племянница Земфира, внучатый племянник Расуль, племянница Насиха

Баймурза – живописное место Южного Урала, неподалеку от истока Сакмары – главной реки Башкирского Зауралья, которая впадает в Урал близ Оренбурга. Родные места моих дедушки и бабушки, по мнению многих, – самые красивые и значимые места Башкирии.

Когда я вспоминаю бабушку, мне приходят на ум ее кулинарные чудеса. Надо иметь в виду, что в 50-х годах прошлого столетия жизнь в Башкирии, да и во всей нашей в ту пору огромной стране была очень несладкой. И Гилминис еләсәй умудрялась из ничего придумывать для нас, внуков и соседской ребятни, невероятные яства, вкус которых я помню по сей день.

Чтобы понять, как мы питались в послевоенные годы, приведу такой эпизод. В 1952 году наша семья и семья деда какое-то время жили в Кожзаводе, это рядом с селом Темясово. Мне тогда было 6 лет, но у меня запечатлелось в памяти: во дворе была сделана печка – по-башкирски усак, где летом готовили, что покушать, и там же пекли хлеб. У башкир тогда пекли хлеб в золе, бездрожжевой. Такой хлеб долго хранится и не портится и ведет свою историю от кочевого образа жизни башкир. Помню, как мы все – маленькие дети нашей семьи и чуть постарше, мои тети и дядя

Хамза – сидели возле этой печки и ждали, когда бабушка достанет испеченный хлеб и разделит всем нам поровну.

Да, бабушка была большой мастерицей из ничего приготовить, что покушать. Это и жареная пшеница (курмас), и пропущенное через ручную мельницу (была и такая в семье) жареное зерно (талкан), и хлебка с зерном, крупой, травой и другими съедобными примесями (орэ), и многое другое, чем богата природа Южного Урала. Дедушка и бабушка часто брали меня с собой в лес, где мы собирали не только грибы и ягоды, но и всевозможные съедобные корни и травы. Очевидно, при тогдaшнем отсутствии овощей и фруктов они позволяли насытить детские организмы природными витаминами.

Еще мне запомнилось, как бабушка пропускала молоко через ручной сепаратор. Кроме меня, она никого не подпускала слизывать остатки сливок с деталей сепаратора, когда основная часть продукта уже была получена. У остальных младших обитателей дома это всегда вызывало зависть. Одним словом, говоря и вспоминая бабушку, могу сказать одно: не было ей равных в содержании семьи, в обеспечении в семье порядка и дисциплины и создании атмосферы невероятной доброты друг к другу.

Мне кажется, именно благодаря ей все наши дальние родственники считали себя родными людьми. Дом дедушки и бабушки всегда был полон гостей, которые порой подробно рассказывали, почему и как они приходятся нам родными. И бабушка всегда знала точно степень родства – агай, апай, кусты, хенле...

В те времена передвижения по району были в основном или пешие, или на лошадях. У меня в детстве была очень большая тяга к лошадям, можно сказать, я вырос верхом на лошади. Так вот, в поездки в Башкирию меня частенько брали с собой и дед, и отец, и мать. И у меня осталось в памяти: куда бы мы ни приехали, в каком населенном пункте ни оказались, везде у нас были родные, у кого можно было попить чаю, накормить лошадь или переночевать.

Дети Халила и Гилминисы

*Балаһыз ғүмер — һунған күмер
(Без детей жить — только небо коптить)*

1 марта в республике отмечается День башкирской семьи, введенный в 2018 году решением Всемирного курултая башкир. И это вовсе не волевое или «рекламное» решение. Большие башкирские семьи, нередко объединяющие несколько поколений ближайших родственников, — подлинное достояние Башкортостана. В традициях народа уважение к предкам, к истокам издревле соседствует с теплотой к близким родственникам, почитанием отца и матери, дедушки и бабушки, тетушек и дядьев. Редко в Башкирии встретишь семью, где не смогли бы, не задумываясь, поименно назвать полсотни родственников, не вели с ними оживленную переписку (сейчас — созвон и СМС-сообщения). Все это очень важно для нас и создает особую атмосферу «фирменного» общения башкир, когда за одним столом собира-

Дедушка и бабушка с детьми

ются большие семьи и начинают вспоминать родных и близких, с которыми виделись совсем недавно или много лет назад. Башкир на планете Земля всего два миллиона, и, когда начинаешь разбираться, оказывается, что чуть ли не все приходится друг другу родственниками...

Из большой семьи Халила и Гилминисы я далеко не всех знал лично. Кто-то из моих теток и дядьев умер в раннем возрасте, кто-то задолго до моего рождения отделился от семейства Аминовых и уехал в поисках житейской доли. Но те, кого я помню, сыграли в моей судьбе немалую роль и были интересными людьми, а кто-то — и необыкновенными для наших мест.

Начать я хочу с Насиха инэй, папиной двоюродной сестры, которая практически всю жизнь прожила рядом с семьей деда и бабушки. Насиха инэй — дочь родной сестры деда, на год старше моего отца, вместе они заканчивали Серменевское педучилище еще до войны. Всю войну Насиха инэй работала в Башкирии. За годы войны и в 1950-е годы дважды выходила замуж, и у нее родилось двое детей. От первого мужа — Земфира апай, а от второго — Расуль, ровесник моего родного брата Равиля. Поднимать и растить детей Насиха инэй пришлось одной с помощью деда, бабушки и их детей. Сегодня их уже нет. Есть дети Земфиры и Расуля. Прекрасные семьи, и живут, сохраняя добрую память о своих родителях.

Расуль, как я уже писал, был ровесником моего брата Равиля. И они практически вместе росли. О Равиле я еще ниже более подробно расскажу. В 18 лет Расуль, как все молодые люди того времени, был призван в армию. Служить ему довелось на Новой Земле, архипелаге в Северном Ледовитом океане. В те годы там проводились испытания ядерного оружия (с 1954 г.), ну а он как солдат обслуживал эти испытания. К сожалению, это даром не прошло. Как сейчас стало известно, из 132 проведенных подземных ядерных взрывов минимум два сопровождались нештатными радиационными ситуациями — имели место прорывы парогазовой смеси радиоактивных инертных газов по тектоническим трещинам. На технологических площадках мощность дозы достигала нескольких сотен рентген в час. Вернувшись из армии в село Темясово, Расуль женился. Они прекрасно жили с Расимой, у них родились две дочери с разницей в два года. Но полученное в армии облучение его догнало, и он умер в 25 лет, оставив и дочек, и жену одних. Надо отдать должное Расиме, она прекрасно вырастила девочек, выучила их в учебных заведениях, выдала замуж и успешно помогает растить внуков.

А сама Насиха инэй прожила до старости в селе Темясово, где и похоронена.

Другая моя тетушка, Гульниса апай, моложе моего отца, но в жизни моей, то есть в детстве, я с ней мало встречался. В 1950-х годах она уехала в Челябинск, выучилась там и работала всю жизнь, довольно редко приезжая на родину. Помню, когда она приезжала в Темясово, дома был настоящий праздник. А довелось мне с нею тесно пообщаться, уже когда я учился в Баймакском горно-механическом техникуме. В 1963 году нас, троих учащихся, направили на практику в г. Кумертау, на Кумертауский угольный разрез. В те годы прямого сообщения между городами Баймак и Кумертау не было: нужно было ехать на поезде из Сибая до Магнитогорска, затем через Челябинск в Уфу и уже оттуда – в Кумертау. Так как мы проезжали г. Челябинск, то договорились, что в Челябинске нас встретит Гульниса апай, а затем отправит в Уфу. Так и получилось. Она нас встретила, забрала домой, покормила, а главное, окружила такой любовью и вниманием, что на всю жизнь осталось в памяти. К большому для нашей семьи сожалению, жизнь ее закончилась трагически. Пользуясь ее необыкновенной доверчивостью и добротой, отморозок-преступник проник в дом Гульнисы и убил ее в самом расцвете сил.

Следующим по возрасту в семье дедушки и бабушки был Хамза агай, 1934 года рождения. Для меня в детстве он был настоящим мужиком, точнее, парнем, которому хотелось подражать. В середине пятидесятых жизнь в деревне была очень тяжелой, и требовались особые усилия и склад характера, чтобы просто выжить. Жили мы тогда в деревне Кожзавод, где в те годы важной производственной единицей был промкомбинат. Там выделывали кожу, шили сбрую для конных упряжек, заготавливали дрова, пилили доски, одним словом, занимались производством всяких мелочей для жителей села. Была там и кузница, где работал Хамза агай, и я часто пропадал там в дневное время. Там подковывали лошадей, набивали на колеса железные обручи, устанавливали полозья на сани и делали многое другое, что было необходимо для хозяйства. И еще в одном деле я старался увязаться за дядей – когда на повозках, в которые запрягали быков, вывозили лес с Уральских гор.

Темясово расположено в живописном лесистом месте, напротив гор Рапат и Ягалса. В нескольких километрах начинается хребет Ирэндък – один из красивейших уголков Урала, с озерами, водопадами и пещерами.

Сегодня Ирэндик стал одним из освоенных и популярных туристических маршрутов, с удобными пешими и велосипедными тропами, туристическими стоянками и пр. А в ту пору, о которой я веду рассказ, окрестности Темясово представляли собой дремучие леса, где водились медведи и рыси. Отправиться на лесозаготовки по уральской тайге было занятием опасным и непредсказуемым.

Хамза агай не хотел, чтобы я ездил с ним, и мне приходилось километра два идти за ним тайком по лесу и объявляться ему на глаза, когда отправить меня назад было уже невозможно. И дядя добродушно забирал меня к себе в телегу, каждый раз притворно удивляясь, как он меня не заметил, пока я шел рядом с караваном. По натуре и характеру дядя был очень добрым, я не помню случая, чтобы он кому-то нагрубил или отказал. Он всю жизнь со всеми соглашался. Он и женился так — не умея не согласиться. Мы в те годы (1957–1960) жили в деревне Уметбаево, где было отделение Суваянского совхоза, куда бухгалтером отделения направили моего отца. Мы с сестрой Салимой учились в Темясовской средней школе — неделю жили там у родственников, а на выходные на лошадях ехали за 20 километров в Уметбаево. Хамза агай тогда вернулся из армии, и дед решил его женить по всем правилам предков, то есть невесту выбирали родители и старший брат. Мой отец из всех башкирских девушек деревни Уметбаево присмотрел симпатичную и кроткую Сагилю, которую Хамза агай не видел ни единого раза. И что было удивительно для меня, впервые увидев Сагилю, он сразу согласился, и родители сыграли свадьбу.

Но свадьбе сопутствовали и трагические события. В том же 1958 году моя мама везла мою бабушку из Темясово к нам в гости. Когда повозка поднялась на небольшую гору (в народе Священная гора), бабушка на полуслове оборвала разговор и упала с телеги. У нее случился инсульт головного мозга. Мама кое-как положила ее в телегу, довезла до дома, но бабушка, не приходя в сознание, через 6 часов умерла.

В смерти бабушки и ровно через год — дедушки есть что-то мистическое. Дело в том, что деревня Уметбаево находится в 7 километрах от деревни Баймурза, откуда бабушка была родом. Она немного не доехала до родных мест. То же самое произошло и с моим дедом. Он тоже умер на дороге от инфаркта, немного не доехав до своей малой родины. Он умер в 1959 году на дороге Темясово — Тубинск, в 7 километрах от деревни Исяново. Дедушка и бабушка похоронены рядом в селе Темясово.

А Хамза агай с Сагилей вырастили двух дочерей и сына. Дядя всю жизнь был связан с различными механизмами — закончив после службы в армии профтехучилище в Челябинске, он всю последующую жизнь провел среди сельхозмашин. Лишь перед пенсией поработал мельником на современной мельнице. Дочери, закончив медицинское училище, работали медсестрами, а сын пошел по стопам отца и тоже хорошо разбирался в механизмах сельхозмашин и автомобилей. Умерли Хамза и Сагиля, ненадолго пережив друг друга, и тоже от инсульта.

Следующей по возрасту в семье Аминевых была Рауза апай. И внешне, и физически похожая на богатыря-деда, она более других в семье привлекалась к тяжелой работе. Рауза апай довольно рано вышла замуж, когда мы все жили в Кожзаводе. Муж ее, Гайнетдин, был секретарем комсомольской организации колхоза в селе Муллакаево, туда и переехала Рауза апай. Образ жизни и обязанности по работе сформировали очень общительный характер ее мужа. Он был, как говорят, заводной. И то, что Гайнетдин был душой любой компании, сослужило ему плохую службу. Он стал часто выпивать и рано ушел из жизни. С Рауза апай остались трое маленьких детей. Она мужественно старалась поставить их на ноги, что в конечном счете ей удалось, хотя возможности при этом у нее были минимальные. Она вышла замуж за нашего родственника, когда умерла его жена, моя двоюродная тетя. Но жизнь у Рауза апай так и не сложилась. Рано умерли ее дети, она тоже их ненадолго пережила. В моей памяти она оставила противоречивые чувства. При очень добром, жертвенном характере она была крайне несобранным человеком с болезненным самомнением. Пожалуй, из моих близких у Рауза апай была самая тяжелая судьба. По жизни ей почему-то всегда не везло.

Полную противоположность ей представляла собой моя следующая тетя — Рауфа апай. Она больше всех из детей была похожа на бабушку, как внешне, так и по характеру. Может быть, в силу этого у нее по жизни все получалось. Вышла она замуж довольно молодой за профессионального водителя Хамита, всю жизнь проработавшего водителем автомобилей. У них родились три дочери и сын, все они состоявшиеся люди, у всех свои дети. Рауфа апай похоронила мужа в деревне Нигматово Баймакского района, где они и прожили всю жизнь. Переехала в райцентр, где живут их дети, помогает растить внуков.

Следующая моя тетя, Рашида, старше меня всего на год с небольшим,

и поэтому детство у нас было общим. Вначале мы ходили в одну школу, затем, когда умерли дед и бабушка, она переехала в Челябинск к старшей сестре. Там закончила ПТУ, получив профессию токаря, в последующем работала по специальности. Повстречала Юлая, поженились. Жили они в старинном башкирском городе Учалы, затем переехали в Сибай. У них двое детей: сын и дочь, есть внуки и внучки. В Сибее Рашида апай похоронила мужа. Сейчас помогает детям как может.

Я постарался более-менее подробно остановиться на семье деда и бабушки по отцовской линии в силу того, что детство мое прошло в этой среде. Сколько доброты, взаимопонимания, теплоты, любви друг к другу было в этой семье! Вспоминается, как мы приехали в 1952 году в деревню Кожзавод, в семью деда. Их было на двадцать квадратных метров шесть человек, и мы пятеро приехали из Баймака. И вот 11 человек размещались в этой комнате, спали везде — и на кроватях, и под кроватью, и на столе, и под столом. Сегодня это трудно представить, а тогда никто не чувствовал дискомфорта. И сейчас те, кто живы, вспоминают то время как самое доброе. Все было общее: и проживание, и питание, и забота о скотине. Одним словом, жили одной дружной, большой семьей.

Родных со стороны мамы в детстве я встречал очень мало. Помню, когда мы жили в Баймаке, с нами одно время жила родная сестра мамы Шаргия апай. У них одна мама и разные отцы. И помню, когда мы жили в Темясово, к нам приезжали с Дальнего Востока мамин брат Ахметзия и его жена. Затем к ним ездили папа и мама. Далее я более детально расскажу о маминых родных.

Характерная особенность моего детства — язык. Мой папа был башкир, а мама — татарка. Мама детство, юность и молодость провела в Приморском крае и в основном разговаривала по-русски. В окружении деда и бабушки разговор был только по-башкирски, а дома — по-русски. Поэтому я с детства начал говорить на двух языках: башкирском и русском. Я и сейчас разговариваю на двух языках, причем если я говорю на русском, то и думаю на русском, а если говорю по-башкирски, то и думаю по-башкирски, то есть я не перевожу с языка на другой, если нужно что-то изложить собеседнику, говорящему на одном из этих двух родных мне языков.

Судьба Хурмата

*Бәхет менән бәхетһезлек – бер сана.
(Счастье с несчастьем – на одних санях)*

«Атай, расскажи про войну!»... Как тысячи послевоенных мальчишек, которым посчастливилось встретить своих отцов живыми с фронта, я хотел знать все о героических подвигах своего папы. Не раз и не два обращался я к нему с просьбой рассказать о войне, мечтая, как потом буду пересказывать друзьям истории о его фронтовой жизни.

А отец все время отнекивался, ссылаясь то на усталость, то на работу, то отшучивался: мол, мне твоя мама запретила – говорит, ты испугаешься и спать не будешь. Когда я стал постарше, отец уже старался мне объяснить свое нежелание говорить о войне. «Улым (сынок), на войне все было не как в кино. Страшно, грязно, холодно было. Мы, солдаты, все время тяжело работали, куда-то шли, куда-то ехали. В общем, нечего рассказывать...»

Но однажды, усадив меня, семилетнего пацана, на колени и глядя куда-то в сторону, отец рассказал мне о самом главном и самом страшном эпизоде своей фронтовой жизни.

Закончив с отличием ускоренную подготовку в артиллерийском училище, Хурмат Аминев в звании младшего лейтенанта был направлен на Карельский фронт. Служить его определили на зенитный бронепоезд противовоздушной обороны, где он отвечал за техническое состояние артиллерийского вооружения. 20-летнему офицеру пришлось командовать артиллеристами, среди которых были опытные бойцы, уже участвовавшие в боевых действиях. Но и сам молодой башкир уже участвовал в боях на Лужском направлении, когда горстка воинов – вчерашних курсантов противостояла механизированной мощи вермахта, рвавшегося к Ленинграду...

Шли первые месяцы войны. В Карелии Красной армии удалось остановить силы армии «Норвегия», рвавшейся к Мурманску, разгромить 3-ю горнострелковую дивизию вермахта, отбросив ее остатки за реку Западная

Лица. Бронепоезда РККА играли важную роль в обороне мурманского рубежа, защищали станции, небо над ними, железную дорогу.

Однажды по бронепоезду было приказано собрать всех солдат и офицеров, умеющих хорошо ходить на лыжах. Отец, отличный лыжник, попал в команду. Предстоял ночной рейд в расположение недавно прибывшего на этот участок фронта подразделения финских горных стрелков. «Это была первая моя встреча с врагом лицом к лицу, — рассказывал мне отец, — Операция была «тихой», то есть уничтожить врага надо было, как можно дольше не применяя стрелковое оружие. Мы ножами сняли пятерых часовых и ворвались в расположение вражеской части. Вся операция заняла не более семи минут. Ножам и одиночными выстрелами мы уложили множество финнов и немцев, и тут же бросились обратно в пургу. Наутро после боя я увидел в зеркале, что у меня поседели волосы»...

* * *

Мой отец, Хурмат Халилович Аминев, родился в декабре 1922 года. Он окончил 7 классов с одними пятерками, поступил в педучилище, которое тоже окончил с отличием. Занимался спортом, по первому взрослому разряду ходил на лыжах. В 1941 году, после окончания педучилища, поехал поступать в Ленинградское высшее военное училище имени С.М. Кирова (ЛПКУ). Поступил — и тут началась война...

Курсантов училища, практически необученных, отправили на фронт уже 28 июня 1941 года. В составе оперативной группы Северного фронта стрелковый полк из курсантов-кировцев был выдвинут на главное направление наступления немецко-фашистских войск на Ленинград. Им довелось сыграть важную роль в защите Лужского рубежа, где наступление противника было остановлено на целый месяц.

12 августа подразделения ЛПКУ в ходе изматывающих боев были окружены в районе Большой Александровки. Бои продолжались до 13 августа, когда в войска пришел приказ заместителя народного комиссара обороны снять училище с фронта. По документам известно, что «из общего числа прибывших на огневой рубеж 1903 человек из окружения вышло 339 курсантов и командиров».

Выжившие курсанты были вывезены в Ленинград, затем их отправили в г. Березники Молотовской области (ныне Пермского края). Вскоре некоторых курсантов, в том числе Хурмата, определили в Первое Томское

*Хурмат Аминев в декабре
1945 г.*

артиллерийское училище, объяснив, что фронту нужны срочно артиллеристы. Томское училище осуществляло подготовку командирских кадров по сокращенной учебной программе, и уже зимой 1941-го Хурмат младшим лейтенантом был вновь направлен на фронт.

Про подвиги наших солдат и офицеров написано много — и самими фронтовиками, и настоящими писателями. Соревноваться с ними у меня не получится, поэтому я рассказываю лишь об отдельных событиях, сохранившихся в моей памяти и повлиявших на жизнь Хурмата и нашей семьи...

До войны в башкирских семьях молодые люди, как правило, воспитывались в строгих мусульманских традициях. В семьях того времени употребления алкоголя вообще практически не было, и, естественно, мой отец был абсолютным трезвенником до призыва в армию. А в Красной армии с финской войны выдавали всем известные «наркомовские 100 грамм», независимо от того, был ли молодой солдат из семьи с традициями употребления крепкого алкоголя, или из местности, где водку не видели вообще. Конечно, по воспоминаниям фронтовиков и литературным произведениям мы знаем, что пили пресловутые «наркомовские» далеко не все. Вот что пишет об этой традиции режиссер Петр Тодоровский: «Старшина шел по траншее с ведром и кружкой, и те, кто хотел, наливали себе. Те, кто был постарше и поопытнее, отказывались. Молодые и необстрелянные пили. Они-то в первую очередь и погибали. „Старики“ знали, что от водки добра ждать не приходится». Слышал я и о том, что молодые бойцы нередко обменивали водочную пайку на сахар, табак, что-то, что можно было отправить домой.

Хурмат, к сожалению, перед искушением не устоял. «Фронтовые 100 грамм» сослужили ему плохую службу и на фронте, и в послевоенной судьбе...

* * *

Отец окончил училище младшим лейтенантом, а демобилизовался в 1946 году в звании лейтенанта. Почему же офицер в условиях боевых действий так медленно рос по воинскому званию? Ведь мой отец был

награжден орденами и медалями, был тяжело ранен, дважды контужен! Но за долгие пять фронтовых лет случились в жизни Хурмата и горькие ошибки, и даже наказуемые деяния.

...В небольшом карельском городке, куда бронепоезд был дислоцирован для ремонта и отдыха личного состава, молодые офицеры пошли вечером в местный клуб на танцы. А чтобы вести себя посмелее, выпили, как водится, водки. Придя в клуб, встретили воинов из других частей. Что они не поделили, неизвестно, но между парнями завязалась драка. И не просто кулачная разборка — дело дошло до личного оружия. Все остались живы, но отца, который на тот момент был старшим лейтенантом, после разбора дела разжаловали до младшего лейтенанта и лишили полученных ранее наград. Но главное, что оставили на месте службы, не посадили, дали возможность воевать дальше. Хотя, конечно, это происшествие в последующем сказывалось на продвижении по службе молодого офицера.

Хурмат стремился искупить вину, рвался на особо горячие участки фронта (Карельский фронт в ту пору, в 1942 году, был уже относительно тихим местом: войска фронта остановили врага, предпринимавшего попытки завладения Заполярьем, и вынудили его перейти к обороне). Как раз тогда в воинские части было направлено письмо, обращенное к выходцам из Башкирии и призывавшее их для пополнения 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, понесшей значительные потери в боях на Юго-Западном фронте. Отец обратился командиру поезда с просьбой, чтобы его отпустили служить в дивизию, на что командир ответил: «Что, торопишься героически погибнуть? Погоди — успеешь и здесь». И не отпустил, чем, возможно, спас ему жизнь. В начале января 1943 г. Башкирская кавдивизия участвовала в боях по освобождению Донецкой области и была практически полностью уничтожена неприятелем.

В апреле 1944 года основные воинские формирования Карельского фронта были переброшены на Дальний Восток, где на их базе был сформирован 1-й Дальневосточный фронт, который стал одним из главных фронтов РККА во время советско-японской войны 1945 года. Бронепоезд, на котором служил отец, также был направлен на войну с Японией.

На станции Ворошилов-Уссурийский (ныне это станция Уссурийск), где его бронепоезд проходил ремонт и техобслуживание перед отправкой на фронт, отец познакомился с Сакиной, моей будущей мамой, — об этом я подробно расскажу в следующей главе.

Итак, бронепоезд ушел вглубь Китая, а Хурмат думал о Сакине и о том, как вернется в село с молодой женой. На своем бронепоезде отец дошел до Порт-Артура, где и застал завершение войны с Японией.

Хурмат Халилович Аминев честно, героически воевал в Великой Отечественной войне и в боевых действиях против японских империалистов на Дальнем Востоке. Свидетельством тому было множество боевых наград Хурмата, которые, к сожалению, не сохранились. Надо сказать, что участники войны к своим наградам в то время относились довольно равнодушно, ордена и медали отца лежали в шкафу, в шкатулке, на самом видном месте. Ребенком я часто играл с ними, во время частых переездов на их сохранность никто не обращал внимания. А в 1970-е годы фронтовиков начали приглашать на различные собрания и встречи, и награды стали востребованными. Я тогда работал в Уфе, и отец просил меня купить в военторге хотя бы планки, которые означали те или иные ордена и медали. Я купил, разумеется, а утраченные награды восстановить не удалось...

После завершения войны с Японией лейтенант Аминев подал заявление на демобилизацию. Положение в армии было тяжелым, и ему, как кадровому офицеру, в демобилизации поначалу было отказано. Однако служить дальше он не хотел, и тут помогла его гражданская специальность — учитель, ведь их в стране тоже не хватало. В июне 1946 года Хурмата отпустили, и он сразу же выехал в Ворошилов-Уссурийский — за невестой!

10 июня Хурмат и Сакина расписались, а 12-го уже ехали в Башкирию. 1 июля родители прибыли в родную деревню отца, Исяново Баймакского района.

Послевоенная жизнь в Башкирии была несладкой. Начался поиск приложения сил, нужно было зарабатывать, чтобы жить. В сентябре 1946-го родился я, что тоже добавило проблем семье.

Хурмат искал разные пути в мирной жизни. Поначалу поехал в Уфу, рассчитывая продолжить обучение по профессии учителя в Башгосунiversитете, но показалось ему это дело слишком длительным и затратным — как же, думал он, боевому офицеру и отцу семейства жить на студенческую стипендию? Кто-то посоветовал ему поступить на Всесоюзные заочные учетные курсы, на отделение инспекторов-бухгалтеров районных земельных отделов (райзо). Он поступил на эти курсы и в ноябре 1947 года с отличием их закончил. Ему несложно было овладеть бухгалтерской премудростью — отец был очень грамотным, начитанным человеком.

Сколько я его помню, он всегда читал книги — умел читать и писать и на русском, и на башкирском, причем как на кириллице, так и на латинице, и даже арабским письмом (в 1923—1930 гг. в Башкирской АССР было принято письмо на арабской основе; в 1930—1939 гг. внедрялся башкирский латинизированный алфавит; с 1940 г. введен в употребление алфавит на основе кириллицы). Где бы отец ни учился, у него всегда были отличные оценки. Нам в детстве часто показывали его табели успеваемости и почетные грамоты и ставили в пример, как надо учиться.

Получив свидетельство об окончании ВЗУК, Хурмат устроился на работу в сельхозотдел Баймакского райисполкома. Вскоре перевез в Баймак и семью. Человек общительный, грамотный, да еще и фронтовик, он быстро завоевал уважение и авторитет в райисполкоме и райкоме партии. Но это нравилось не всем. Для некоторых «деятелей», особенно тех, кто во время войны работал на руководящих должностях в районе, Хурмат Халилович представлял реальную угрозу. Кое-кто из районного и колхозного начальства почувствовал себя в глубоком тылу настоящим баем и распорядился небогатой колхозной собственностью как своей. От грамотного и вьедливого фронтовика-инспектора ждали неприятностей и решили подстраховаться...

В одном из колхозов, куда он приехал с проверкой, его попросили наладить бухгалтерский учет хозяйства. По договоренности с председателем колхоза за работу отец получил два мешка пшеницы. Это были тяжелые послевоенные годы, хлеба всегда было мало, и расчеты зерном были обычной практикой на селе. Однако заинтересованные люди в районе оформили событие как использование служебного положения, попадающее под статью уголовного кодекса. Времена были суровые, разбираться никто особо не стал, фронтовые заслуги в счет не пошли. В общем, отца забрали прямо с работы, быстро оформили уголовное дело и посадили на пять лет. Понятно, что он был исключен из партии со всеми вытекающими последствиями. Было это в конце 1951 года.

На маму навалилась вся тяжесть послевоенной жизни. Я, сестренка Салима и только родившийся Равиль были совсем маленькими. Родные моего отца не очень тепло воспринимали маму — татарку, да еще говорившую в основном на русском языке. В общем, ждать помощи особо было неоткуда. Тут нашу семью поддержали друзья отца, работавшие с ним, Уралбаевы и Биккуловы и особенно семья Султангульдиных, которая

Мой отец с братом Хамзой Халиловичем

отнеслась к моей матери как к родной дочери. Эта семья и потом много лет поддерживала нас, мы с ними общались как с родными.

В то тяжелое время моему отцу помогла настойчивость моей мамы. После хождения по различным инстанциям в Баймаке и в Уфе, не найдя понимания, мама написала в высшие инстанции Советского Союза. Своим очень хорошим каллиграфическим почерком она подробно изложила все обстоятельства дела в письмах Генеральному прокурору, в Верховный суд, МВД, ЦК ВКП(б), а также на имя И.В. Сталина. И вот ведь удивительное дело: ни из одной инстанции не пришел ответ, а из канцелярии Сталина — пришел, причем положительный. И моего отца выпустили из тюрьмы через три месяца вместо ужасного пятилетнего срока. Проступок был признан несущественным, оплата зерном — справедливой и не подлежащей уголовному наказанию.

Конечно, после такого резонансного решения местные власти забежали вокруг отца, предлагали ему вернуться на прежнее место работы, написать заявление о восстановлении в партии. Но Хурмат Халилович, в обиде на недавних коллег, забрал семью из Баймака и переехал в Темясово.

Вот тут-то и напомнила о себе водка. «Сталинские 100 грамм» на фронте уже нанесли тяжелый удар по судьбе башкирского парня, ранее не знавшего алкоголя. И аукнулись они алкогольной зависимостью, которая обрушилась на взрослого уже человека, обиженного на весь мир, видящего вокруг людей, норовящих подсидеть, обидеть его.

Он устроился на работу в колхоз «Ударник», на базе которого в 1957 году был организован Суваянский мясомолочный совхоз, где мой отец стал бухгалтером отделения. Там он проработал три года, и вся наша семья жила в деревне Уметбаево. Мы с Салимой учились в школе в Темясово, по выходным на лошади ездили к родителям.

В 1959 году отец вернулся в Темясово и начал работать зоотехником

отделения. А в 1961 году в отделении случилось несчастье — произошел падеж молодняка, и виновным в этом был признан мой отец. Произошло следующее: телят, содержащихся в отдельной ферме, когда случались перебои с водой, гоняли на водопой на реку. И однажды по первому крепкому морозу, когда у берега воду прихватило льдом, скотник погнал туда стадо. Телята, мучимые жаждой, выскочили на лед, задние напирали на передних, лед треснул, и три десятка животных утонули. Так-то виноват был скотник, но что с него возьмешь? Осудили отца, поставив ему в вину «халатность» и припомнив выходы на работу в нетрезвом виде. Его осудили и посадили на два года.

Я в то время учился в техникуме в Баймаке, и отца после суда отпустили на встречу со мной — без конвоя, в своей одежде. Как офицеру и известному в районе человеку ему полностью доверяли... По сей день я до мелочей помню эту нашу встречу, лицо отца — измученное, с потерянными глазами. Я, в ту пору 15-летний паренек, не мог найти подходящих слов поддержки попавшему в беду взрослому и родному человеку, а он тоже в основном молчал, не в силах взглянуть мне в лицо. «Ты хотя бы раз в две недели приезжай в село... Следи за скотиной, помогай матери», — наконец выдал он и ушел, даже не обняв меня на прощание.

Вернулся он в феврале 1964 года, устроился в совхоз, но через 2 месяца уволился и уехал в Сибай, где работал плотником на Сибайском хлебоприемном пункте. Не удержался и там — на выпивающего и судимого человека, конечно, смотрели с пристрастием. Потом плотничал и столярничал в различных организациях, куда возьмут... Не доработав до пенсии, на 58-м году жизни от инсульта и развившейся на его фоне прободной язвы желудка мой отец скончался. Похоронен он в селе Темясово возле своих родителей.

Подводя итог жизни и деятельности моего отца, должен сказать, что он прожил достойную жизнь. Для своего времени уровень его образования был весьма неплохим, к тому же у него было стремление к самосовершенствованию — до тех пор, когда его характер, его интеллект не стал ломать алкоголь. Его выбили из колеи служебные неприятности и посадки в тюрьму, после которых он сломался, которые подорвали его дух. Кстати, по обоим обвинениям он был оправдан, и судимости были полностью сняты. Но прошлого не вернешь, и в маленьких селах и городах, где он работал, на него многие посматривали с сомнением: сидел... да еще и выпивает...

Он чувствовал все это и очень переживал. Я знаю: много раз он задавался вопросом — когда и почему пошла под откос его жизнь боевого офицера, честного и принципиального чиновника-партийца, как он оказался на должностях, никак не соответствующих ни его уровню развития, ни его боевым заслугам... И эти тяжкие раздумья вновь толкали его к водке...

Я его очень любил. Как бы ни складывались жизненные обстоятельства, он всегда был в доме главным. Я многому от него научился. Он меня сделал настоящим охотником, благодаря ему много умею как сельский житель: и косить траву, и ухаживать за скотиной. Отец научил меня обращаться с лошадьми, тренировал для участия в скачках на сабантуях. Одним словом, мужские дела, мужские университеты в наибольшей степени я получил от отца. Я и сегодня горжусь своим отцом, всегда его помню и стараюсь все хорошее, чему он меня научил, применять в своей жизни. В описании судьбы Хурмата Халиловича я рассказал об его трудовых успехах и неудачах — они все были на виду, и более всего о них с тревогой говорили и он сам, и мама. А было еще множество жизненных обстоятельств, которые воспринимались как должное и потому не оставили глубоких следов в моей памяти. Это и его общение с людьми, и его бескорыстная помощь родным и друзьям, которых было очень много. Его увлекательные рассказы о прочитанных книгах. Его знание повадок животных, любовь к лесу и горам. Во всем этом проявлялся его человеческий талант. И, конечно, у бездарного человека не было бы таких талантливых детей, как мои сестры и брат, о которых далее я расскажу.

Сакина значит «мир»

*Кояш янында — йылылык, әсә янында — изгелек.
(У солнца — тепло, у матери — добро)*

Имя моей мамы, Сакина, имеет арабское происхождение, и означает оно «спокойствие», «мир». Но и мир, и спокойствие пришли в ее жизнь далеко не сразу...

«Как же ты с маленьким ребенком будешь без мужа? Кто вас будет кормить?» — спросил Сафа, не глядя на Фатиму. «Я не знаю, Сафа абый, — отвечала девушка, вся сжавшись и глядя в пол. — Как ты решишь, дядя, так тому и быть...»

Когда малышку занесли в дом, Сафа принес благодарность Аллаху, прочел положенные суры Корана и надолго замолчал. Семья сидела за столом, но отмечать рождение малышки было нечем — лишь хлеб да травяной чай. Событие, которое должно было стать радостью в семье Сайфуллиных, обещало стать огромной проблемой. Нигматисан, муж Фатимы, из-за нелепой случайности погиб за два месяца до родов у молодой жены. Его семья, одна из самых бедных в деревне, отказалась принимать молодую мать с ребенком. Даже Сафа, почитаемый в деревне человек, тайно исполнявший обязанности муллы, не смог убедить их. «Она нам чужая, Нигматисан сам решил жениться на ней, воли родителей не спросил. Он так всегда делал, может, оттого и погиб молодым», — твердили односельчане.

«Остаться у нас с ребенком ты не можешь, — размышлял вслух Сафа. — Нам вас двоих не прокормить, да и неизвестно, что дальше будет, — вон, муллу из соседней деревни забрали на прошлой неделе. Мой черед уже скоро...»

Сафа вспомнил, что Нурмухаммед, справный мужик, живший на другом конце Бизяков, после тайного намаза сказал ему: «Мулла, подсажи, как быть. Нужна вторая жена, моя-то с хозяйством по болезни никак не управляется. При нынешних порядках что же, мусульманину никак

не положена вторая женщина?» Сафа тогда усмехнулся: «Какая, брат, вторая жена? Того и гляди большевики всех жен сделают общественными»... Но мулла знал, что и сейчас сельчане тайно приводят в дом вторых жен, записывают их в сельсовете как дальних родственниц и живут с ними потихоньку. Советская власть пока не очень-то и вникала в мусульманские семейные дела, да и в сельсовете с полуграмотным председателем дела по регистрации были так запутаны — шайтан не разберет.

«Вот что мы сделаем, женщины, — Сафа наконец оторвал взгляд от стола и оглядел домашних. — Ты, Фатима, пойдешь второй женой к Нурмухаммеду. А девочка останется у нас, запишем ее нашей дочерью. Видеться с ней ты не будешь, и говорить, что родила, никому не смей! Не было этого!»

Фатима смотрела на дядю налитыми слезами глазами. «Да как же так, Сафа абый, это ведь дочь моя, кровинка...»

Сафа тяжело поднялся из-за стола. «Нет у тебя теперь дочери, девочка...»

Так родителями моей матери стали ее дядя и тетка Сайфуллины. Имя своей родной мамы она достоверно узнает только спустя 26 лет...

Эту страшную историю, случившуюся в августе 1924 года и определившую всю ее судьбу, мама рассказывала мне спокойно, не прерывая своих бесконечных домашних дел. Я никак не мог понять — как вообще такое могло быть: оторвать от матери родное дитя, саму ее отдать нелюбимому, чужому мужчине, да еще второй женой... Годами растить племянницу как родную дочь, скрывать это от односельчан, посмеиваться в ответ на их неудобные вопросы... «Такое было время, сынок, — отвечала Сакина. — Такое время...»

Много и по-разному написано про Великую Октябрьскую социалистическую революцию, про национальную и религиозную политику советской власти в 1920-х. Но оценить до конца масштабы трагедии мы можем, лишь узнавая истории, судьбы конкретных людей, со скорбью и ужасом разбирая осколки жизней, переломанных так, как, наверное, никогда ранее не случалось на свете. Гражданская война прокатилась по Поволжью кровавым колесом, разделяя татарские и башкирские роды и селенья на красных и белых. Потом новая власть стала наводить свои порядки — коммуны, кооперативы, затем колхозы... Все это проходило через людей, ломая и кромсая семьи, разделяя, разбрасывая — порой навеки — родных

людей и сводя вместе, порой навсегда, чужих и посторонних. Наши матери и бабушки хранят такие тайны родословий, такие подробности «светлого пути в коммунизм», что встают дыбом волосы и опускаются руки. Такое время...

Сакина рассказывала дальше: «Научившись говорить, я называла анкэй, мамой, свою тетку Хаят, а дядю Сафу звала всегда бабай, дедушка. Их сын, Ахметзия, был для меня абый, родной брат. Из детства помнится, как, играя со сверстниками, мы порой забегали в соседские дворы, где нас баловали нехитрыми лакомствами. Бывало, оказывалась я и близ двора, где жила моя мама, и она украдкой от семьи совала мне за пазуху больше, чем другим детишкам. Придя домой, я спрашивала у Хаят анкэй: «Почему Фатима тутэй меня выделяет от других?» А она мне внушила: дескать, у нее была дочь — ровесница мне, она умерла младенчиком, а я ей дочку напоминаю...»

В марте 1931 года семью Сайфуллиных раскулачили, а Сафу бабая «тройка» за «религиозную пропаганду» осудила на 5 лет лишения свободы с конфискацией всего имущества, скота и недвижимости.

«Мне было 7 лет, но я хорошо помню тот день, — рассказывала Сакина. — В дом ввалились пять или шесть человек и начали выбрасывать на снег, не глядя, всю нашу нехитрую утварь. Хаят рыдала, показывая на меня: «Она не наша, она племянница мужа, оставьте ей хоть что-нибудь...» Председатель сельсовета почесал грязный затылок и закричал остальным: «Эй, малая точно не муллы дочка, по-другому мы ее записывали». Схватив сундучок, где хранили чистое белье, он вывалил его на снег и крикнул Хаят: «Давай сюда подушку с одеялом и матрас, что ли!» Я уставилась на Хаят анкэй, и она горячо мне зашептала: «Тише, дочка, так надо...»

Так я оказалась самой богатой в семье: мне оставили хоть сундучок с пожитками, а Хаят анкэй и Ахметзия абый остались, в чем были одежды. Мы с Хаят анкэй скитались по соседским домам с моим сундучком, люди боялись нас долго держать у себя, а Ахметзия абый куда-то уехал. Помню, как с Хаят анкэй пешком мы шли из деревни Бизяки в Елабугу, за 60 километров — там до отправки на строительство «Беломорканала»

*Сакина с племянником
Нилом. Владивосток,
1938 г.*

отбывал срок Сафа бабай, но в свидании нам отказали, и мы вернулись обратно в Бизяки.

Осенью 1932 года я пошла в первый класс. Меня многие дети сторонились: как же, дочь муллы. Но на второй неделе учебы учительница объявила на весь класс, что я не дочь Сафа бабая, а племянница и что моя настоящая мама живет в другой семье. Я была потрясена и выбежала из класса. Хаят анкэй ничего мне не стала объяснять и запретила задавать вопросы на эту тему. Я переживала, в классе надо мной исподтишка посмеивались, но продолжалось это недолго, поскольку школу пришлось бросить, и жизнь наша еще больше осложнилась...»

Однажды зимней ночью в окошко дома, где на птичьих правах жили Хаят и Сакина, кто-то постучал. Это был Ахметзия абый! Оказалось, что он обосновался... во Владивостоке.

Его рассказ был долгим и с множеством умолчаний. «До раскулачивания, — рассказывала дальше мама, — напротив нас жила бабушка Минибаева с дочкой-инвалидом. Ее сын Камали абый с семьей жил во Владивостоке и регулярно писал письма арабским алфавитом, и она приносила Сафа бабаю их читать и всегда просила написать ответ. Так между татарским селом и далеким приморским городом установилась переписка... В критический момент, оставшись ни с чем и опасаясь ареста как сын муллы, Ахметзия абый бежал во Владивосток к односельчанину. Ему удалось там как-то оформить документы (институт прописки еще работал слабо) и устроиться на работу. Заработав денег, он приехал за нами. Как я узнала через много лет, Хаят анкэй тайком сообщила об отъезде моей маме, она хотела попрощаться, но ее не отпустил муж... Так в очередной раз я не встретилась — и не попрощалась на многие годы — с моей мамой...

Ахметзия абый нанял санную повозку, багажом в ней был все тот же сундучок, который «выделила» мне «комиссия по раскулачиванию». Ближайшей от нас железнодорожной станцией была Сягинская, уже не в Татарстане, а в Удмуртской АССР. Сейчас это город Можга, за 75 километров от нашей деревни. Добирались по морозу мы почти сутки, а в Удмуртии сели в пассажирский поезд, как сейчас помню, № У2 до города Владивостока.

По приезде в школу меня не приняли, поскольку мы опоздали на половину учебного года, а главное, я почти не говорила по-русски, а татарской школы во Владивостоке не было. Не удалось нам и поселиться

у Камали абыя, так как у него была своя большая семья и было место только для одного Ахметзии. Нам удалось устроиться к другим татарам, это были муж с женой, проживавшие в своем доме (детей у них не было). Они ежегодно, с апреля по октябрь, отправлялись на заработки на Камчатку. Ахметзия договорился с ними взять и меня «на вербовку», чтобы я общалась с детьми других вербованных и научилась разговаривать по-русски. Ахметзия абый строго-настрого мне наказал: «Когда вернешься, я буду стоять у трапа парохода и крикну тебе по-татарски, но ты должна отвечать по-русски. Если не сможешь, я тебя с парохода не заберу». Я поверила ему безоговорочно — всегда верила моему старшему брату, и всю эту поездку провела в страхе, что не справлюсь с «заданием» и родные меня бросят...

Плыли на Камчатку на японском пароходе, арендованном Советским Союзом, команда была японская. Вербованные с семьями в основном помещались в трюме на нарах, и я в этом числе. А мои хозяева путешествовали наверху, в каюте, поскольку дядя был инженер, а жена — повар. Для вербованных пищу доставляли в трюм в бидонах, а на завтрак, обед и ужин я поднималась к своим хозяевам, остальное время была в трюме. На полпути был сильный шторм, вот я насмотрелась на эту качку, как люди страдали, — а меня не укачивало. На пароходе и на Камчатке я старалась больше общаться со своими сверстниками, хоть их и было мало. От природы застенчивая, здесь я быстро со всеми сходилась — из-за угрозы Ахметзия абыя, конечно. Всем хотела понравиться, была веселой, исполнительницей — и действительно, как-то сам собой «вошел» в меня русский язык. И читать я там научилась! Обрато плыли на советском океанском пароходе. В солнечную погоду выходили на палубу, и однажды увидели вдали косяк китов, их сверкающие на солнце фонтаны. К ноябрьскому празднику мы вернулись в порт Владивостока, и Ахметзия действительно ждал меня у трапа, глядя на меня во все глаза. Я степенно сошла с парохода и протянула ему ладошку: «Здравствуйте, дядя Ахмет!»

Хотя и с опозданием, но меня приняли в школу, первый и второй классы я училась в средней школе № 6, на самом мысу Эгершельд бухты «Золотой рог». Очень красивое, романтическое место — голубой залив, маяк, корабли, в том числе военные...

Ахметзия абый окончил курсы кондитеров, и мы втроем переехали в поселок Шкотово, на берегу Уссурийского залива. Там тоже было очень красиво — с одной стороны море, с другой — тайга и река, куда на нерест

шли лососи. Там я прочилась третий и четвертый классы.

В конце 1936 года, отбыв срок наказания на строительстве «Беломор-канала», к нам в Шкотово приехал Сафа бабай. Ахметзия абый женился, и уже впятером мы переехали во Владивосток. К 1941 году жизнь понемногу наладилась: Ахметзия абый работал дежурным по станции Владивосток, Сафа бабай с Хаят анкэй уехали погостить в Татарию, а я закончила семь классов и сдала документы во Владивостокский радиотехнический техникум... Но началась Великая Отечественная война, приступить к учебе мне не удалось. Ахметзию перевели на работу на станцию Евгеньевка (это город Спасск-Дальний), куда мы все переехали. Я устроилась работать в сентябре 1941 года почтальоном, обслуживала военный городок, где жили семьи авиаторов и танкистов, мужья которых были на фронте. Я еле таскала почтовую сумку, так много было корреспонденции. Письма с фронта, кто радовался, кто плакал, получая их. Это было очень тяжело наблюдать каждый день, и на почте я не задержалась. В связи со снятием брони у мужчин на железнодорожном транспорте и отправкой их на фронт от райкома комсомола потребовали мобилизовать комсомольцев на работу на станцию Евгеньевка. Обучение молодежи проходило в ускоренном темпе, и в этот поток попала и я. Вскоре и Ахметзию абья призвали и направили служить в Порт-Артур. Работала вначале списчиком вагонов, весовщиком, а потом перевели спецработником при начальнике станции Евгеньевка. Весной 1944 года перевели в Управление приморской железной дороги заведующей делопроизводством секретно-шифровальной группы.

Но по «секретной части» пойти не довелось: по рекомендации райкома партии я была избрана секретарем узлового комитета ВЛКСМ 2-го отделения Приморской железной дороги станции Ворошилов-Уссурийский, где и я встретила с коллективом железнодорожников День Великой Победы...»

Там же мама познакомилась с будущим мужем, мои отцом. Вот как она рассказала об этом:

«В июле 1945 года на станцию Ворошилов-Уссурийский прибыл бронепоезд и встал на ускоренный текущий ремонт в наш паровозоремонтный цех. Комсомольской организации станции было поручено организовать встречу молодых рабочих и железнодорожников станции с героями-победителями. Во время этой встречи я и познакомилась с Хурматом...

Он вошел в небольшой актовый зал станции, где мы развешивали

плакаты и приветственные лозунги, — подтянутый, среднего роста лейтенант с сединой в волосах — и застыл в дверном проеме, уставившись на меня. Я командовала комсомольцами, что и где повесить, поторапливала их, но внимательный взгляд военного почувствовала сразу. Через некоторое время он подошел и встал возле меня. Я ждала, что он предложит помощь, а он вместо этого огорошил меня вопросом: «Ты башкирка? Из какого района?» Я ответила, что я татарка и в Башкирии никогда не была. «Может, поедешь со мной, гюзель?» На всех тюркских языках «гюзель» значит красавица, но я сделала вид, что не поняла его: «Выучи татарский — тогда и поговорим!»

После торжественного вечера он несколько раз приходил ко мне в комитет комсомола. О войне не говорил, о предстоящей поездке на фронт в Манчжурию тоже, а только про свою деревню, как там хорошо и красиво, какие у него там родственники и друзья. А я побаивалась рассказывать ему о своей непростой судьбе, только головой кивала и переспрашивала, когда он вдруг начинал говорить по-башкирски. А перед отправкой бронепоезда он пришел с цветами и сразу с порога заявил: «Вернусь из Маньчжурии — поедем вместе в Башкирию». Я ответила: «Ты сначала вернись...»

До отъезда бронепоезда на Дальневосточный фронт у них было еще несколько встреч — коротких, нежных, и — определивших судьбы Хурмата, Сакины и мою...

Отец вернулся на станцию Ворошилов-Уссурийский 12 июня 1946 года уже гражданским, вышедшим в отставку офицером. Там же они расписались, и уже 1 июля того же года мои родители прибыли в Исяново.

Если отца встречали с фронта с радостью и почестями, то маму — довольно настроенно. Во-первых, Сакина не знала башкирского языка, на котором разговаривали все домочадцы. Во-вторых, прожившая большую часть жизни в городах Дальнего Востока, она и выглядела, и вела себя непривычно для сельчан-башкир. Одним словом, привыкание к семье Аминевых шло для Сакины довольно непросто.

Однако в сентябре родился я, и это в какой-то степени сблизило всех родных. Для деда и бабушки я стал первым внуком, и их огромная любовь к долгожданному отпрыску, продолжателю семьи, отразилась и на маме. Семья была в это время и так большая, так что для всех членов семьи прибавление стало обычным и радостным событием. Для моей мамы мое рождение стало, если говорить по-военному, взятием первого рубежа напряженности

в семье. А второй рубеж маме удалось преодолеть благодаря хорошему голосу и музыкальному слуху. Отец немного играл на курае (продольная открытая флейта), оба играли на гитаре, и мама стала учить башкирские песни. В течение короткого времени научилась петь песни в народном стиле узункюй – лирические «Салимакай», «Гильмияза», «Зульхиза», «Сибай», героические «Туяляс» и «Урал». В общем, у Сакины быстро сложился неплохой репертуар, и когда на одном из праздничных застолий мама спела несколько песен на башкирском, авторитет ее резко пошел в гору, особенно у моего деда, а это уже можно было считать победой.

После меня, в августе 1948 года, родилась сестренка Салима, в октябре 1951 года родился брат Равиль. В эти годы мы уже жили в Баймаке. Помимо домашних забот и воспитания детей, мама успевала работать в сельхозотделе Баймакского районисполкома: она вела учет общественного животноводства, причем для проверки правильности учета ей приходилось нередко выезжать в колхозы. В такие дни мы, совсем маленькие дети, были предоставлены самим себе и питались, мягко говоря, без особых изысков – главное, был бы хлеб. Я помню далеко не все моменты той поры нашей жизни, но то, что вспоминается, привело бы в оторопь современных родителей. Дети, мал мала меньше, одни в деревенском доме, рядом со скотиной, практически без еды... Что ж, время было такое – послевоенное.

После переезда нашей семьи в Темясово у мамы началась другая жизнь, но тоже не беззаботная. Облегчением для нее было то, что дети были пристроены в семье бабушки и деда. За короткое время мама поработала кассиром в промкомбинате Кожзавода, завклубом в деревне Аминово, заведующей магазином Муллакаевского сельпо. Ее жизнь стабилизировалась и улучшилась, когда ее взяли начальником военно-учетного стола Темясовского сельсовета, а затем, в 1959 году, избрали секретарем сельсовета, где она и проработала до отъезда в Сибай в 1964 году. За годы жизни в Темясово мама смогла освоить сельскую жизнь во всем ее многообразии, со всеми приятными и тяжелыми моментами. Ее уважали и ценили везде, где она работала, за обстоятельность и преданность делу. При этом она прекрасно содержала дом: у нас всегда было ослепительно чисто, убрано, дети были аккуратно одеты. Как бы бедно мы ни жили, но каждый год 1 сентября мы шли в новой, только что купленной школьной форме (в крайнем случае – бывало и так – аккуратно заштопанной и вычищенной). Мама нередко приходила к нам в школу и просила учителей разрешить по-

Наша семья в 1964 году: папа, Саима, мама, Равиль, я, Салима

сидеть на уроке, что, конечно, было крайне неудобно для нас — в этот день нас обязательно вызывали к доске. Именно в годы жизни в Темясово мама изучила все премудрости башкирской кухни, научилась готовить самые вкусные вещи. И накрытый ею стол всегда был разнообразным и вкусным.

По переезде в Сибай работа у мамы тоже складывалась весьма успешно для человека с 7-классным образованием. В 1964–1965 годах в стране проходило укрупнение районных и городских исполнительных органов и был создан объединенный райгорисполком Баймака и Сибая. В исполком на работу были приглашены и мои родители. Это помогло им быстро обзавестись двухкомнатной квартирой в «хрущевке», где мы прожили впятером около 10 лет. В 1965 году, когда расформировали объединенные исполкомы, моя мама перешла на работу в Сибайский военный комиссариат, правда, не сразу, были и школа-интернат, и станция Сибай, но недолго. А после военкомата ее пригласили в 1970 году в Сибайские электрические сети «Башэнерго», где она и проработала до выхода на пенсию начальником отдела кадров. Мама работала всю жизнь, и на всех участках, где ей приходилось трудиться, она получала только положительные отзывы. У нее огромное количество благодарностей, почетных грамот и т.д.

Отмечу также, что она несколько лет подряд, вплоть до закрытия первичных партийных организаций КПСС на производстве, избиралась секретарем партийной организации СЭС «Башэнерго».

Когда я стал взрослым и мама стала мне понемногу рассказывать о перипетиях своей жизни, меня удивляло: как девушка из раскулаченной семьи, прошедшая тяжелый путь в детстве и юности, стала убежденным комсомольцем и коммунистом? Объяснение этому есть одно — вера в светлое будущее, которое нам обещали руководители страны все годы существования СССР. Она, эта вера, была важной составной частью личности советского челове-

*Моя мама,
август 2022 года*

ка, и для ее формирования были задействованы многочисленные механизмы: газеты, кино, радио, потом телевидение. А еще эта вера, как мне кажется, была важным психологическим заслоном от тяжести и невзгод окружающей жизни. Пример моей матери это подтверждает. Никогда я не слышал от нее ни единой жалобы, ни одного слова обиды на тяжелые условия, на трудные бытовые обстоятельства. Когда в середине 1980-х стало можно (и модно!) критиковать начальство, ругать социализм и советскую власть, она ни словом не обмолвилась о горьких годах своего детства.

Все тяготы и бедствия, описанные в этой главе, моя мама рассказала мне совсем недавно и записала свой рассказ собственноручно, зная, что я готовлю эту книгу. Я смотрю на исписанные ею листы – ни единой пометки, ни одного исправления. Твердый, молодой почерк. Какой же силой духа надо обладать, чтобы при описании таких печальных событий не сбиться на обиды и причитания, не проронить ни единой слезы...

Сегодня, когда я пишу эти строки, маме исполнилось 98 лет, она плохо передвигается – слабые ноги, перенесенный перелом шейки бедра. Но в хорошем состоянии ее голова, у нее отличная память, она очень коммуникабельна. И это при том, что уже 41 год как умер ее муж, мой отец, она похоронила четверых своих детей: трех дочерей и сына.

Сегодня моя мама полна оптимизма, она помнит всех своих внуков и правнуков и интересуется их жизнью. Она с нами, и остается главным человеком для всей нашей семьи.

Недавно мы всей семьей ездили в Сибай, откуда она никак не хочет переезжать, поздравить ее с днем рождения. В наш дом пришло много гостей, родных, был устроен настоящий праздник. И она нашла теплые слова для каждого пришедшего с поздравлениями.

Сестры и брат

*Изге туганлык байлыктан якшырак
(Святое братство лучше богатства)*

Мое детство неразрывно связано с моими родными сестрами и братом. Никого из них уже нет в живых, но я хорошо помню и Салиму, и Равиля, и Саиму.

Салима родилась следом за мной, в 1948 году. С рождения она была хрупкой маленькой девочкой. Будучи близкими по возрасту, в детстве мы были очень дружны. Я как старший брат всячески оберегал ее. В Баймаке мы вместе, без сопровождения взрослых, ходили в детский сад – родители торопились на работу, было не до нас. Когда Салима пошла в школу, я носил ее портфель, поскольку она была маленького роста и портфель волочился по земле. В школе, если я задерживался, она ждала меня, чтобы вместе идти домой. Когда мы оба учились в школе, мы жили в Темясово, в полной мере сельской жизнью – с огородом, подворьем, скотиной. Салима отвечала за все, что нужно делать в доме, а я – за скотину, которую надо было поить, кормить, убирать за ней. Кроме того, я должен был рубить дрова и топить печь в доме. Одним словом, мы росли в труде и заботах с самого юного возраста: днем родители на работе, других вариантов просто не было.

В 1961 году, после окончания 7-го класса, я поступил в Баймакский горно-механический техникум. Салима пошла по моим стопам и после 8-го класса, в 1963 году, поступила в Сибайский горно-обогательный техникум на специальность «Обогащение полезных ископаемых». В дальнейшем всю свою жизнь Салима посвятила специальности горного инженера-обогапителя. После окончания техникума по распределению она поехала работать в Хабаровский край, в поселок Солнечный, недалеко от Комсомольска-на-Амуре. Впоследствии ей пришлось работать в Усть-Каменогорске, Учалах, Сибее и в конце жизни в Сербии. Надо сказать, что с работой своей Салима справлялась блестяще. Как талант-

Салима в 1970 году

ливого и высокопрофессионального технолога обогащения цветных металлов ее знали во всей России и за рубежом. Она получила звание «Заслуженный металлург Российской Федерации», была награждена многими наградами государства, Минцветмета, местных органов власти.

Если в работе Салима была весьма успешной, то в личной, семейной жизни ей не очень везло. С первым мужем не заладилось, и в 1971 году, после рождения сына Артура, она переехала в Усть-Каменогорск, потом в город Учалы Башкирской АССР. Там вышла замуж за местного музыканта, но жизнь и с ним была недолгой. А дочь

Алину ей пришлось поднимать и воспитывать в одиночку.

Салима была очень трудолюбива, как на работе, так и в быту. Ее дом всегда был прибран, отремонтирован, изящно обставлен. Она вязала, вышивала и особенно любила свой сад — каждый цветок, каждое дерево, все, что там посажено, было ухожено и всегда являлось предметом особого разговора среди друзей и подруг.

Салима до самого конца жизни стремилась помогать детям и внукам. Может, из-за этого и работала до 68 лет, все хотела им помочь. Всегда с большой любовью вспоминаю ее, жаль, что рано ушла.

Она активно помогала нашему брату Равилю, когда они оба работали на обогатительной фабрике Башкирского медно-серного комбината (БМСК) в Сибее, где Равиль был директором, а Салима — главным технологом. В те же времена на обогатительной фабрике работала и наша младшая сестренка Саима, она была рядовым флотатором обогатительной фабрики. Я особо отмечаю совместную работу моих сестер и брата по одной причине: все трое ушли из жизни от онкологического заболевания. Как и многие другие работники Башкирского медно-серного комбината в Сибее.

Ни руководство комбината, ни городское начальство действенных мер по решению или хотя бы исследованию этой скорбной проблемы не принимало. Более того — высокое число онкозаболеваний в коллективе комбината скрывалось и скрывается по сей день. Мой брат умер от рака в 2019 году, а за год до его смерти, когда у него начало проявляться в виде

кашля легочное недомогание, в Сибее ему поставили диагноз «туберкулез» и лечили Равиля от этой болезни. Когда мы, уже по собственной инициативе, решили провести его обследование в онкодиспансере Уфы, в горбольнице Сибая нам долго и под разными предложениями не давали направление. Конечно, это только догадки, однако медицинские руководители и городское начальство, возможно, стремятся снизить реальную численность онкозаболеваний в городе.

Мой брат Равиль родился в 1951 году, когда мы жили в Баймаке. Может, в силу того что он был младшим из детей, по жизни Равиль был больше ведомым. Хотя я и Салима в последующем, когда он уже стал взрослым, старались воспитать в нем самостоятельность, детская привычка у него все же осталась: он всегда ждал, что ему подскажут старшие. Впрочем, Равиль был трудолюбивым, ответственным человеком и очень любил получать новые знания и профессиональные навыки. Он закончил Сибайский горный техникум по специальности «горный обогатитель», затем – заочно – отучился на факультете экономики Уфимского нефтяного института (ныне – Уфимский государственный нефтяной технический университет). Отслужил в армии – танкистом в Читинской области. Поработал он в молодости и на Чукотке – в Певеке, и в Карелии. Но основная часть его жизни прошла в Сибее, на обогатительной фабрике. Начинал он машинистом мельниц (мельником, как говорят на ГОКах), а на пенсию вышел директором фабрики БМСК! Поработал Равиль и в горисполкоме заместителем председателя, был также заместителем директора филиала Башкирского университета в Сибее. Одним словом, где бы ни работал Равиль, у него всегда все получалось, только, может быть, не хватало жесткости, наглости что ли, без чего на руководящей работе тяжеловато.

В 1970-х годах, когда Равиль работал мельником на фабрике, он познакомился с Ниной, тоже инженером-обогатителем, которую прислали в Сибай на фабрику по распределению после Красноярского политехнического института. Она и родом из города Назарово Красноярского края. Как это бывает в молодости, встречались-встречались и решили пожениться. Равиль, как у нас принято, обратился к родителям за разрешением на брак. Я уж не знаю, чем она не понравилась отцу, но он был категорически против. Нам пришлось его уговаривать – напомнили, как встретили нашу маму у Аминовых после войны и как сложно было поначалу молодой паре. Так, на его же личном примере, удалось уговорить отца согласиться на

Равиль в 1970 году

брак. Равиль до конца жизни прожил с Ниной, у них родилась дочь Юля, которая, закончив два московских вуза, работает сейчас в Москве.

Расскажу еще об одной особенности жизни семьи Равиля. Он вместе с Ниной несколько лет работал в Монголии, в городе Эрдэнэте, где добывали медь и обогащали медно-молибденовый концентрат на одноименном предприятии, одной из крупнейших горнорудных компаний в Азии. Они неплохо там заработали, построили в Сибее дом, купили две машины и вообще жили обеспеченно, ни в чем себе не отказывали. Я радовался за брата; узнав, что он увлекся охотой, подарил ему хорошее охотничье снаряжение, поощрял его занятия спортом, волейболом. Но только в конце его жизни, когда ему был поставлен онкологический диагноз и я его устроил в санаторий в Уфе, я узнал, что при весьма небедной жизни Равиль никогда не отдыхал в домах отдыха и санаториях. Может, это и ускорило его кончину — он умер в 68 лет. Нужно при молодой жизни обращать внимание на свое здоровье, а не в конце, когда это уже не помогает.

Следующая по возрасту сестренка — Саима, она родилась в 1955 году в Темясово. В силу того, что Саида, родившаяся в 1957-м, прожила чуть больше года, самой младшей в нашей семье была всегда Саима. И, как принято в больших семьях, больше всего внимания уделялось ей. Саима была любимицей семьи, ей всегда все прощалось, любые мелкие проступки, и, может, поэтому в жизни она часто попадала в такие ситуации, которые требовали вмешательства старших, в том числе и меня.

Учась в техникуме, я бывал дома в основном на каникулах, поэтому взросление Саимы наблюдал эпизодами. Училась в школе Саима средне, про таких обычно говорят «твердая хорошистка». Закончив школу, попыталась поступить в техникум, но не получилось, и она отказалась от этой идеи и, быстро выучившись на флотатора, начала работать на обогатительной фабрике БМСК. В 1970-е годы как раз начинали набирать ИТР и специалистов рабочих специальностей на работу в Монголии, в Эрдэнэте. Для женщин было обязательное условие — замужество. Саима по-быстрому вышла замуж за обогатителя Рустема Мустафина, и они на

три года уехали в Монголию. В те времена оплата труда рабочих была в Монголии выше, чем в Башкирии, но особых капиталов они не заработали. По возвращении они жили в Сибее, у них родилось трое детей: сын Тимур и две дочери, Земфира и Карина. Но Рустем начал прикладываться к бутылке, и жизнь покатила по наклонной. Они развелись, пошли суды, размены квартиры, и в итоге Саима с тремя детьми оказалась на окраине города в квартире барачного типа. Нам пришлось ее оттуда вытаскивать, и в конечном счете они более-менее нормально обустроились в городе. К этому времени подросли дети, надо было их учить дальше, определять по жизни. Первым поступил учиться в Высшую школу МВД в Уфе Тимур, он успешно ее окончил и пошел работать по специальности. Затем в хореографическое училище в Уфе была определена Карина. Она проявила талант, успешно завершила обучение и была распределена в ансамбль песни и танца Татарской государственной филармонии имени Габдуллы Тукая в Казани. Земфира пошла по стопам матери и стала работать во флотационном отделении обогатительной фабрики.

Но порадоваться достижениям детей, увидеть внуков Саиме было не суждено. В начале 2000-х годов здоровье у нее резко ухудшилось. После детального обследования в онкодиспансере был поставлен диагноз — рак крови. Лечение в Уфе не дало положительных результатов, и я на носилках отвез ее в Москву. Саиму определили в Национальный медицинский исследовательский центр онкологии им. Н.Н. Блохина на Каширском шоссе, и там после довольно длительного лечения поставили на ноги. После выписки мы предприняли все возможные и невозможные меры, которые продлили ее жизнь еще на пять лет. Обо всех наших действиях писать не буду, но одно хочется вспомнить. В ходе поисков различных мер по спасению Саимы, мы вышли на профессоров Архангельского научно-исследовательского института сельского хозяйства, которые занимались лечением больных раком лошадей. Параллельно они разрабатывали методы лечения и людей. В то время они ходили по инстанциям, чтобы зарегистрировать свою методику, но давалось это трудно и закончилось, к сожалению, безрезультатно — метод на лечение людей не распространили. Вкратце: он заключался в убийстве раковых клеток, как в химиотерапии, и реабилитации посредством приема травяных настоек. Я считаю, что именно этот метод лечения немного продлил жизнь моей сестренки, потому что знакомые нам люди, которые лечились традиционно химиотерапией, уходили

Саима с дочками

значительно быстрее. Но болезнь Саимы была неумолима, несмотря на все меры, которые мы предпринимали, и в 2007 году ее не стало.

Я не могу не связать ранний уход моих сестер и брата с их профессиональной деятельностью.

На горно-обогатительных комбинатах, в том числе в Эрдэнэте, добывались высокотоксичные соединения 1-го и 2-го класса опасности, способные вызвать онкологические заболевания. С 2019 года в РФ действует всероссийский проект «Онкопатруль», в ходе которого онкологи ФГБУ «НМИЦ радиологии» проводят скрининг на больших градообразующих предприятиях, в том числе работники целого ряда ГОКов проходят бесплатное профилактическое обследование на выявление онкологических заболеваний. В 1980-х, а тем более 1970-х годах ничего подобного в нашей стране не было.

Мои сестры и брат были трудолюбивыми и доброжелательными к окружающим людьми. Ушли они один за другим, за какие-то пять лет. Мне и моей матери в ее преклонных годах было очень тяжело видеть ранние и мучительные смерти Салимы, Равиля и Саимы.

Дети Салимы, Артур и Алина, — это состоявшиеся люди, они оба закончили вузы, сегодня живут в Сибее и растят своих детей. Артур, как почти все молодые люди города, работает на Севере нашей страны вахтовым методом. Недавно стал дедом — у него родилась внучка. А Алина всеми силами пытается раскрутить Сибайское телевидение. Надеюсь, у нее все получится: есть в ней генетический заряд матери Салимы, такая хорошая настырность.

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

*Филем – кош, акыл – канат
(Ученье – птица, ум – крылья)*

Я родился 10 сентября 1946 года в поселке Тубинский в 7 километрах от деревни Исяново. В ту пору там жила семья деда, и туда с Дальнего Востока вернулся мой отец с молодой женой, моей матерью. Однако во всех моих личных документах в качестве места рождения указывается город Баймак. Почему? Вот как рассказывал об этом отец: «Мы принесли тебя в Тубинский сельсовет, а там какая-то незнакомая инэй (тетка) сидит и зевает. Это кто у вас – девочка? – спрашивает. Я разозлился: Ты что же, не видишь, что батыр? Она смеется: Не ругайся, атай, обижусь – точно девочкой запишу. Ах так, говорю я. А ну-ка пиши немедленно – Салават, мужчина! А что в вашем Тубинском родился, не пиши. Пусть будет местом рождения Баймак – а то по жизни ему всегда придется объяснять, что это за поселок такой никому не известный, которого, может, и на картах нет...»

Вот такое волевое решение принял мой отец – и не прогадал, собственно: через полгода мы переехали в Баймак, районный центр, где Хурмат устроился работать в сельхозотделе райисполкома.

До моих шести лет мы жили в городе Баймаке, а затем переехали в деревню Кожзавод, рядом с селом Темясово. Несмотря на непритязательное название, Кожзавод – старинное поселение, известное с XVIII века. А Темясово, основанное как деревня оседлых башкир в XVII веке, с 2019 года указом президента и правительства Республики Башкортостан объявлено историко-культурным центром. Дело в том, что с марта 1919 по июнь 1920 года Темясово считалось первой столицей республики: после подписания Соглашения центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии Темясово стало временной столицей республики. В Темясово сегодня имеется около 20 памятников истории и архитектуры, в том числе каменный склад-запасник, построенный в 1827 году и до сих пор используемый по назначению, здание волостного прав-

ления, лавка золотопромышленника Рамиева. Историко-краеведческий музей расположен в двухэтажном здании, построенном в 1896–1897 годах.

В годы моего детства в Кожзаводе жили в основном русские, и что меня удивляло в то время, да и сейчас: почти все они довольно сносно говорили по-башкирски. В Темясово башкир было больше, но русских семей – никак не меньше четверти. Причем жили все «чересполосицей», никаких отдельных русских улиц никогда не было.

Темясовская школа-десятилетка имела обучение на башкирском и русском языках. В двух русских классах учились не только русские ребята – и татары в них были, и башкиры. Так же обстояло дело и в башкирских классах – сплошной интернационал. На улице пацаны всех национальностей болтали в основном по-башкирски, а дома, конечно, на родном языке.

А вот с дедом Андреем Чинейкиным, благодаря которому началось мое увлечение лошадьми и конным спортом, я общался исключительно на русском. Дед Андрей работал конюхом на промкомбинате, который был в Кожзаводе. Из-за конюшни я не смог пойти в первый класс в 1953 году со своими сверстниками, потому что простыл там, заболел воспалением легких и долго болел. Но научился на конюшне у деда Андрея очень многому! Мне это потом в жизни на селе очень помогало, я до поступления в техникум в 1961 году от лошадей не отрывался. Приходилось за кучера возить с маму в Баймак, когда она работала там в промкомбинате. Ездил я кучером и с отцом.

Не раз участвовал в конных скачках на сабантуях. Работал на конных граблях в сенокос. Я очень любил лошадей и с удовольствием занимался ими во внеучебное время.

Я рано научился косить траву, пилить и рубить дрова, более того, уже в классе 5-м самостоятельно ездил в лес на лошади за дровами. Отец с самого раннего моего детства поручил мне работу по двору: уход за скотиной, заготовка дров, уборка снега. В эти же годы отец брал меня с собой на рыбалку и на охоту, и это было не баловство. Не развлечение, а настоящий промысел, обеспечивающий мясом и рыбой надолго целую семью.

Темясово стоит у отрогов Уральских гор, неподалеку от впадения в реку Сакмару притока Талашти, в который, в свою очередь, впадает речушка Ширда. Водное изобилие – а для детей раздолье кататься на лыжах, санках, коньках! Лыжи крепились на валенки, коньки тоже, а сани были

Село Темясово сегодня

самодельные, деревянные. Конечно, нам все это нравилось, ведь никаких иных спортивных принадлежностей мы не знали.

Конькобежный сезон был коротким — когда Сакмара и ее притоки уже застывали, а снега на реке еще было мало. Наши реки горные, течение в них быстрое, и застывали они неравномерно. Поэтому возвращение домой мокрым с ног до головы после купания в полынье было довольно частым явлением. Конечно, одобрения со стороны взрослых это не вызывало, но, как правило, такие инциденты не вели к простудам и гриппу. В наших краях зимой морозы в 30–40 градусов не редкость, и в самые холодные дни в школу можно было не ходить. Но гора Рапат рядом с Темясово была полна детей, все с утра до вечера катались на санках и лыжах!

Лето в те годы у нас, сельских ребят, было занято работой — на огороде и сенокосе. На огороде сажали очень много картошки, ее нужно было полоть, мотыжить, а потом собирать. Картошка шла на питание как для семьи, так и для скота в период откорма. А сенокос — особое время, в детстве это труд и развлечение, а для взрослых это, безусловно, тяжелый труд без освобождения от основной работы. В отличие от современных детей, мы к труду приучались с раннего детства. Возможно, именно поэтому во взрослой жизни я никогда не тяготился объемами любой работы: надо, значит сделаю. И сделаю хорошо.

Река Сакмара

Учеба в школе давалась мне легко. «Троек», а уж тем более оценок ниже у меня никогда не было. Здесь свою роль сыграли как природная любознательность и усидчивость, так и контроль со стороны мамы. Надо сказать, был он довольно строгим: в начальных классах за отсутствие прилежания можно было отвратить офицерского ремня, который висел дома на видном месте.

Еще Темясовская средняя школа важна для меня тем, что именно в ней я познакомился с Кларой, моей будущей женой. В школу мы пришли в первый класс в один 1954 год и учились вместе до 7 класса.

Не раз мы с ней вместе пытались вспомнить нашу первую встречу, освежить в памяти, что подумали друг о друге мальчик и девочка. Нет, не получалось. Огромные классы, по 20 учеников, волнения 1-го сентября, множество впечатлений... Нет, никак не вспоминается наша первая встреча. А вот класса со второго мы всегда вместе. Клара, дочь нашей классной руководительницы, своим положением не кичилась, была бойкой, подвижной девочкой. В Темясово вся жизнь кипела вокруг школы, и мы все время были пусть пока не вместе, но рядом, и так каждый день.

В 1961 году я закончил 7 классов и решил поступить в техникум (в те годы в средние специальные учебные заведения принимали после семилетки).

Наш с Кларой первый класс и наша первая учительница, Ляля Сабировна Салихова. Клара сидит рядом с ней слева, я шестой во втором ряду

Каждый новый учебный год нам старались купить новую школьную форму, а другая одежда, повседневная, была весьма скудной, штопаной-перештопаной. Надо было хоть что-то заработать и купить одежду для поступления в техникум. Так на каникулах я устроился на первую серьезную работу. В это лето в Темясово работала геологоразведочная экспедиция, и меня после небольшого экзамена взяли работать в электроразведку. Премудрость была невелика: нужно было таскать кабель от одного прибора к другому. Кабель был довольно тонкий, то есть нести его сил вполне хватало, но измерения проводились по проложенным магистралям через каждые 200–300 метров. В течение дня проводили по 10–12 измерений, значит, нужно было пройти по 25–30 километров в день. Организм у меня был натренированным, и мне это удавалось, хотя и не скажу, что было легко. Но геологов моя работа устраивала. В короткие минуты отдыха они с любовью рассказывали о своей работе, и меня тоже это увлекло, но техникум, где учили геологоразведочным специальностям, был тогда в Уфе и в городе Октябрьском. И тот и другой адрес для темясовского жителя были далековаты, и родителям такая идея не понравилась. Но они поддержали меня в другом. На заработанные деньги купили мне первый в жизни костюм, рубашку, обувь и разрешили поступить в Баймакский горно-механический техникум. Я успешно сдал экзамены и был зачислен

на первый курс по специальности «Разработка рудных и россыпных месторождений», одним словом, горняк для работы и на подземных горных выработках, и на открытых. Время учебы и постижения специальности новые друзья и знакомые — все было абсолютно новым и романтичным, интересным и необычным для сельского подростка.

После второго курса нас всех направили на производственную практику в город Кумертау, на Кумертаужский угольный разрез. Определили меня «нижним рабочим» на роторный экскаватор — немецкий RS-600 (попал к нам после войны по репарациям). В смену на экскаваторе работали четыре человека — машинист, помощник машиниста, машинист погрузчика и я, то есть моя работа была самой простой: подай — принеси — убери и т.д. Несмотря на это, первая трудовая специальность показалась мне очень интересной. К тому же мне платили настоящую заработную плату рабочего-горняка, солидные шахтерские деньги. В Кумертау я проходил и преддипломную практику на четвертом курсе. У меня на всю жизнь остались самые теплые воспоминания о людях, с которыми мне посчастливилось там повстречаться, о годах, когда, наверное, началось мое взросление, формирование меня как личности. Когда мною впервые были преодолены тяжести и трудности настоящей взрослой рабочей жизни.

В мае 1965 года я защитился в техникуме и получил диплом о среднем специальном образовании по специальности «Горный техник». Наш техникум относился к Министерству цветной металлургии СССР, и поэтому распределение на работу (что было обязательно во всех вузах и техникумах) мы получили на предприятия, относившиеся к Минцветмету. И мы, три выпускника и три друга, — Виктор Калинин из Зилаира, Мустафа Ибатуллин из Баймака и я — поехали на Ждановский горно-обогатительный комбинат в город Заполярный Мурманской области.

Путь был не близкий и проходил через Москву, чему мы были несказанно рады, поскольку все трое ни разу не бывали раньше в столице СССР. Очень интересно было увидеть воочию, о чем читали, слышали, видели по телевизору. Мы целый день ходили по центру Москвы, так нам казалось, а в общем-то несколько часов мы крутились вокруг Кремля и Красной площади. И, хотя мы видели лишь краешек столицы, нас трое, выросших в небольшом уральском городке, поразил масштаб города. Огромное метро с потрясающе красивыми станциями. Толпы куда-то спешащих людей. Делясь впечатлениями, мы размышляли о том, хотелось

Мои одноклассники по техникуму: в верхнем ряду – Шавкат Казакбаев, Юлай Давлетов, Валера Гизатуллин, в нижнем ряду – Рауф Уметбаев и я

бы нам когда-нибудь жить в столице, и каждый из нас твердо сказал «нет!»: красиво тут, конечно, но очень шумно и много народу. Гор нет, лесов... Я и подумать не мог тогда, что древняя и вечно юная столица когда-нибудь станет моим домом, родным городом для меня, моих детей и внуков...

К вечеру мы приехали в аэропорт Внуково, откуда рано утром должны были улететь в Мурманск. Ночевали на бетонном полу аэропорта, поскольку не нашли ни единого сидячего места – почему-то было очень много отъезжающих. О другом способе ожидания самолета мы и не помышляли, поскольку денег было мало и само понятие гостиницы казалось нам из какой-то другой жизни.

Утром мы вылетели в Мурманск. Приземляясь в Мурманском аэропорту, самолет пролетает над Кольским заливом, и я в иллюминатор впервые в жизни увидел море, точнее морской залив. Это зрелище произвело на меня глубокое впечатление, памятное по сей день.

А вот Мурманск после Москвы особого впечатления на нас не произвел, кроме разве что порта, где у длинных и широких причалов стояло множество кораблей и среди них огромный атомоход «Ленин», о котором тогда много писали в прессе. До Заполярного из Мурманска мы ехали по железной дороге, почти всю дорогу рассматривая в окно пейзажи Кольского полуострова. После нашей красавицы Башкирии полуостров

Роторный экскаватор. Примерно на таком я и работал

с голыми сопками и жидкой растительностью тундры казался нам унылым и скучным. Правда, его оживляли небольшие речушки и озера, то и дело открывавшиеся нашим заинтересованным взорам.

Город Заполярный начал строиться в середине 1950-х, когда здесь начали разработку гигантского месторождения меди и никеля. Ждановский горно-обогатительный комбинат, созданный в 1956 году, десятилетие спустя, когда я начал там работать, имел в своем составе все подразделения для успешной работы. На ГОКе в начале 1960-х побывал первый секретарь ЦК КПСС, председатель Совета министров СССР Никита Хрущев, поэтому все сооружалось там, как говорится, по первому разряду. Работал рудник с карьером, который разрабатывал сопку. Были организованы все обслуживающие подразделения: электроцех, железнодорожный цех, автотранспортный цех и т.д. После увиденных мной в Башкирии горнодобывающих предприятий, где в основном работало довоенное и трофейное немецкое оборудование, меня поразило, что здесь всюду стояли новые и, главное, не до конца запущенные в работу машины и оборудование. Произвели впечатление новенькие, «с иголочки», гэдээровские и чехословацкие электровозы, норвежские буровые станки и многое другое, о чем старые предприятия могли только мечтать.

Нас троих на комбинате очень по-доброму приняли, заселили в общежитие квартирного типа для инженерно-технических работников и направили на работу на рудник. Попали мы в разные смены и на разную

работу. Я был определен помощником машиниста 8-кубового экскаватора ЭКГ-8. Для понимания, это махина размером с двухэтажный дом, с ковшем, куда может въехать автомобиль «Волга». Начались у нас обычные трудовые будни, работа по сменам, то в ночь, то в день.

Параллельно шло освоение жизни за полярным кругом. Надо отметить, что Заполярный был в то время городом приграничной зоны, въезд и выезд строго контролировался. С точки зрения криминальной обстановки, город не был идеальным и спокойным, впоследствии мы это сполна ощутили. Вспоминаю по этому поводу слова женщины-коменданта общежития в день нашего заселения. Увидев нас, она воскликнула: «Какие же вы молоденькие! Берегитесь, детки, вечером никуда не ходите, здесь очень мало девушек, и что только здесь не бывает, драки и даже убийства почти каждый день». После таких слов стало как-то не очень уютно... Но нам, наверное, повезло: все трое остались живы и здоровы и оттуда благополучно ушли служить в армию.

Что запомнилось из жизни в Заполярном? Первое и, наверное, главное: у меня была очень большая заработная плата. Для сравнения, в советское время я так и не достиг в последующем такого уровня заработной платы, даже став министром культуры в Башкирии. Второе: Заполярный был закрытым городом, и снабжение в нем было не хуже московского. Было все, что душа пожелает, — и вещи, и продукты. Учитывая весьма бедное положение моей семьи в Сибире, я сумел немного помочь родным и одеждой для младших, и деньгами. Жаль только, что поработать за полярным кругом мне довелось недолго: в конце октября 1965 года меня призвали в армию.

Завершая рассказ об этом периоде своей жизни, не могу не вспомнить об одном забавном моменте жизни на Кольском полуострове. Я упоминал, что первый раз увидел море, когда прилетел в Мурманск. Вот и в Заполярном мы решили углубить свое «морское восприятие». От Заполярного до побережья Баренцева моря 25 километров, там находится порт Лиинахамари с базой Северного флота. В один из теплых августовских дней, когда у нас совпали выходные, мы решили поехать на море. К этому времени мною было прочитано немало книг о морских приключениях, оттого и тянуло к морю. Мы остановились на берегу, вокруг нас было бескрайнее, слегка волнующееся море. Мы быстро разделись и бросились в воду. Я ощутил, что в меня вонзается тысяча иголок, когда нырнул

в шестиградусную воду Баренцева моря! Но выскочить сразу никак было нельзя, чтобы не осрамиться перед друзьями. Каждый из нас старательно греб, оглядываясь на других – кто не выдержит первым. Я терпел до последнего, выбежал на берег третьим и еще большой палец показал, мол, отличная водичка...

Впоследствии приходилось мне купаться в Черном, Средиземном, Охотском морях, в Тихом океане, причем не всегда в купальный сезон, но такого ощущения, как в Баренцевом море, не было нигде.

В ракетных войсках

*Башкорт батыры Парижға тиклем барып еткән
(Башкирский батыр до Парижа доскакал)*

Воинские традиции составляют основу национального характера башкирского народа. В народных песнях узун кюй, сохранившихся с глубокой древности, рассказывается о героических сражениях, отражениях набегов воинственных соседей, дальних походах отважных воинов. Л.Н. Толстой, в течение 20 лет приезжавший в Башкирию и обожавший этот край, писал о воинских традициях башкирского народа, связывая происхождение башкир со скифами: «...Читаю Геродота, который в подробностях описывает тех самых галактофагов — скифов, среди которых я живу. От башкир пахнет Геродотом». В войне 1812 года участвовали «два пятисотенных полка из башкир», прозванных французами «северными амурами» за великолепное владение луком и стрелами. В заграничных походах русской армии 1813–1814 годов башкирская конница помогала русским войскам в изгнании французов из Гамбурга, Эрфурта, Берлина, Веймара, Франкфурта-на-Майне. Участвуя в наступлении армии, девять башкирских полков победоносно вступили в Париж.

Память о героических предках живет в сердце народном, и с самого раннего детства мальчика в башкирских семьях воспитывают как воина, готовят к службе в армии.

Для меня, как и для подавляющего большинства моих сверстников, не было вопроса, идти или нет в армию. Получив повестку, в военкомат я отправился с радостью и с уверенностью, что в армии все у меня получится.

Военный комиссариат Печенгского района, к которому относился город Заполярный того времени, находился в городе Никель, расположенном непосредственно около границы с Норвегией. Дорога Заполярный — Никель проходит в 50 метрах от пограничной полосы, из окна автобуса

Младший сержант Аминев, 1965 г.

были видны строения норвежского городка Киркенеса. Местный парень кивнул в окно, показывая мне: «Смотри, вон резиденция короля Норвегии!» Я до рези в глазах вглядывался в сумрак на чужой земле, замечал силуэты зданий незнакомой архитектуры. Никельчанин пошутил: никакой резиденции короля в Киркенесе нет, но городок этот действительно интересный и имеет многолетние связи с Россией. 25 октября 1944 года в город вошли части Красной армии, и Киркенес стал первым из городов Норвегии, освобожденным от нацистской оккупации; местные жители встречали советских солдат как героев...

В конце октября 1965 года я получил повестку и с вещами прибыл в Пен-

ченгский военкомат для дальнейшей отправки к месту службы в Советской армии. По призыву я был приписан к отправке в морскую пехоту. Мы, 15 человек призывников, переночевав в военкомате, наутро были отправлены поездом в город Кандалакшу, где располагался пересыльный пункт. Железная дорога проходила через уже ставший мне родным Заполярный; наш поезд стоял там 20 минут. Не только я, но и другие призывники были потрясены шумом и приветственными возгласами на перроне: это моя горняцкая бригада экскаваторщиков чуть ли не в полном составе пришла провожать меня в армию. Принесли много продуктов на дорогу, в том числе и водки, чтобы не скучно было в пути. Припасов хватило на всех 15 человек, которые ехали со мной в армию.

Но это был не последний сюрприз по дороге к месту службы. По прибытии в пересыльный пункт Кандалакшу нас направили в медицинскую комиссию для окончательного решения о годности для службы в армии. В комиссии был подполковник, который отбирал призывников для службы в своей части. Я заметил его пристальный взгляд, и вдруг он резко встал и подошел ко мне: «Откуда родом, боец? В какие войска направлен?» Я ответил как положено, а он продолжает: «А как зовут твоего отца?» От-

вечаю: «Хурмат», а офицер дальше спрашивает: «Он воевал?» Отвечаю: «Да, он артиллерист» (на погонах подполковника тоже были артиллерийские петли). Тут офицер обнимает меня и говорит: «Похоже, воевали мы вместе с твоим отцом! Но это еще уточним, а сейчас, если не против, заберу тебя в свое учебное подразделение. Будешь ракетчиком!» Я возражать не стал, тем более что в то время ракетчики еще были редкой военной специальностью. Так я попал в «учебку» в г. Лугу Ленинградской области. Оказалось, что подполковник остановил на мне взгляд, поскольку я был похож на отца в молодости. Я потом списался с отцом, и действительно, их пути с подполковником Беловым, командиром дивизиона Отдельной ракетной бригады, где я начал служить, пересекались на фронте, и в последующем они переписывались.

Служба в ракетных войсках у меня складывалась неплохо. Был я запевалой во взводе во время строевых занятий, и вообще строевая подготовка шла хорошо: в дальнейшем на службе в линейной части на Урале я до демобилизации носил на торжественных построениях знамя воинской части. Во время службы именно в этой части впервые стал комсомольским активистом. В комсомол я вступил еще во время учебы в техникуме, а вот секретарем комсомольской организации взвода меня избрали именно на первом году службы в армии. Это было поистине судьбоносное изменение в жизни, но об этом позже.

Наша ракетная пусковая установка была для армии совершенно новой — начала поступать на вооружение в 1965 году. В нашей части не было копировальной аппаратуры, и меня с моим сослуживцем Мишей Золочевским, как закончивших техникум (он, кстати, призывался со мной вместе из Никеля), посадили делать цветную копию для обучения личного состава. Мы почти месяц кропотливо делали эту работу, что в последующем сослужило добрую службу — мы лучше всех знали материальную часть нашей пусковой установки, даже лучше офицеров, которые учили нас воевать на ней.

В «учебке» служба составляла 9 месяцев официально, а у меня со дня приезда в Лугу до отъезда прошло 11 месяцев. За это время я маршировал в параде к 7 ноября в составе своего взвода, участвовал в охране полигона, который находился недалеко от города, во время больших артиллерийских учений Ленинградского военного округа. На всю жизнь осталось в памяти открытие в городе мемориального захоронения защитников Ле-

На полигоне «Эмба» в Казахстане

нинграда, погибших в 1941 году. На этом кладбище похоронены тысячи молодых солдат, курсантов училищ и офицеров. Под Лугой в 1941 году воевал и мой отец – курсант Ленинградского высшего военного училища. Как он впоследствии вспоминал, там на поле боя осталось 80% его сослуживцев...

Наш взвод был удостоен чести салютовать на торжественном открытии и участвовать в торжественном прохождении перед гостями мероприятия.

После окончания обучения мне было предложено остаться командиром отделения будущего поступления молодежи, но я попросил о направлении в линейную часть для прохождения настоящей службы. Таким образом

я и еще двое сослуживцев оказались в отдельном ракетном дивизионе при танковой дивизии, которая располагалась в деревне Порошино Камышловского района Свердловской области. Мне еще в «учебке» было присвоено звание младшего сержанта. Для офицеров-артиллеристов ракетная установка и весь комплекс были новыми. Поэтому мы трое, приехавшие из одной «учебки», но с разными специальностями, были очень востребованы. А мое хорошее знание материальной части позволило быстро стать своим человеком в новом воинском сообществе. По приказу командира дивизиона мне пришлось даже обучать офицеров, показывать, как работает пусковая установка, как заряжается ракета и т.д.

Боевые стрельбы мы проводили на военном полигоне войсковой противовоздушной обороны «Эмба» в Актюбинской области Казахстана. Полигон был создан в 1960 году для исследовательских работ и испытаний новейших образцов вооружения и военной техники ПВО Сухопутных войск, обучения боевому применению вооружения и военной техники и проведения учебных стрельб частями и соединениями войск ПВО Сухопутных войск. Он использовался до начала 1980-х годов, затем испытания были переведены в Капустин Яр.

У нашего комдива была привычка: объявляется подъем по дивизиону, все грузятся в машины, и нас за 3 км вывозят в степь, а оттуда все бегом в часть... на завтрак. Так мы тренировались каждое утро во время пребывания в Казахстане на боевых стрельбах. За время службы мне пришлось несколько раз выезжать в «Эмбу», причем ехали мы туда в вагонах-теплушках, как во время войны. Правда, офицеры ехали в обычных, пассажирских вагонах. Приходилось мне и самому нажимать на кнопку «Пуск», отправляя ракету в цель, поскольку я был назначен заместителем начальника пусковой установки. Начальником расчета был старший лейтенант Юрий Страхов, талантливый офицер родом из Тулы, и когда он ушел на повышение – командовать батареей, то меня поставили на его место. Случай небывалый – старший сержант в мирное время назначен на офицерскую должность. В такой позиции я служил весь третий год, до самого дембеля. Мне предлагали пойти в военное училище или остаться на сверхсрочную службу, но я решил вернуться домой.

Во время службы в этой части произошло событие, которое определило мою дальнейшую жизнь. Меня избрали секретарем комитета комсомола в/ч, и запись об этом была внесена в учетную карточку члена ВЛКСМ. Нельзя сказать, что в армии я увлекся комсомольской работой, но поручения замполита и секретаря парткома выполнял четко, в общем, нареканий на этот счет не имел. И уже на гражданке эта запись в учетной карточке сыграла решающую роль в моей дальнейшей судьбе.

Возможно, кто-то, читая эти строки, подумает: что ж так «слащаво» описывается армейская жизнь? Что ж, не скрою: вспоминать свою молодость всегда приятно. Действительно, были у меня в армии разные моменты: бывало и тяжело, и порой обидно, когда тебя не понимали, и опасно, и горько. Никогда не забуду трагедию, произошедшую за три месяца до «дембеля». Были у нас контрольные стрельбы из автомата – кстати, из стрелкового оружия мы стреляли очень редко, главное было ракетные учения и стрельбы. Так вот, на стрельбище в теплый летний день с нами вместе стреляли молодые ребята, недавно прибывшие служить. После выполнения упражнения все садились в круг неподалеку от рубежа. Вернулся очередной молодой солдат, сел рядом с нами. Его старшина не проверил оружие после стрельбы и он, сев рядом в круг, нечаянно нажал на курок. Прозвучал выстрел оставшегося в стволе патрона, и пуля попала прямо в сердце Валеры Старшова, с которым мы призывались

вместе из Мурманской области и служили в «учебке» в Луге. 7,62-мм пуля в сердце не оставляет никаких шансов. Так я потерял своего друга, с которым служил вместе три года.

Были и другие огорчения, но в целом я горжусь годами службы в армии, которые в большой степени повлияли на мою дальнейшую жизнь. Пусть прозвучит несколько пафосно, но я скажу, что эти годы научили меня любить Родину и защищать ее профессионально, быть ей верным до конца.

В последние годы пресса и телевидение нередко создавали негативный облик армейской службы. Множество было сериалов, где приметами жизни военных показана торговля оружием, дедовщина и прочее. Мне такое не по душе. Не нравится мне и нынешняя заикленность на различных парадах, показухе некоторых учений, игр вроде танкового биатлона. Я сторонник показа и рассказа о воспитании в армии патриотов Родины, людей, бесконечно преданных своему делу, причем без показного бряцания оружием, которое и представить было невозможно во времена моей службы в армии. И еще в связи с военной службой не могу не отметить: офицерские и особенно генеральские звания раньше были высочайшей гордостью для достигших их людей. А сейчас становится горько и обидно, когда по телевизору вещает журналистка, может, и симпатичная, но за чем-то в генеральских погонах. Нелепо смотрится 30-летняя красотка — генерал-майор — сотрудница Министерства обороны. Я не приемлю такое принижение военных званий, мне кажется, это кощунство.

В августе 1968 года пришло время моей демобилизации из армии. Запомнились два момента, тронувших душу. Я все годы службы в войсковой части в Порошино был знаменосцем части. Когда пришло время уезжать домой, командир дивизиона, подполковник Серов, приказал построить дивизион для церемонии моего прощания со знаменем. Трудно описать захлестнувшие меня эмоции, главными из которых были гордость и чувство благодарности за оказанную мне честь. И второе событие: вместе с нами, «трехгодичниками», должны были демобилизоваться ребята 1947 года рождения, отслужившие два года, поскольку в октябре 1967 года был принят закон «О всеобщей воинской обязанности», установивший соответствующий срок службы. Но наш командир принял решение демобилизовать в этот день меня одного и лично проводил меня на вокзал, снабдив всем необходимым на весь путь следования домой.

Клара: вместе навсегда

*Һәр кешенең үз пары менән тыуа
(Каждый человек рождается со своей парой)*

Нас с женой часто спрашивают: «Вы знакомы почти 70 лет, женаты пять десятилетий — и не наскучило, не устали друг от друга?» Клара всегда отшучивается, а я отвечаю серьезно: «Как мы могли друг другу наскучить? Мы менялись, и каждый год были друг для друга новыми. И сейчас каждый день открываем какие-то новые черты — я в ней, она во мне!»

Как я уже говорил, в первый класс Темясовской средней школы мы оба пришли в 1954 году и учились вместе до 7 класса. Когда-то я допытывался: «Клара, ты обратила на меня внимание в первом классе? Какой я был, помнишь?» Нет, конечно, она меня не помнит среди без малого двадцати мальчишек-первоклашек. Конечно, в таком возрасте девчонки совсем не замечают своих сверстников, а если замечают, то хулиганов. А я хулиганом не был.

И я Клару не сразу выделил среди сверстниц, хотя всем нам было известно, что она — дочь учительницы, Гайникамал Зариповны.

Ее семья была во многом необычной для Темясово. Я попросил ее рассказать о ней, чтобы не упустить важных подробностей.

«Мой отец, Бухар Атаулович Газин, прошел всю войну, вернулся в село с орденами и нашивками за ранения. От ран и умер молодым, в 39 лет. Ему я обязана своим именем, необычным для башкирской семьи. Отец после Победы год служил в Группе советских оккупационных войск в Германии, и вроде бы была у него там подруга-немка. Ну или жил он некоторое время в доме, хозяйкой которого была некая Клара. Не очень охотно он о ней говорил, а мама из гордости не стала расспрашивать. Когда я родилась, на семейном совете мне решили дать имя «Карима». Отец согласился, пошел в сельсовет... и приносит оттуда свидетельство о рождении с именем новорожденной — Клара. Мама в слезы: да как же так, мы же обо всем договорились! Зачем ты и тут свою немку вспомнил?»

А отец смеется: никакой немки! Просто имя красивое — ни у одной девочки в селе такого не будет!

Вот так я стала у отца-башкира и мамы-татарки дочкой с немецким именем.

Папа прожил с нами недолго, и я не очень хорошо его помню. Последние годы он болел, часто лежал в госпиталях. Через шесть лет после его смерти мама вышла замуж за Шакира Саитовича Байрамгулова, тоже фронтовика, вернувшегося с войны офицером с орденами и медалями. Он, как и мама, был учителем и проработал в Темясовской школе до самой смерти на 57-м году жизни в 1980 году. Его я считаю не отчимом, а отцом — настолько мы с ним были дружны, настолько хорошо, по-доброму, по-отечески он ко мне относился.

А у мамы была уникальная учительская судьба — хотя, наверно, у всего поколения, пережившего военное лихолетье, судьбы были как романы или даже поэмы...

Гайникамал Юмагулова, моя мама, настолько хорошо училась в школе, что после окончания все деревенские собрали деньги на обучение одаренной девочки в Караван-сарая в Оренбурге — чтобы там она стала учительницей и вернулась в Темясово, учить новых ребятшек.

Караван-Сарай был построен в середине XIX века на добровольные пожертвования для размещения канцелярии Башкирского казачьего войска и школы для башкир. Историко-архитектурный комплекс состоит из Башкирского народного дома и мечети. По оригинальному проекту архитектора Александра Брюллова было построено уникальное здание, стилизованное под традиционный башкирский аул: центральной доминантой ансамбля стала восьмиугольная мечеть. После ликвидации управления Башкирским войском в 1865 году Караван-Сарай был незаконно отобран у башкирского народа, а в 1918-м декретом В.И. Ленина был ему возвращен. В 1920 году в здании Караван-Сарая был открыт Башкирский институт народного образования, преобразованный позже в Башкирский педагогический техникум, просуществовавший до 1936 года. Это учебное заведение выпустило множество башкир — деятелей культуры и искусства, которые в первые годы после революции были родоначальниками башкирской интеллигенции. С 1980-х годов руководители Башкирии не раз обращались к руководству Оренбургской области о передаче Караван-Сарая под юрисдикцию Республики Башкортостан как исторического памят-

Гайникамал в молодости

ника башкирского народа, но положительного решения по этому вопросу принято не было.

Так вот: 18-летняя Гайни, почти не знающая русского языка, нашла в Оренбурге знаменитый Караван-Сарай и записалась там в математическую группу, так как отлично знала именно математику. На первых занятиях, по рассказам мамы, она ничего не понимала (уроки шли на русском), но, как видела на доске математический пример или формулу, тут же рвалась к доске с поднятой рукой: я знаю, я решу! Через некоторое время педагоги поняли, что у девочки русский «хромает», приставили к ней опытного учителя, и вскоре

Гайни уже и примеры решала, и с подругами щебетала на русском, как на башкирском.

Закончив техникум, она вернулась в Темясово, вышла замуж и родила сына Юнера. В первые дни войны муж Гайни Зариповны ушел на фронт. Вскоре с фронта стали приходиться похоронки, от голода и невзгод умирали и вдовы. В близлежащих деревнях появилось множество детей-сирот. В 1943 году было принято решение об открытии в Темясово детского дома. Республиканские власти приняли решение доверить руководство им 23-летней учительнице Г.З. Юмагуловой.

Как рассказывала мама, она была в панике, когда ей сообщили о таком решении. Написала на фронт своему старому учителю: что делать, боюсь, не справлюсь, хозяйственной работы не знаю. Он ответил: не переживай, возьми завхозом такого-то, и справишься. Гайни согласилась и всю войну растила и воспитывала сирот – детей войны. Мама рассказывала: поначалу было сто ребят. Только что ни день – прибавление: встанем утром, а у крыльца лежат еще пять-шесть детей, больных и голодных. Со всей округи везли, подкидывали сирот всех возрастов, до 400 воспитанников было в Темясовском детдоме. После Победы мама еще 10 лет директорствовала в детдоме. А когда его расформировали, закончила Магнитогорский учительский институт и вернулась в школу преподавателем математики.

Как и мой отец, и моя мама, мой отчим Шакир Саитович был

Клара возле дома Газиных, 1962 год

учителем. До войны он успел окончить техникум и преподавал труд и географию. Его любили и в учительском коллективе, и все дети: был заводилой, организатором школьных праздников и всех походов, коих было множество, порой и высокой степени сложности. По горам и малопроезжимой тайге. Он был мне как родной и очень хорошо ко мне относился, берег меня. Пошлет мама за водой, и он тут же отправляется следом, перехватывает у меня тяжелые ведра. Мама рассказала, что, когда Шакир Саитович умирал, все про меня говорил: я ухажу — ты Клару береги, она хрупкая девочка, не перенапряглась бы...»

Добавить к рассказу Клары я могу только одно: авторитет ее мамы и отчима в селе был непререкаемым. Еще с военных времен, когда Гайни поставили руководить детдомом, ее все темясовцы, даже люди постарше, называли исключительно Гайни апай, как традиционно обращаются к старшей сестре или сестре отца, уважаемой и любимой тете. А в школе только на уроках двух преподавателей можно было услышать полет мух — у Гайни Зариповны на уроках математики и Марата Абдурахмановича на уроках географии, настолько уважаемы были эти педагоги и так интересно проводили они свои уроки!

Впрочем, вспоминая всех учителей школы в Темясово, не устаю повторять, какого высокого класса это были люди и специалисты: мужчины-фронтовики с богатым опытом жизни на фронте, женщины — труженицы тыла, которые в тяжелейших условиях продолжали учить детей и вести дела своей семьи — никто ведь с них сельских обязанностей не снимал, а это и дрова, и скотина, и птица с проблемами заготовки для них корма.

И еще об одном вспоминаю — о высоком уровне преподавания в школе. Думаю, в Баймакском районе, а может, во всей Башкирии, не найдется другой школы, выпускники которой в таком количестве закончили вузы и техникумы. Скажем, в нашем классе и классах рядом, на год старше и моложе, продолжили обучение и получили дипломы не менее 80% учащихся.

Однако — вернемся к нашей с Klarой истории. Итак, после 7-го класса я поступил в техникум в Баймаке, она же осталась в Темясово, учиться в школе. Не сказать, что до этого момента я выделял ее среди девчат моего возраста, а она — меня. Из Баймака я часто приезжал домой, благо это недалеко, всего 55 километров. Бóльшую часть летних каникул помогал родителям — рубил дрова, заготавливал сено на зиму для домашнего скота.

Так вот — в каникулы после первого курса я приехал в село уже почти взрослым парнем, которому было позволено, например, ходить на танцы. А вот восьмиклассникам и восьмиклассницам это еще рано было — не пускала их бдительная завклубом Бика апай. Только для двух девчонок моего возраста было сделано исключение — для Klarы и ее подруги Вали — такая им была награда за то, что в клубе полы мыли! Бика апай строго блюла нравственность среди молодежи и не разрешала на танцах танцевать входивший в моду в то время твист. Она вообще по своему усмотрению могла не пустить на танцы или же выпроводить из клуба, если ей что-то не понравилось. Вот в таких условиях начиналось наше юношеское увлечение друг другом. В деревне есть такая особенность: во-первых, все друг друга знают и, во-вторых, обо всех мало-мальских событиях также знают все. Мы, может быть, пару раз припозднились после танцев, но Klarины родители уже забеспокоились. Они ждали ее, пока не придет, и отчим выходил ее искать, когда истекал определенный ей срок для прогулок. Однажды мама Klarы серьезно отчитала Klarу, но, разобравшись, с кем она гуляла, больше не проявляла неудовольствия. Как она впоследствии объяснила, ей показалось, что Клара гуляет с другим нашим одноклассником, хулиганистым парнем. А я в представлении Гайни Зариповны был человек вполне солидный, студент техникума, и в школе ни в чем предосудительном не замеченный...

Вот так у нас все начиналось, но до свадьбы было еще очень далеко. И я снова прошу Klarу рассказать о тех давних событиях.

«Когда я училась в 9-м классе, ввели 11-летнее обучение. Мне не хотелось терять год, и я, самостоятельно выучив все предметы 10-го

Клара в 1970 году

класса, уехала в Баймак поступать в 11-й класс. Салават всегда думал, что такую «штуку» я провернула, чтобы быть с ним рядом, видаться почаще — а я, хоть и мелькало что-то такое на заднем плане, больше хотела поскорее поступить в институт... Но, действительно, в этот год виделись чаще, уже, как в те годы говорилось, гуляли вместе...

Продолжить учебу я решила в Магнитогорске. Этот город всего в 100 километрах от Сибая, куда в последующем переехала моя семья. Страшновато было поступать в Уфе — далеко, никого знакомых. А в Магнитогорске, в Горно-металлургическом, уже

учился мой брат — у него была своя машина, и он обещал меня возить к родным, когда соскучусь. Окончила я школу с серебряной медалью, школьную программу знала отлично по всем предметам — было, как говорится, море по колено. Подала документы сразу в два вуза: в Магнитогорский горно-металлургический институт (МГМИ, ныне Государственный технический университет) и в педагогический. И отлично сдала экзамены в оба сразу! Выбрала горный, в общем-то, из чувства противоречия: уж больно хотела мама, чтобы я стала учительницей. Когда она узнала о моем решении, примчалась в деканат стройфака МГМИ — в национальном платье, со всеми наградами — и давай уговаривать декана: это ошибка, не нужно ей в горный, она прирожденный педагог! Декан в растерянности: она же все экзамены сдала на отлично, и профессия востребованная, интересная. Но надо знать мою маму, женщину очень упорную и уверенную в правильности своих решений. Стоит на своем: это ошибка, отпустите студентку Газину! В общем, договорились так: если после первого курса у меня что-то не так пойдет с учебой, декан сам переговорит в «пед», чтобы меня взяли на второй курс. Но ничего этого не понадобилось: первую сессию

Верхний ряд: Салима (сестра), я, Клара (жена). Внизу взрослые: папа Хурмат Халилович, мама Сакина Сафиновна, теща Гайникамал Зариповна, тесть Шакир Саитович. Дети: Артур – сын Салимы, Альбина – наша дочь, Ринат – наш сын

я сдала на отлично, профессиональные предметы очень нравились. В общем, маме пришлось смириться. Но в итоге она оказалась права: окончив вуз, ни в науку, ни на стройку я не пошла – а отправилась по распределению в Новотроицкий строительный техникум, преподавать сопромат и теоретическую механику, мои любимые предметы. И так мне понравилось преподавать, что, проработав в Новотроицке год и уйдя в «декрет», устроилась я затем в Уфимский автотранспортный техникум, где проработала 20 с лишним лет...

А отношения наши с Салаватом в годы нашей учебы и его службы в армии развивались в основном... в эпистолярной форме. Писали друг другу часто, а встречались только летом в Темясово, а потом в Сибяе.

В селе мы всегда жили довольно далеко друг от друга: Аминыны несколько раз меняли место жительства, а мы всегда жили рядом со школой. На лето все приезжали в деревню, а школа была настоящим центром притяжения: выпускники разных поколений встречались у школы, после чего организовывали совместные походы в горы, на танцы, в гости друг к другу. Многие так и поженились – учились в школе, потом встречались у школы, потом свадьба с обязательным посещением школы.

А мы еще и переписывались, горы писем написали друг другу. Он писал из Баймака, из Заполярного, где работал по распределению, из армии – и из «учебки», и из воинской части в Свердловской области. Правда, в 1968 году ему дали пятидневный отпуск после очередных учений, и мы встретились и в течение суток были вместе. Затем у меня опять учеба в институте, у него служба в армии. Вот он уже в горкоме комсомола в Сиббае, а я пишу дипломную работу в Магнитогорске... Встретились в Темясово: пора уж определяться в отношениях, уже и родные интересуются: вы уже когда поженитесь?! А тут его приглашают в Москву, на учебу в ВКШ!»

Да, все так и было: во время моей работы в Сиббае мы более-менее регулярно встречались, а когда в 1969 году я уехал учиться в Москву, встречи наши опять стали редкими. Но мы тогда договорились: она в 1970 году заканчивает институт, я – первый курс, и мы летом во время каникул поженимся. В этот год на каникулы я поехал в стройотряд в Карелию, чтобы заработать деньги на достойную свадьбу. Удалось купить кое-какие подарки Кларе и внести свою лепту на затраты на свадьбу, которые в основном несли наши родители. 15 августа 1970 года, по возвращении из стройотряда, мы с Кларой расписались в Темясовском сельсовете о совместной жизни на многие годы.

Свадьба проходила в доме родителей Клары в Темясово, куда были приглашены мои и ее родные, учителя, да и просто знакомые и друзья. Мои родители жили в Сиббае, квартира там была небольшая, а у родителей Клары – и дом просторный, и двор. Собралось около 100 человек.

Описать это радостное событие я прошу свою жену.

«Салават приехал вместе со своими однокурсниками. Один из них, Наиль, был свидетелем, и подарил мне букет гладиолусов – вся деревня удивлялась, такой он был большой и красивый. Во дворе постелили доски, провели «иллюминацию» из разноцветных лампочек с питанием от автомобильного аккумулятора и плясали до самого утра. Помню, что-то у электрика не ладилось. Свет постоянно гас, и всех это очень веселило...

Через несколько дней после темясовской гулянки пришлось накрывать стол и в Сиббае. Пришли друзья и соратники Салавата по работе в горкоме комсомола и те родные, которые не были в Темясово.

А через четыре дня мы разъехались – он в Москву, я в Новотроицк. Вместе жить мы стали только через три года...

Мы с Klarой и наши дети Альбина и Ринат незадолго до переезда в Москву

В те годы такие ситуации были в порядке вещей: работа, учеба — вот что считалось главным в жизни. Свадьба же — мимолетное и не так чтобы очень важное событие. Совместная жизнь — ну уж как сложится, можно и в разлуке потерпеть...

Итак, пошли обычные будни: у Салавата студенческие, у меня преподавательские. Несколько раз он приезжал ко мне в Новотроицк, но мы сразу договорились, что рваться ему к молодой жене не надо: и стоимость билетов велика, да и учебный процесс было не просто прервать в условиях столь солидного вуза, как ВКШ. Весной 1971 года я вышла в декретный отпуск и уехала к родителям в Темясово. Рожать меня родители устроили в Сибее, а забирал меня с сыном из роддома друг Салавата — не смог студент приехать из Москвы — была сессия... И это тоже было в порядке вещей: как это отпроситься с сессии? Никак невозможно! Как сессию сдал — дня через четыре после выписки приехал. А уж когда дочка родилась, забирал нас сам, был уже не студентом, в обкоме работал...»

***

... На страницах этой книги еще не раз своими воспоминаниями поделится Клара – жена, спутница, помощница и советчица во всех моих делах. Она не скажет только одного – как нелегко ей приходилось все эти годы. Я приходил домой часто за полночь – у партийного работника, министра, налогового «генерала» день ненормированный. Но я знал – меня ждет тепло и уют, готов вкусный ужин, дом сияет чистотой, дети, а потом внуки отлично подготовили домашние задания, и все их заботы утрясла-решила мама и бабушка. От груза житейских забот она меня освободила раз и навсегда, и то было ее продуманное личное решение. Она делила со мной все победы и достижения, переживала мои разочарования и поражения. Так что все события, описанные далее в этой книге – наши общие, одинаково важные и для меня, и для Клары.

Мои друзья, мои товарищи

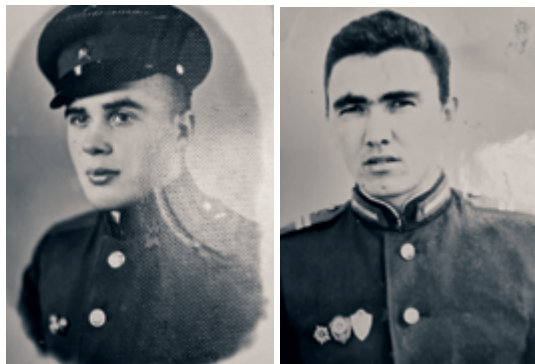
*Кешене мең тапкыр һанамайзар
(Друга испытывают один раз)*

В предыдущих главах я рассказал о моих родных и близких, о людях, которых не выбирают — они даны Аллахом по жизни. В дальнейшем, повествуя о своей работе на разных «этажах» власти, я обязательно упомяну своих соратников и сослуживцев разных лет. Тех, кто помогал мне в реализации моих идей и замыслов, и тех, кто «подтягивал» меня к себе, рассчитывая на тесную и продуктивную совместную работу.

А в этой главе я хочу назвать и вспомнить моих друзей, окружавших меня в разные периоды моей жизни, тех, с кем я — а нередко мы с Klarой вместе — десятилетиями общались в силу единых интересов, глубокого уважения друг к другу, взаимной приязни.

В детстве, в первые школьные годы я был очень дружен с Ринатом Бикбердиным, братьями Сашей и Виктором Карповыми. Это была настоящая пацанская дружба — с бегом и играми на сельской улице, с походами в горы, с рыбацкой зорькой на берегах Сакмары. Когда я повзрослел и начал ходить на школьные танцы, в круг общения стали входить девочки — Клара Газина, моя будущая супруга, Клара Сагинбаева, Сулпан Бакаева, Валя Степанова. Конечно, круг общения был значительно шире — это и одноклассники, и соседи по местам проживания в Темясово (в годы моего детства семья по разным обстоятельствам сменила несколько домов). Я же называю тех, с кем отношения были наиболее близкими, особенно доверительными и постоянными.

Ринат Бикбердин был моего года рождения, но в школу пошел на год раньше. У Рината была большая семья. Отец-фронтовик рано умер, но в семье были уже взрослые брат и сестры, родившиеся до войны. Они и стали главными помощниками матери Рината. Спустя много лет, окончив вузы и обзаведясь семьями, мы вновь встретились с Ринатом, уже в Уфе, и продолжали тесно общаться до его преждевременной смерти в 1990 году.

Виктор Калиничев и Мустафа Ибатуллин

Может быть когда-нибудь, уже для правнуков, я опишу наши детские приключения с Ринатом — веселые и смешные, а порой опасные и безрассудные... А про нашу взрослую дружбу скажу одно: мы были нужны друг другу и в большом, и в малом, пока был жив Ринат. Не случайно его сына зовут

Салават, а моего — Ринат, это многое объясняет.

К сожалению, рано ушли из жизни и братья Карповы. Саша окончил Уфимский медицинский институт и всю жизнь работал врачом. Виктор, как и я, получил диплом Баймакского горно-механического техникума, но горняком не стал, а был связан с автомобилями. Они оба большую часть жизни прожили в Магнитогорске, где и похоронены.

Что касается Сулпан и Вали, то мы с ними общаемся по сей день. Клара уж точно ежедневно разговаривает со своими подругами по телефону.

Годы учебы в Баймакском горно-механическом техникуме тоже были полны новыми знакомствами и дружескими отношениями. Тут надо учесть одно обстоятельство: я поступил в техникум после 7-го класса, в 15-летнем возрасте, а в группе со мной учились и 20-летние молодые люди. Это накладывало свою специфику на взаимоотношения, отличную от школьной. В одной группе со мной с первого курса учился Виктор Калиничев из села Зилаир, он поступил после 9-го класса. Мы с ним делили комнату в общежитии. Несмотря на разные возраст и прошлую жизнь, мы быстро сдружились. Характерной особенностью Виктора была его необычайная аккуратность и, как бы сейчас сказали, стильность. Все в его облике было не таким, как у наших однокашников, в основном простых сельских ребят, не сильно следивших за своей внешностью. А Виктор... Он выделялся даже на фоне городских — и по манере одеваться, и по стилю общения. Он был — в нашем тогдашнем понимании, конечно, — очень изысканно и модно одет, всегда хорошо пострижен и гладко выбрит. От него всегда исходил

аромат хорошего одеколona — вообще редкость по тем временам. Я постепенно стал подражать ему, и это мне очень пригодилось в дальнейшем.

Была у Вити и другая особенность: он был очень плохо подготовлен в учебном плане, несмотря на то что его мама была учительницей. Знания у парня практически по всем предметам были значительно ниже среднего. А вот физическая подготовка у него была лучше всех на курсе. Он великолепно ходил на лыжах, умел играть во все спортивные игры, популярные в то время. А еще — он классно дрался, что в условиях того времени и места имело немаловажное значение.

Для меня его физическое совершенство было примером для подражания. Все спортивные кружки и секции, куда ходил подтянутый атлет, постепенно стали и моими. Я же, в свою очередь, старался помочь Виктору с учебой, к сожалению, часто безрезультатно. Из-за слабых знаний и недостатка усердия он часто оставался без стипендии, и тогда мы месяцами жили на мою. В нашем техникуме стипендия была 30 рублей, и каким-то непостижимым образом этих денег хватало, чтобы поддержать в работоспособном состоянии два молодых организма!

Ближе к концу обучения к нам из другого техникума пришел Муштафа Ибатуллин, вот втроем мы и поехали по распределению в город Заполярный. В разное время нас троих призвали в армию, а после армии и по сей день наши встречи и общение носят, к сожалению, эпизодический характер. Но мы знаем, чем занимается и как живет каждый из нас и сегодня.

В годы службы в Советской Армии в 1965—1968 годах со своими сослуживцами мы дружно преодолевали все тяготы воинской службы. Кажалось, что боевое братство продлится многие годы. Но так получилось, что после службы судьба разметала нас по разным концам огромной страны и встречаться, переписываться, общаться как-то не пришлось.

После армии, с учетом того, что мне проходило довольно часто менять места и даже характер работы, круг общения был очень широким. Были люди, с которыми сложились дружеские отношения. В ходе дальнейшего рассказа я о многих из них расскажу. А здесь я хочу назвать тех моих друзей, которые мне по-настоящему дороги. С некоторыми из них я продолжаю общаться, но многих, к моему глубокому сожалению, уже нет.

После армии, недолго поработав на руднике Башкирского медно-серного комбината, я начал работать в Сибайском горкоме ВЛКСМ.

С Валерием и Татьяной Мавлютовыми

Мы с семьей Оли и Валеры Демченко и Светлана Анисимова

Салават и Суфия Кусимовы

В это время (речь идет о 1968 годе) секретарем комсомольской организации Сибайской горбольницы был Валерий Иванович Мавлютов. В ходе рабочего общения мы с ним сблизились и подружились на долгие годы, до его ухода из жизни в 2001 году. Валера был чуть старше меня по возрасту и приехал в Сибай из Уфы, работать по распределению после медицинского института. Мама его, Магрифа Закиевна Мавлютова, была очень известным человеком в Башкирии. Доктор наук, профессор, директор института УфНИИ (Уфимский нефтяной научно-исследовательский институт) в 1947–1970 годах, затем зав. лабораторией Башкирского научно-исследовательского и проектного института (БашНИПИнефть). Неоднократно избиралась депутатом Верховного Совета РСФСР, в 1944 году, будучи заместителем председателя Президиума Верховного Совета РСФСР, встречалась со Сталиным.

Выросший в знаменитой на всю республику семье, Валера был очень интеллигентным, воспитанным и начитанным человеком. И, конечно, блестящим специалистом-медиком. Начинал свою медицинскую карьеру он в Сибаве, а затем,

Султан и Виктор Возвышаевы

вернувшись в Уфу, много лет работал в Республиканской клинической больнице. Он был заведующим отделом анестезиологии и реанимации до самого ухода из жизни. Не перечить спасенных им людей – в их числе и я. Мы с Валерием Ивановичем были на постоянной связи до его последних дней. Он был дважды женат. У него остались два сына и дочь. Первая жена, Ренара, умерла. А вторая, Татьяна, живет в Уфе. В.И. Мавлютова и сейчас помнят в Республиканской больнице как выдающегося специалиста и профессионала.

В 1973 году мы с Кларой переехали жить в Уфу и вскоре познакомились с удивительно приятной семьей Демченко, Валерой и Олей, с которыми поддерживаем очень тесные отношения уже более 40 лет, несмотря на то что мы уже 22 года живем в Москве. В этом году Валера и Оля переживают больше горе: совершенно неожиданно, от сердечного приступа, умер их старший сын Олег, ему было чуть больше 40 лет. Теперь добавилось забот – помогать растить внуков.

В годы работы в обкоме комсомола я познакомился с Салаватом Тагировичем Кусимовым. Тогда он был секретарем комитета комсомола Уфимского авиационного института (ныне УГАТУ). С тех пор, вот уже более 40 лет, мы в постоянном контакте, сейчас уже в основном по телефону. После комсомольской работы Салават Тагирович был избран секретарем парткома института, а затем и ректором УГАТУ. Ныне он президент Уфимского государственного авиационного технического университета.

Салават Тагирович – сын советского военачальника, Героя Советского Союза Т.Т. Кусимова и достойный продолжатель славных дел отца. О жизни и делах семьи Кусимовых, в том числе жены Салавата, театроведа, профессора Суфии Гильмановны, написано немало книг и статей, и я могу только присоединиться к блестящим характеристикам, которые даются этим выдающимся людям в этих книгах. Я горжусь своей дружбой с этими очень значимыми для Башкирии людьми. Особенно приятно, что

наши отношения с Салаватом и Суфией носили неформальный характер. За эти годы были и горячие споры о судьбах нашего отечества, и совместные поездки и путешествия, и веселые застолья.

В первые годы жизни в Уфе мы познакомились также с семьей Яхиных, Харисом и Лилей. Мы снимали квартиру в районе улицы Айской, неподалеку жил и Харис с семьей, а с ним мы работали в обкоме комсомола. Лиля – врач, у них росли две девочки-близняшки. Мы очень близко общались с этой семьей, что называется, делили и радости, и горести. К несчастью, Харис попал в автомобильную аварию и погиб, когда ему не было и 40 лет. Лиля подняла своих дочерей, сейчас воспитывает внуков.

В те же годы в нашем кругу общения была и семья Равиля Юсуфбаева. Он был родом из Сибая, отец его многие годы работал заместителем директора Башкирского медно-серного комбината. Мы с Равилем познакомились и подружились в годы работы в обкоме ВЛКСМ, и впоследствии у нас много лет были тесные контакты с его семьей. К сожалению, он тоже рано ушел из жизни.

В годы нашей жизни в Уфе была еще одна группа семей, с которыми у нас сложились тесные дружеские отношения. Это так называемые в нашем семейном кругу «телецентровские»: семья Роберта и Светы Газизовых, Виктора и Сулпан Возвышаевых, Вячеслава и Валентины Шабуниных, Виктора и Людмилы Воног. Многие годы мы жили в Уфе как одна большая семья, встречаясь и общаясь чуть ли не каждый день.

Конечно, как и все в жизни, и в стане друзей не все было безоблачно. Были и разочарования, и огорчения, и непонимание поведения некоторых из них.

Порой было и не понять, в чем человек был искренен – когда клялся в верности или когда предавал и подставлял. К сожалению, было и такое. Бог им всем судья.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

*Йәш сағында ғына йәшәмәһен –
калаламы картлығың тыныс булып
(Постараясь в молодости –
будешь спокойным в старости)*

Сегодня много и по-разному говорят о комсомоле. Предпринимаются попытки, разного рода интенсивности возродить детские и подростковые организации в школе и в колледжах. Было несколько экспериментов – разнообразных по степени шума и пиара – по созданию молодежных организаций: «Идущие вместе», «Наши»... (кроме названий, о них нечего и вспомнить). Могу сказать как бывший комсомольский работник с большим стажем: все это полная че-пу-ха. Раздербанивание государственных денег, имеющее целью исключительно показательные массовки-кричалки без ума и без сердца.

Конечно, и в комсомоле было немало показухи. Были и руководители организаций – карьеристы или случайные люди, просто оказавшиеся не на своем месте... Но!

ВЛКСМ в основе представлял собой могучую систему социальных лифтов, был огромным «отделом кадров», где собирались данные о молодых людях, имеющих организаторскую хватку, добросовестность, готовых к профессиональному росту – и не просто собирались, а им давали ход, зеленую улицу. То была могучая сила, партнер и дублер компартии, где-то подчас и превосходивший ее – благодаря имевшемуся у молодежного союза праву на ошибку, на эксперимент. Ничего подобного нет у теперешних «наших» и «ваших». Значит, и у российского государства нет потребности в обновлении руководящих кадров самых разных уровней, снизу доверху. Не так устроена власть в РФ, чтобы в глухой деревушке, в сонном пригороде, в дальнем моногородке, в провинциальном вузе разглядеть, увидеть, поднять и тянуть, тянуть парней и девчат с задатками и характером. К несчастью, власть интересуют только «принцы» и «виконты», которых

следует сразу из вилл и бассейнов переместить в правления и советы директоров. Если такая «система» сработает, то только один раз. Формирование элиты исключительно по родству, по крови — это даже не позапрошлый век, а глухое и депрессивное средневековье.

Комсомол был отличной школой, а высшим ее классом, выдающимся примером организационной, педагогической, политической работы была ВКШ — Высшая комсомольская школа.

* * *

Отслужив в армии, я прибыл домой, в Сибай, к моим родителям, которые жили в двухкомнатной квартире-«хрущевке» вчетвером — с ними также ютились Равиль, мой брат, и Саима, младшая сестренка. Салима после техникума по распределению уехала работать в Хабаровский край, в Комсомольск-на-Амуре.

Отдохнув несколько дней, пообщавшись с друзьями-горняками, с которыми вместе учились, я вышел на работу на рудник Башкирского медно-серного комбината. Меня определили поначалу на текущий и профилактический ремонт экскаваторов, учитывая мой опыт работы на экскаваторе в Заполярном. Работа эта мне не очень нравилась, хотелось работать на экскаваторе в забое, но мне сказали: пока мест нет, как будут — переведем. Начались обычные трудовые будни, сулившие нормальную заработную плату и возможность приодеться и начать устраивать гражданскую жизнь.

Примерно месяца через три ко мне на рабочее место пришел первый секретарь горкома комсомола Сагадат Халимов. Сказать, что я был удивлен, значит ничего не сказать. Раньше я видел Сагадату исключительно в президиумах отчетных комсомольских собраний, в городе он был весьма заметной и значимой фигурой. Секретарь стал меня расспрашивать, как я тружусь, какие вижу для себя перспективы. Интересовался, как я руководил комсомольской организацией войсковой части (тут я понял, что интерес ко мне возник из-за соответствующей записи в учетной карточке члена ВЛКСМ). А в конце беседы он неожиданно предложил мне перейти работать в Сибайский горком комсомола, причем сразу — заведующим организационным отделом. Для меня это было полной неожиданностью! В моем представлении люди, работавшие в партийных, советских и комсомольских органах, были почти небожителями. И вдруг такое предложение —

мне, вчерашнему сельскому пареньку, демобилизованному воину! Впрочем, когда он озвучил заработную плату заворга, которая была минимум в два раза меньшей, чем моя горняцкая, интерес к этому предложению у меня как-то подувал. Я ответил, что подумаю, поблагодарил Сагадату и решил обсудить все это дома с родителями.

Отец отнесся к предложению начать комсомольскую карьеру довольно сдержанно, а мама, напротив, горячо ухватилась за эту идею. Ее можно было понять. Круг общения мой во время работы на руднике был, мягко говоря, не особо интеллектуальным, публика эта была непритязательной, склонной к легкому времяпровождению с принятием серьезных доз алкоголя. Поэтому она всей душой хотела, чтобы я перешел в горком комсомола. Всех денег не заработаешь, отвечала она на возражения отца, а жизнь у сына может измениться в лучшую сторону.

В общем, мама меня убедила, и я дал согласие Сагадату. Но это еще ничего не значило, далее следовал ряд согласований: в горкоме партии, обкоме комсомола и в компетентных органах — в «комитетных», как тогда говорили.

Особенно взволновал меня визит к настоящему «небожителю», первому секретарю горкома партии Гузаиру Зиганнуровичу Янтилину. Однако он оказался очень простым и доброжелательным человеком, авторитетом на меня не давил, а заинтересованно расспрашивал об армейской службе и работе на руднике. Тогда ко мне пришло понимание, что все люди, где бы они ни работали, остаются, в сущности, обыкновенными людьми — со всеми присущими человеку слабостями или силой характера, какими их наделила природа. В последующем мне приходилось бывать в самых высоких кабинетах нашего государства, но по сути все оставалось, как тогда, в 1968 году, в кабинете первого секретаря горкома КПСС: люди были понятные, охотно идущие на контакт, если ты с первых минут вел себя твердо и решительно, не юлил и не лебезил.

В общем, меня утвердили во всех инстанциях, и началась моя довольно долгая и успешная комсомольская карьера.

Профессиональная работа и жизнь в комсомольских органах в то время представляла собой бесконечную череду разных событий — часто веселых и захватывающих, порой скучных и рутинных, а иногда и печальных. А еще это было постоянное общение, постоянные знакомства с новыми людьми. Прежде всего речь веду о своих коллегах по Сибайскому горкому

комсомола. Многие из них стали мне настоящими друзьями, с некоторыми я поддерживал контакты многие годы.

Пригласивший меня в горком Сагадат Халимов, выпускник престижного Башкирского государственного университета, башкир, что было немаловажно в то время для многонационального Сибая, оказался очень добрым и порядочным человеком. За годы общения с ним, в том числе и после совместной работы в горкоме, я от него не услышал ни единого грубого слова, ни одной отрицательной оценки окружавших нас людей. Надо сказать, его доброта и терпимость помешали ему в карьерном росте: от политических деятелей в ту пору требовалась жесткость, а порой и беспринципность. У Сагадата была прекрасная семья, жена Зиля училась с ним в БГУ, а познакомились и полюбили друг друга они, вместе танцуют в ансамбле танца университета. Зиля была с Сагадатом до конца его жизни, родила двух девочек. Сагадат, к сожалению, очень рано ушел – от неожиданной и жестокой болезни. Он навсегда остался для меня примером для подражания – именно своей добротой, искренностью и порядочностью.

Вторым секретарем горкома, отвечавшим за идеологическую работу, была Антонина Ядреникова, женщина твердых жизненных позиций, беспредельно верящая в коммунистические идеалы и в то же время весьма общительная, веселая. Мы с ней проработали вместе лишь один год, а затем я уехал из Сибая и потерял ее из виду. Секретарем по вопросам школьной молодежи была Валентина Евтеева, девушка очень веселая, готовая всегда прийти на помощь по любому вопросу. Зав. сектором учета комсомольцев была Светлана Гильметдинова, женщина чуть старше всех нас, рассудительная, хозяйственная, для всего аппарата горкома комсомола она была как мать или старшая сестра.

В такую среду пришел я заведующим отделом комсомольских организаций, завормом, для краткости. Адаптироваться и понять, что мне надо делать в аппарате и в городских комсомольских организациях, помог мой друг и предшественник по работе в горкоме Булат Исаков. Он, как и я, закончил Баймакский горно-механический техникум, по той же, что у меня, специальности разработчика рудных и россыпных месторождений, только на два года раньше. Ушел он из горкома, поступив в Ленинградский горный институт. На первых порах моей работы он мне хорошо помог, очертив мои обязанности и возможности.

Еще об одном друге будет здесь уместно вспомнить – об Анатолии

Корпуса ВКШ сегодня принадлежат Московскому гуманитарному университету

Свиридове. Когда я начинал работать в горкоме комсомола, Толя работал на железнодорожной станции Сибай и был там неосвобожденным секретарем комитета комсомола. Мы с ним сблизились впоследствии, когда я ушел с этой работы, а он пришел в горком ВЛКСМ на мое место. В последующем он был и первым секретарем горкома ВЛКСМ, и секретарем горкома партии, и мы с ним были друзьями до конца его жизни. Ушел он рано, прожив чуть больше 60 лет.

Год жизни и работы в Сибайском горкоме комсомола был наполнен разнообразными событиями. Было интересно постигать комсомольскую работу, расширять кругозор, участвуя в различных семинарах, конференциях, совещаниях. Уже в начале 1969 года меня направили на месячные курсы в Зональную комсомольскую школу в г. Куйбышев (ныне Самара). Пожалуй, именно тогда у меня начало формироваться мировоззрение комсомольского работника, убеждение в необходимости моего труда на этом поприще. Правда, горняцкое прошлое еще давало о себе знать, в том числе и воспоминаниями о высокой заработной плате, но новая непростая работа постепенно затягивала. А вскоре произошло событие, которое полностью изменило мою жизнь. В июле 1969-го проходил трехдневный семинар завorgов райкомов и горкомов ВЛКСМ в Уфе, в учебном центре «Елочка», был такой центр у обкома комсомола. На этом семинаре в присутствии первого секретаря обкома ВЛКСМ Абрара Ярлыкапова и второго секретаря Юрия Маслобоева мне было поручено выступить. Тема была определена заранее, я по ней был досконально готов и выступил неплохо. Как впо-

следствии оказалось, это было «смотринами» перед направлением меня от Республики Башкортостан на учебу в Москву в только что открытую Высшую комсомольскую школу. Безусловно, в выборе моей кандидатуры для направления на учебу сыграло роль не только мое выступление, но и уровень работы в Сиббае.

Здесь уместно остановиться на одном очень важном для меня обстоятельстве — на первом знакомстве с Абраром Бадретдиновичем Ярлыкаповым. Он родом из Зилаирского района, по башкирским определениям — зауральский башкир. Для республики это имело и имеет большое значение. У выходцев из Зауралья много характерных особенностей. Это и язык, который является основой литературного башкирского языка, и особенности черт характера, и даже внешность. Особенно притягательными в выходцах из Зауралья являются их очень грамотный, красивый язык и верность башкирским обычаям. Может быть, ощущение меня как земляка сыграло роль в решении первого секретаря обкома ВЛКСМ о направлении меня в Москву. С тех давних времен наши отношения с Абраром — скорее братские, чем дружеские. Мы и сегодня, проживая в Москве, находимся в постоянной связи, стараемся помогать друг другу хотя бы советом. А.Б. Ярлыкапов — профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы, доктор наук, действительный член Российской академии естественных наук. Абрар Бадретдинович не только выдающийся экономист. Его теоретические работы и практическая деятельность играют значительную роль в развитии межнациональных отношений в России, Башкирии и в Москве, недаром многие годы он занимал пост заместителя председателя Комитета общественных и межрегиональных связей Правительства Москвы.

...ВКШ открывалась непросто, принимались решения и в ЦК КПСС, и в Совете Министров СССР, видно поэтому приемные экзамены и все процедуры открытия нового вуза несколько затянулись. В сентябре мы сдали вступительные экзамены, в октябре было зачисление, торжественное открытие ВКШ и начало учебного года. Из Башкирии направили несколько комсомольских работников, но по результатам экзаменов зачислен был я один.

Самое время рассказать, что же это был за вуз и в чем его отличие от других учебных заведений. Высшая комсомольская школа — это детище ЦК ВЛКСМ во главе с первым секретарем ЦК Евгением Михайловичем

На первом курсе ВКШ, 1969 г.

Тяжелниковым. Решение принималось ЦК КПСС при личном участии генерального секретаря Леонида Ильича Брежнева. При этом, надо отметить, были разные варианты — и отделы при высших партийных школах, и факультет какого-либо московского вуза, и т.д. Но настойчивость Е.М. Тяжелникова позволила создать отдельный вуз по типу Центральной комсомольской школы, которая начала функционировать еще 1 февраля 1945 года и действовала до 1956 года. То было двухгодичное обучение комсомольских работников и редакторов молодежных газет одновременно. В 1956–1958 годах существовали курсы повышения квалификации для руководящих работников комсомола, а с 1962 по 1969 год обучение проводилось на 4-, 8-месячных и одногодичных курсах. ЦКШ обладала хорошей материальной базой, владела большой территорией в районе Кусковского парка, бывших владениях графов Шереметевых. На территории ЦКШ, а впоследствии ВКШ, были большие возможности для расширения материальной базы, учебных корпусов, общежитий и т.д. Когда мы начали учиться в первом наборе в 1969 году, не каждый вуз города Москвы мог похвастаться такими условиями жизни и качеством учебного процесса, как мы. А за годы учебы на наших глазах росли новые учебные и жилые корпуса и мы успели попользоваться вновь построенными общежитиями, великолепным спортивным комплексом со столовой и многими другими

благами материального обеспечения на самом высоком для тех лет уровне. К слову о материальном обеспечении — у нас была самая высокая стипендия среди студентов всей страны: 75 рублей в месяц. Я все годы получал повышенную стипендию, она составляла 93 рубля, больше, чем заработная плата моей мамы в те годы.

Итак, 1 ноября 1969 года было торжественное открытие Высшей комсомольской школы с участием Е.М. Тяжелникова и членов бюро ЦК ВЛКСМ. От имени слушателей ВКШ при ЦК ВЛКСМ (так теперь называется наш вуз) клятву зачитали Алла Фесенко и Анатолий Суковатов, впоследствии отличники учебы и хорошие мои друзья.

В первый год на двух факультетах коммунистического воспитания молодежи и комсомольской работы обучалось около 200 человек. На факультет коммунистического воспитания был набор на базе среднего образования, а на факультете комсомольской работы обучались молодые люди с высшим образованием, с получением за два года второго высшего образования. Я поступил и учился на факультете коммунистического воспитания молодежи. Поступая в ВКШ, мы знали, что по окончании мы получим дипломы преподавателей истории и обществоведения — методистов коммунистического воспитания молодежи. Так как нам присваивалась квалификация учителей истории, то и в образовательном процессе много внимания уделялось изучению всемирной истории и истории СССР. В первые годы кадры для работы в вузе подбирались со всей страны, причем ЦК ВЛКСМ уделял этому особое внимание. Многие курсы, в том числе по истории, у нас читали преподаватели и профессора МГУ, МГИМО, других знаменитых московских вузов. Соответствующие предметы вели преподаватели ведущих экономических вузов Москвы. В последующие годы в школе сформировался свой преподавательский коллектив, которым можно только гордиться.

Я так детально останавливаюсь на годах учебы в ВКШ, потому что для роста моего интеллектуального уровня, общего понимания многогранности жизни, познания истории нашей Родины ВКШ оказала огромное влияние. Взять хотя бы факультативные занятия по истории изобразительного искусства, которые мы проходили в Третьяковской галерее во главе с ученым секретарем «Третьяковки», профессором В.М. Володарским. Думаю, мало кто из обучающихся в Москве мог похвастаться таким уровнем. Или спецкурс по московским театрам. Мы должны были посмотреть

*Студенты первого набора в ВКШ,
10 лет после выпуска*

спектакли различных театров с последующим обсуждением и зачетом у ведущего спецкурса. Или погружение в литературные произведения современных писателей на лекциях, которые вел прекрасный преподаватель и человек В.В. Ангиносов. Много проводилось различных творческих вечеров с участием ведущих артистов, ученых, героев войны, спортсменов — победителей различных мировых и олимпийских игр.

Как слушатели, мы нередко

участвовали в различных форумах, проводимых ЦК ВЛКСМ, в том числе нам посчастливилось присутствовать на XVI съезде ВЛКСМ. Особые воспоминания вызывают у меня участие в работе впервые созданного нами студенческого строительного отряда. Командиром у нас был избран Игорь Марков, комиссаром — Анатолий Суковатов, а я был назначен мастером отряда. Работали мы в течение двух лет на летних каникулах в местечке Крошнозеро Пряжинского района Карельской АССР. После нас работа строительных отрядов в летние каникулы в ВКШ стала традиционной. И еще одно: прекрасная спортивная база и организация работы различных спортивных секций. При желании каждый слушатель имел возможность заниматься любым видом спорта. И многие мои сокурсники, и я в том числе, этим пользовались, что давало нам возможность добиваться спортивных успехов на первенствах Москвы среди вузов по различным видам спорта.

С особым торжеством, как и открытие учебы, в ВКШ были организованы окончание учебы и получение дипломов. Мероприятие начиналось с посещения мавзолея В.И. Ленина, возложения цветов к Вечному огню. Вручение дипломов по группам было распределено среди секретарей ЦК ВЛКСМ, кроме тех, кто получал диплом с «от-

личием» (красный). Я был тоже в этой группе, и нам вручал дипломы Е.М. Тяжелников.

...Я так много уделил внимания учебе в ВКШ вовсе не из одного желания вспомнить студенческую молодость. Хочу подчеркнуть: в Высшей комсомольской школе планомерно готовили будущие руководящие кадры страны, и делали это творчески, разнообразно и чрезвычайно эффективно. Была создана и апробирована система возгонки элиты — хотя такого слова, разумеется, никто не употреблял. Мы были «заточены» на работу с большими группами людей, на решение крупных государственных проблем, ориентированы на продвижение в верхние эшелоны партийной и советской власти.

Сейчас, конечно, имеется множество великолепных вузов, готовящих руководящие кадры для госслужбы, для отраслей промышленности и крупных корпораций. Но такого масштаба подготовки специалистов для разнообразной управленческой работы у нас в стране сегодня нет.

Тем более нет целенаправленного регионального отбора для получения столь высокой квалификации. В нашем потоке, и в дальнейших тоже, были представители всех республик и областей СССР, от каждой территории по одному человеку. За редким исключением (у нас были поступившие напрямую из армии), то были люди, уже прошедшие первую ступень приобщения к государственным задачам — через комсомольские организации.

Так что меня совсем не удивляет, что бывшие «вэкашашники» сегодня руководят министерствами и крупнейшими государственными и частными компаниями, представляют нашу страну за рубежом, заведуют крупнейшими вузами. Это касается не только нашей страны, но и других государств, образовавшихся на месте СССР. В деловой прессе, на телеэкранах, в интернете я нередко встречаю своих давних однокашников — в роли крупных политических деятелей, руководителей промышленности, авторитетных экспертов. В других государствах, возникших после распада Союза, они имеют министерские портфели и занимают кресла в парламентах. Может быть, они не афишируют свою давнюю принадлежность к комсомольской школе, но вскормила их знаниями и умениями, дала старт именно она.

Очень хотелось бы, чтобы опыт ВКШ был изучен и использован сегодня для пользы нашей страны.

В Башкирском обкоме ВЛКСМ, 1973 год

***

По завершении учебы в ВКШ в августе 1973 года я вышел на работу в Башкирский обком ВЛКСМ в г. Уфе.

Я сразу забрал с собой Клару и Рината, хотя квартиры у нас еще не было, и первое время мы жили на квартире темясовского односельчанина Петра Волкова. Было тесновато, но с точки зрения повседневной жизни было душевно и комфортно, как мне казалось. Может, и от того, что с 1961 по 1973 год моим местом жительства были общежитие и казарма.

В обкоме ВЛКСМ трудовую деятельность я начал инструктором отдела комсомольских организаций (орготдела), мне было поручено курировать деятельность комсомольской организации Уфы. Столичные комитеты комсомола везде были на особом положении, в том числе и Уфимская организация, во главе которой в то время стоял Рим Хурматович Рахматуллин, человек самолюбивый, склонный к безапелляционным заявлениям и нередко чересчур личностным решениями. Отличала его и еще одна нехорошая черта – зависть. Впоследствии он стал первым секретарем Уфимского горкома КПСС. Однако вышеназванные личностные качества не дали ему закрепиться на высших эшелонах власти, несмотря на хорошие способности как аппаратного работника.

У меня в этот период работы сложились неплохие отношения с комсомольским активом Уфы, что впоследствии мне очень помогло. Тогда

мы все были молоды, хотели и умели дружить и затем, встречаясь по работе на другом уровне и в другом возрасте, старались поддержать друг друга. Да и молодую удаль приятно было вспомнить.

Клара устроилась на работу в проектную мастерскую Министерства бытового обслуживания Башкирии. В марте 1974 года первый секретарь обкома ВЛКСМ Юрий Александрович Маслобоев объявил, что мне выделяется, наряду с другими работниками обкома, двухкомнатная квартира в только что построенном доме на улице Халтурина г. Уфы. Сказать, что мы с Кларой были счастливы, значит ничего не сказать! Наконец у нас появилось собственное жилье — и это был как бы подарок Кларе на 8 марта, а в ответ 17 июля этого же года Клара родила дочку Альбину.

Проработав инструктором около полугода, я получил повышение: назначили заведующим отделом спортивной и оборонно-массовой работы. В отделе были два инструктора и я, подчиненные у меня были очень молодые и немного безалаберные, так что основную работу приходилось делать самому, а должность зав. отделом, пожалуй, лишь подчеркивала причастность к руководству. И вообще, надо сказать, в комсомоле служебная иерархия была все же условной, кроме, может быть, должности первого секретаря обкома ВЛКСМ. Сама работа в «спортотделе» была, конечно, интересной. Кроме связей с различными спортивными обществами и ДОСААФ, нам вменена была и борьба с молодежной преступностью. Пусть и в комсомольском контексте, но дело это было важное и, я бы сказал, капитальное и осязаемое: так, в отчетах отдела статистика уровня преступности в республике увязывалась с охватом молодых людей спортом и иными формами досуга. Впрочем, не буду углубляться в рутинные дела тех давних лет, а расскажу о наиболее интересных и впечатляющих событиях того времени.

В те годы по всему Советскому Союзу проходили детско-юношеские соревнования «Золотая шайба». В 1974 году финал этих соревнований проходил в г. Уфе. На финал приехали команды-победительницы хоккейных турниров республик, краев и областей Советского Союза, где был развит хоккей. Для попадания на финальные соревнования многие команды должны были пройти и свои зональные первенства. Одним словом, соревнования эти были очень востребованы в то время и детьми, и взрослыми, а финальные соревнования становились большим праздником хоккея для всей страны. Приезжали высокие гости из ЦК ВЛКСМ,

различных спортивных и других общественных организаций. В числе гостей на наш финал приехал Анатолий Владимирович Тарасов — легенда хоккея, в то время старший тренер хоккейного клуба ЦСКА, тренер сборной СССР, обладатель многих высоких титулов. Сопроводять его на соревнованиях было поручено мне. Каждый день его пребывания в Уфе был расписан, но главное внимание было уделено его общению с юными хоккеистами. Ежедневное общение с Анатолием Владимировичем сохранило в моей памяти воспоминание о нем, как о человеке весьма разносторонне развитом, с большими знаниями в области спорта (не только хоккея) во всем мире. Мы каждый день ездили с ним на встречи в трудовых коллективах Уфы. Везде его восторженно встречали, а он отвечал откровенным и интересным разговором. Общение с таким человеком всегда полезно.

Я помню все до мелких подробностей. Одна из них — это его отношение к Аркадию Ивановичу Чернышеву, с которым они вместе тренировали сборную СССР по хоккею. Так вот, во всех хороших делах в хоккее он неизменно упоминал А.И. Чернышева как одного из создателей советской школы хоккея с шайбой и главного во всех начинаниях в советском хоккее. Мне в последующем довелось встречаться с А.И. Чернышевым, так вот, он также во всех хороших делах всегда называл первым А.В. Тарасова. Эти два великих человека мира хоккея не разделяли свои успехи, а считали их общими.

И еще одно воспоминание о том времени осталось в моей памяти — поездка в составе поезда ЦК ВЛКСМ на зимние Олимпийские игры в Инсбруке в 1976 году. Центральным комитетом комсомола был организован специальный поезд, который стартовал из Львова. В «экипаже» были представлены по 10–15 комсомольских активистов, связанных со спортивным движением молодежи во всех областях и краях СССР. В башкирской делегации было 10 человек, нас объединили с белорусской делегацией, и мы одной группой выехали в Австрию. Мы видели все виды зимних спортивных соревнований, встречались с нашими спортсменами, участвующими в Олимпийских играх, в том числе и со сборной СССР по хоккею. Я специально отмечаю хоккей, потому что довелось воочию увидеть и задавать вопросы легендарным Харламову, Мальцеву, Якушеву и другим, а это дорогого стоит.

В общем, время работы в спортотделе было для меня интересным

и поучительным. Здесь хочу вспомнить об одном факте, который впоследствии оказал большое влияние на мою жизнь. Все эти годы, пока я работал в обкоме ВЛКСМ, первым секретарем у нас был Ю.А. Маслобоев, ныне покойный. С первых дней работы после ВКШ у нас с Маслобоевым сложились добрые, доверительные отношения. Может быть, в силу того что он, как и я, тоже был горняком, а может, по причине более-менее грамотной подготовки материалов с моей стороны. При подготовке выступлений первого секретаря на любых форумах или отчетах в партийных органах Маслобоев всегда привлекал двух человек из аппарата обкома ВЛКСМ – Линаса Гибадуллина, зав. отделом рабочей молодежи, и меня. Мы с «первым» относились друг к другу очень доверительно и по-дружески всю последующую жизнь. Юрий Александрович был весьма обаятельным и грамотным человеком. После обкома комсомола он был заведующим отделом партийных органов обкома КПСС, председателем Совета профсоюзных органов Башкирии, председателем Фонда социального страхования после распада СССР. Везде, где бы ни работал Юрий Александрович, отзывы о нем были самые добрые.

Вообще, люди, с которыми мне пришлось встречаться в комсомоле, – мои друзья, которые сопровождают меня всю жизнь.

Хотел бы вспомнить некоторых из них самыми добрыми словами. Это второй секретарь Башкирского обкома ВЛКСМ Вазифа Байтурина, секретари обкома комсомола Байкал Габитов, Талгат Сагитов, Радоль Бухарбаев, Светлана Пронина, работники обкома, мои соратники Сергей Колесников, Альфия Сабирьянова, Гали Фаизов, Румия Дебердеева, Роза Лутфуллина, Рашида Султанова... Всех не перечислишь, но они все перед моими глазами: молодые, веселые, настоящие друзья.

Я часто вспоминаю и моих однокурсников по ВКШ. Особенно Сашу Библилашвили, Валеру Базбу, Наиля Нурмухаметова, Сашу Качанова, Виталика Джангирияна с которыми я делил комнату в общежитии все годы учебы. Мы и сегодня встречаемся, как близкие и родные люди, со Славой Ребриковым, Валерой и Леной Кузмичевыми, Аллой Фесенко, Галей Хориной – моими однокурсниками. Не все перечисленные комсомольцы живы сегодня, но в памяти они всегда со мной.

Аппарат

*Гин дэ мулла, мин дэ мулла, атка бесэн кем хала
(Ты мулла, я мулла, а кто накормит коня?)*

Мне довелось много поработать в аппарате — и в комсомольском, и в партийном, и в государственном — причем как во времена СССР, так и в постсоветской, пореформенной России. Есть что вспомнить — и сравнить. Я постараюсь это сделать на последующих страницах книги.

...В годы «перестройки» в какой-то момент оказалось, что во всех тогдашних бедах виновен исключительно партаппарат. Слово «аппаратчик» с легкой руки радикальной прессы стало синонимом всего отжившего, заскорузлого, противного переменам. Интересно, что режиссировалась такая политика из соответствующих отделов ЦК КПСС, т.е. — ровно такими же «аппаратчиками», которых следовало гнобить в прессе и выводить на чистую воду на всевозможных митингах и собраниях. В какой-то момент режиссерам этой самоубийственной кампании пришлось на ходу придумывать следующий шаг, который должен был следовать после разгона аппаратов разного уровня. Вначале была сделана ставка на Советы, на выборные органы власти, а потом — пошло-поехало — решено было исключительно на выборной основе формировать управленческие органы снизу доверху. Не многие помнят, но дошло до того, что эйфория «выборного управления» достигла даже производства: начали выбирать директоров предприятий, а потом и начальников цехов и участков. Но тут неожиданно оказалось, что народ сплошь и рядом или не может вообще никого выбрать из своей среды, или выбирает горлопанов и бузотеров, не способных ни к какой системной работе.

Когда рухнул СССР, стало общим местом ругать за это пресловутый парт- и госаппарат, однако очень быстро на всех уровнях новой (выборной) власти пришло понимание: чтобы проводить «исторические решения» и «радикальные реформы» в жизнь, надо их как-то оформить — описать,

*Здание Башкирского обкома КПСС,
ныне – Администрация главы Башкирии*

для начала, и начать реализовывать — а для этого нужны компетентные, сведущие, грамотные и дисциплинированные люди. Слово «аппарат» стыдливо задвинули на полку истории, и появился (ну, или возродился, приобрел новый смысл) термин «государственная служба».

И — вот удивительно! — оказалось, что к системной работе в госслужбе более всего оказались способны именно бывшие парт- и госаппаратчики! Это потом уже, в «нулевые», в богатеющей России стало престижно и во всех отношениях интересно быть на государственной службе. А в 1990-х ее основы закладывали, собственно, те самые не раз проклятые прессой и ТВ аппаратчики...

Сегодня в РФ численность чиновников существенно выше, чем в СССР. В России примерно 102 чиновника на 10 тыс. человек. А вот в СССР в 1985 г., на пике расцвета бюрократии, на 10 тыс. человек приходилось всего 73 госслужащих (по данным Центрального статуправления СССР). Это, правда, без учета партийного аппарата — но ведь и в РФ ее невнятные партии тоже имеют своих партчиновников! Давным-давно стало понятно, что жизнь без госаппарата — это даже не прекраснотдушная утопия, а просто глупая иллюзия. Однако вопросы формирования госаппарата остаются одними из самых острых в России, и ни одна из разрекламированных реформ по сей день внятного результата не дала.

Ни в коей мере не хочу сказать, что принципы формирования госаппарата в СССР были совершенными. Напротив, проблем с неком-

петентностью, ленностью, безынициативностью в чиновничьей среде на всех уровнях советской и партийной власти хватало. Однако были нерушимые принципы, которые не грех было бы взять на вооружение и сейчас. Так, в СССР невозможно было достичь сколь-либо высокой должности в парт-, совструктурах (а также в армии, органах внутренних дел и госбезопасности), не пройдя школу комсомола, не отслужив в армии, не имея никакого производственного опыта. Эти три ступеньки — или хотя бы две из них — были обязательными. И это нормально: как можно допускать к государственному управлению человека, нигде и никем не проверенного в работе, не обученного азам управления коллективом на заводе, в комсомольской организации, в армейской роте? А сейчас порой диву даешься, читая биографии облеченных огромной властью министров, руководителей госкорпораций, армейских структур! Школа — вуз — работа в какой-то невнятной коммерческой организации — смутная научная степень, и человек уже ворочает миллиардами бюджетных денег, реализует очень важные, выстраданные, продуманные и просчитанные тысячами специалистов госпрограммы... При этом, читаешь в Википедии, такой деятель обязательно чей-то сын, внук, жена, любовница. Или просто приближенный уже «просиявшего» на небосклоне власти светила. И при этом никого не удивляют ни запредельный уровень коррупции, ни проваленные программы и проекты, ни пропавшие деньги налогоплательщиков...

Что бы кто ни говорил про советские времена, но семейственность, преданность «патрону», умение «лизнуть» или громче всех поаплодировать на камеру или на очи вышестоящего лица — ничего этого не было среди способов продвижения по карьерной лестнице в СССР. Ручаюсь, как человек, проработавший на многих уровнях власти.

***

В октябре 1978 года отчетно-выборная конференция Кировского райкома КПСС г. Уфы избрала первым секретарем райкома Ахнафа Мударисовича Дильмухаметова. Еще до конференции со мной провели собеседования в обкоме на утверждение меня заведующим отделом пропаганды райкома партии. Конференция прошла, меня утвердили, и началась партийная работа в центральном райкоме Уфы, куда входила и первичная партийная организация обкома КПСС. Не зря на этом акцентирую внимание, поскольку деятельность такого райкома всегда была под вниматель-

ным оком обкома. В этом есть и плохое, и хорошее: тебя все знают наверху, но и сам ты всегда, как под микроскопом, для вышестоящих товарищей.

Первый секретарь А.М. Дильмухаметов в прошлом тоже был комсомольским работником (первый секретарь Уфимского горкома ВЛКСМ), что помогло установлению добрых, доверительных отношений.

В Кировском районе сконцентрированы вузы, средние специальные учебные заведения, театры, другие учреждения культуры, поэтому поле деятельности райкома КПСС, а тем более его идеологического отдела было весьма обширным. Учась работать в партийных органах, я на деле постигал тот идеологический контроль над обществом, который осуществлял в то время партийный орган под общим посылом выполнений решений съездов и пленумов КПСС. Сейчас, по прошествии времени, могу сказать, что и тогда, и сейчас властные структуры всегда в своих решениях и действиях опирались якобы на мнение народа, будто он им подсказал, как надо жить нам всем правильно. И тогда, и сейчас политики и политологи спорят, что в обществе действительно зависело от решений властных структур, а что говорилось для красного словца, в угоду пропагандистским штампам, в которые верилось все менее с каждым годом. Конечно, проще всего отнести все в область идеологии и вычеркнуть все достижения советских лет. Но, как ни крути, как ни отвергай прошлое, оказывается, что в то время порядка в обществе и гуманизма было больше.

Здесь я хочу рассказать о человеке, сыгравшим значительную роль в моей судьбе — это Ахнаф Мударисович Дильмухаметов. Детдомовский воспитанник, он окончил журналистский факультет МГУ, защитил кандидатскую диссертацию, во всех отношениях был весьма эрудированным и разносторонне интеллектуально развитым человеком. До райкома партии, как я уже отмечал, работал в комсомольских органах, в республиканских газетах. После райкома был назначен заведующим отделом культуры обкома КПСС, затем избран секретарем обкома партии по идеологии. На этом посту пребывал до прекращения деятельности обкома КПСС. Затем несколько лет подряд успешно возглавлял акционерную фирму «Нефтегазстрой», работал руководителем Федеральной налоговой службы по Кировскому району Уфы, был директором Уфимского топливно-энергетического колледжа. Ахнаф Дильмухаметов — автор ряда научных изданий и публицистических статей по вопросам формирования и становления гражданского об-

щества, по межнациональным отношениям, по проблемам обучения и воспитания подрастающего поколения.

Последние годы А.М. Дильмухаметов подвергался гонениям со стороны президента Республики Башкортостан М.Г. Рахимова. Отрицательное отношение республиканских властей перекинулось на его сына Айрата. Он был осужден по абсолютно надуманному приговору о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности и в публичном оправдании терроризма.

После того, как я проработал два года в райкоме КПСС, мне предложили перейти в обком КПСС инструктором отдела партийных органов. В партийных органах это был главный отдел, который решал кадровые вопросы райкомов, горкомов и отделов обкома КПСС, изучал общий уровень работы партийных органов, их эффективность и т.д. В то время зав. орготделом был Геннадий Петрович Федотов, член бюро обкома партии, фронтовик, человек очень влиятельный в руководящих кругах Башкирии. Первое знакомство с ним, с точки зрения моей работоспособности, началось с подготовки выступления Геннадия Петровича на одном из партийных активов. После его удачного выступления я получил настоящую прописку в отделе обкома партии. Мне было поручено курировать 4 райкома партии — это передвижения партийных кадров внутри района, рекомендации к выборам секретарей райкома и «погода в доме» внутри каждого района. Если вдруг была необходимость доклада первому секретарю обкома Мидхату Закировичу Шакирову о положении дел в районе — это делали мы, кураторы района. Надо отметить, что руководство районными и городскими партийными органами со стороны обкома было достаточно авторитарным. Я не помню случая, чтобы кто-то официально возражал против того или иного решения вышестоящего органа.

Ранее я уже обращался к теме «небожителей», т.е. людей, которые — управляли нами, являясь руководителями городов и районов. По мере моего подъема по служебной лестнице общества в то время, изменялись и мои взгляды на этих людей, которые встречались на пути. Я все больше убеждался, что те казавшиеся мне недостижимыми люди были, как все мы, наделены всеми человеческими привычками, подчас смешными и нелепыми, обладали своими особенностями поведения и не всегда гениальным умом и энциклопедическими

Руководители Башкортостана, в разные годы работавшие в комсомоле, на праздновании 90-летия ВЛКСМ, 2008 г. Слева направо: Ю.Г. Азнагулов, Э.В. Кульмухаметов, Н.Т. Бахтизин, С.Т. Кусимов, К.Б. Толкачев, А.Б. Ярлыкапов, Ю.Д. Поройков, Ю.А. Масобоев, Р.М. Сафуанов и я

знаниями. Расскажу один случай, произошедший со мной во время работы в обкоме партии. Однажды меня пригласили в кабинет первого секретаря М.З. Шакирова, и он лично сформулировал мне задание в отношении одного из первых секретарей райкома КПСС. Не хочу сейчас конкретизировать, кто это был, у него остались семья, потомки, и им эти воспоминания не понравятся. Суть задания была в том, что этот первый секретарь где-то неосторожно высказался в адрес М.З. Шакирова, и ему об этом донесли, и он в свою очередь решил это проверить и заодно дать понять, «кто в доме хозяин» и что можно о нем говорить или думать. Меня командировали на две недели, это был период уборки урожая, горячая пора. Я должен был ежедневно докладывать М.З. Шакирову о ходе уборки урожая и роли райкома партии в этом процессе и его первого секретаря. Причем делать это нужно было иезуитским способом – из кабинета первого секретаря, выпроводив его в приемную на время доклада. Более того – все время, пока я был в районе, М.З. Шакиров общался только со мной, абсолютно игнорируя секретаря райкома. Думаю, не нужно описывать чувства, которые испытывал секретарь райкома при таком унижении, но такова была воля руководителя обкома. Это к слову о том, каким «небожителем» для района был секретарь обкома. Но он-то как раз

в данной ситуации показался мне мелким человеком, несмотря на свой очень высокий пост в тогдашней иерархии власти.

Период моей работы в обкоме партии, несмотря на большие возможности, был сложным, но прошел для меня, так сказать, ровно: базовые принципы общения людей, отношения друг к другу, привитые в нашей семье, я сохранил. И это в большой степени укрепило ко мне уважение и подняло мой авторитет.

То были 1980-е годы, когда много было сломано копий на предмет критики коммунистической партии, работы партийных и властных структур, что все было и неэффективно, и недемократично, и т.д. Безусловно, в ту пору было сказано немало правдивого и правильного. Но было и есть множество перехлестов, выдумок, натяжек, нередко с умыслом убедить читателя, особенно молодого, в том, что все, что делается сегодня, — правильно и хорошо, а что было раньше — неприемлемо. Я постараюсь кратко изложить свою точку зрения.

Многое сравнить невозможно, да и не нужно. Общество развивается, уровень жизни, сама среда обитания меняются. Но одно можно сравнить — уровень жизни и работы руководителей того времени и сегодняшних. Сейчас идет 2022 год, только за последние 10 лет посадили десятки руководителей регионов, сотни чиновников разного уровня. В 1980-е годы это было просто немыслимо. Единственным номенклатурным отличием в то время были импортная дубленка да норковая шапка, а в остальном особых отличий в уровне жизни не было. Для убедительности, когда умер первый секретарь Башкирского обкома КПСС, от него в наследство сыну и дочери осталась четырехкомнатная квартира в обкомовском доме, и все: ни капиталов, ни недвижимости — ничего...

Время шло, я уже 5 лет проработал в обкоме КПСС, когда мне предложили перейти в аппарат Совета Министров заведующим организационным отделом. В 1985 году я перешел в Совмин и начал осваивать другую работу и иную жизнь. Если в партийных органах в основном было так — дал команду, и все крутится, то в Совмине нужно для выполнения возложенных обязанностей больше крутиться самому, да еще в большей степени все надо согласовывать с партийными органами.

Работа в Совете Министров свела меня с еще одним очень обаятельным человеком — Александром Ивановичем Афанасьевым. Он был в то время управляющим делами Совета Министров, а я по работе под-

чинялся непосредственно ему. Чтобы охарактеризовать А.И. Афанасьева, не хватит положительных эпитетов. Высокообразованный, интеллигентный человек, он, сплотивший вокруг себя всех работников Управления делами, организовал так называемый «Малый Совмин» – регулярное собрание ряда министров у него дома или на даче, где происходил дружеский обмен мнениями в неформальной обстановке. К этим посиделкам был допущен и я. Обсуждаемые вопросы и рекомендации нередко становились официальной позицией Совета Министров.

В мою бытность работы в Совмине произошла и смена председателя Совета Министров. До этого многие годы Совмин возглавлял Зекерия Шарафутдинович Акназаров, но подошло время заслуженного отдыха, и он был освобожден от должности. Новым председателем Совмина был назначен Марат Парисович Миргазямов, работавший ранее первым секретарем Туймазинского горкома КПСС. С М.П. Миргазямовым мы вместе работали в орготделе обкома партии, он был зам. зав. отделом у Г.П. Федотова, и я по службе непосредственно подчинялся Марату Парисовичу. Это обстоятельство, конечно же, улучшало мои позиции, и в Совмине мне стало легче и лучше работать.

В постсоветские годы Марат Парисович, к сожалению, недолго проработал во главе Совмина. В ноябре 1992 года он получил вотум недоверия в Верховном Совете республики и подал в отставку с поста председателя Совета Министров. Формальным поводом для недоверия со стороны депутатов была позиция М.П. Миргазямова относительно развивавшегося в Башкирии фермерского движения. Он предлагал его поддерживать и развивать, что было воспринято большинством депутатского корпуса как попытка развалить колхозы и совхозы. Выдающийся политический деятель вынужден был уйти из политики – а колхозно-совхозная система рухнула сама собой спустя считанные годы.

Именно в годы работы в аппаратах райкома и обкома КПСС, Совета Министров у меня сложились добрые и творческие отношения со многими работниками, такими же, как я. Всех не перечислить, но я хочу вспомнить некоторых из них. Прежде всего это мой сосед по дому на улице Коммунистической Рафик Лукманов. У Рафика с Санией была великолепная семья, сами они были выходцами из Дюртюлинского района, одного из красивейших и успешных районов Башкирии. За годы жизни рядом мы стали очень дружны с этой семьей. Очень жаль, что Рафик похоронил

жену Санию и сына Руслана, сегодня он полностью посвятил себя помощи дочери Лиле и внукам.

Самые добрые отношения у меня были с Виктором Пчелинцевым, Люцией Вороновой, Николаем Каменевым и многими другими коллегами, благодаря которым сложилась и моя жизнь. Было чему у них учиться.

Именно в эти годы произошло еще одно знаменательное событие – вхождение в нашу семью Наили, или, как мы все ее зовем, Нэли. В начале 1980-х годов в один из приездов в Уфу Юнер, брат Клары, поднял вопрос о переезде дочери Наили в башкирскую столицу из Темиртау Карагандинской области Казахстана, где тогда проживали семья Юнера и Ании с младшей сестрой Нэли, Ларисой. Мы с Klarой, конечно, согласились, чтобы Нэля училась в институте в Уфе, живя в нашей семье. Так, с 1986 года Нэля вошла в нашу семью, чему мы очень счастливы. Наши дети, то есть Ринат, Альбина и Нэля, и сегодня очень дружны, и мы не разделяем их детей – все они наши внуки и внучки. Нэля сегодня успешно работает в системе Банка России, ее дети, Наиль и Камила, завершив учебу в вузах, тоже трудятся, постигая выбранные профессии.

Юнер с Наилей, 1970 год

Наша Нэля сегодня

Во главе Министерства культуры

*Теле юктың иле юк, иле юктың көнө юк.
(Без языка нет Отчизны, без Отчизны нет жизни)*

Летом 1987 года в жизни началась совершенно новая полоса: мне было предложено стать министром культуры Башкирской АССР. Я согласился, хотя решение далось непросто. Если до этого я работал, что называется, под прикрытием начальства, которое, в конечном счете, принимало решение, то сейчас необходимо было взваливать на свои плечи всю ответственность за отрасль. Тем более, что республиканский Минкульт в те годы был «в загоне», серьезного внимания на него не обращали: работают люди, ну и ладно. Да и министры в последние годы туда назначались «на отсидку», до пенсии — как пел Владимир Высоцкий, министром назначался «бывший лучший, но опальный стрелок». Вся культура обеспечивалась по остаточному принципу, начиная с низких зарплат и заканчивая низким материальным обеспечением всех учреждений, снизу доверху. Вот в такое «болото» мне пришлось войти, чтобы изменить жизнь отрасли и отношение к культуре в обществе и руководстве Башкирии.

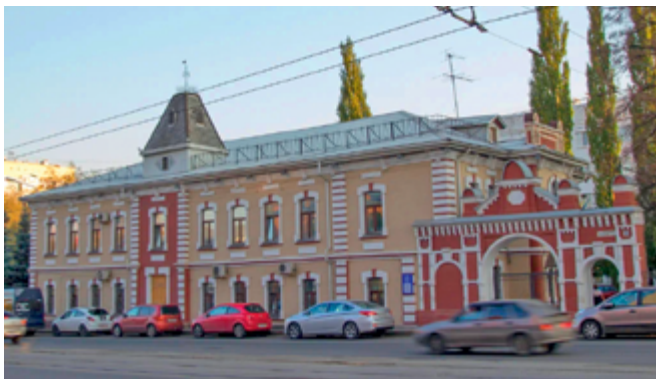
И еще одна характерная особенность этой сферы. Министр сразу попадает в окружение талантливых, а подчас великих людей, в отличие, скажем, от людей, работающих в промышленности, сельском хозяйстве, да и в образовании. Вы найдите среди деятелей театрального, изобразительного или музыкального искусства человека, который бы вам сказал, что он средненький, а вот в соседней комнате действительно гений — не найдете! Гением, хотя бы непризнанным, считает себя каждый. Поэтому, чтобы тебя слушали и, самое главное, помогли решить те или иные проблемы, мне нужно было развивать особое мастерство, умение руководить этой сферой жизни. Для себя я выбрал главное направление деятельности — материально-техническое обеспечение творчества подчиненных министерству организаций. В сфере творческих оценок работы коллекти-

вов, считал я, есть профессиональные критики, пусть они и определяют общественное мнение о творчестве людей, занимающихся этим ремеслом. Будь то театральные критики или критики в области музыкального или изобразительного искусства, они профессионалы своего дела. Впоследствии, когда я тоньше стал понимать то, чем руковожу, я понял, что в этом мире не все однозначно и профессиональные критики и искусствоведы, как спортивные судьи в фигурном катании или в художественной гимнастике, — их мнение весьма субъективно, а порой откровенно необъективно и, что греха таить, продажно.

Второе направление, которое я для себя избрал, — повышение имиджа башкирской культуры и искусства. В конце 1980-х годов оценка деятельности наших учреждений искусства в народе была до обидного низкой. Чтобы это исправить, нужно было налаживать тесные контакты с московской художественной элитой, причастной к этим вопросам.

В те годы зародилась такая инициатива: для более эффективной работы отделов культуры городов и районов под эгидой Минкульту России производились на базе УАЗов автоклубы и на базе ГАЗов — библиобусы. Башкирия их получала, когда я пришел в министерство, две-три штуки в год всего. Мне пришлось пройти многие коридоры власти в Москве, начиная с министра Российской Федерации, пока не удалось решить этот вопрос в пользу республики. В 1994 году, когда я уже уходил из министерства, мы получали до 20 автоклубов и более десятка библиобусов. Здесь нужно подчеркнуть, что помощи со стороны руководства нашей республики поначалу вовсе не было. Но, как говорится, под лежащий камень вода не течет, и здесь, когда мне удалось расшевелить больших руководителей, то дело пошло. Именно тогда меня рекомендовали депутатом Верховного Совета Башкирии по Гафурийскому району, и меня избрали. А депутатам тогда двери московских офисов открывать было полегче.

Когда я пришел в министерство, было принято решение республиканского правительства о реконструкции Башкирского государственного театра оперы и балета в Уфе (бывший Аксаковский народный дом постройки 1909–1914 годов). Ранее часть здания занимал республиканский совет профсоюзов, его перевели в освободившееся помещение завода на улице Карла Маркса, а театр наконец смог полностью занять красивейший дом на улице Пушкина. Проект реконструкции был очень трудоемким и сложным, тем более, раз уже начали делать, то нужно было и сцениче-

Министерство культуры Башкортостана

скую часть привести к современным требованиям. Для этого мы изучали сцены театров европейских стран, и там же пришлось заказывать кое-какое оборудование, которое у нас в стране не выпускалось. Но в итоге все, что нужно было для реконструкции, нашлось, и работа шла. Надо отметить постоянное внимание к работам со стороны председателя Совмина М.П. Миргазянова. Он частенько сам проводил оперативки в театре, контролируя ход работ. Здесь я столкнулся с весьма интересным и поучительным фактом: разрешение на замену театрального занавеса и заказ нового давал лично председатель Совета Министров СССР, тогда им был Н.И. Рыжков. Причиной тому было то, что такие занавесы прошивались золотыми нитями с использованием драгоценных камней. Вот мне и пришлось тогда, пройдя много коридоров, попасть в кабинет Николая Ивановича Рыжкова. Разрешение он мне подписал.

После завершения реконструкции надо было наладить работу коллектива театра, который к тому времени, находясь вне своего привычного здания, немного подраспустился. В первую очередь нужно было укрепить руководство театра. В те годы у нас в Башкирии была настоящая звезда — выдающийся певец, солист театра оперы и балета Радик Арсланович Гареев. В те годы он активно участвовал в правительственных концертах во Дворце Съездов, в различных фестивалях, одним словом, был настоящим светилом эстрады и оперной сцены. Вот его я и решил назначить директором оперного театра. Надо сказать, он не сразу согласился, но согласившись, засучив рукава взялся за дело. Мы вместе с ним сменили

*Башкирский государственный театр оперы и балета в Уфе
(бывший Аксаковский народный дом)*

главного дирижера, главного балетмейстера, в общем, перетрясли все руководство творческого коллектива. Затем мне удалось наладить хорошие творческие отношения с Юрием Николаевичем Григоровичем, у которого в то время были известные трения в работе в Большом театре. Он какое-то время поработал в нашем театре, поставил балет «Спартак». Его работа с балетным коллективом, конечно же, кардинально изменила качество работы балетной труппы.

В последующем мне удалось договориться с солисткой Большого театра Ириной Архиповой, чтобы она поработала с нашими солистами и хором. Эти контакты и сыграли главную роль в повышении имиджа театра оперы и балета. На спектакли пошел зритель, появилась положительная пресса. Весьма успешная работа в театре Радика Гареева, к сожалению, прервалась в 1996 году, когда ему было всего 40 лет. Мы потеряли народного артиста РСФСР и Башкирии, любимца оперной и эстрадной публики, лауреата множества премий, члена-корреспондента Международной академии искусств, обаятельного человека, наконец. А я потерял своего друга...

Процесс изменения кадрового состава продолжился и в других учреждениях культуры и искусства, да и в аппарате министерства. У меня сменились все замы и начальники отделов – пришли единомышленники. Поменялись руководители Русского драматического театра, куда пришел

директором заслуженный работник культуры РФ и РБ Вячеслав Александрович Стрижевский, а художественным руководителем — заслуженный деятель искусств РФ и РБ Михаил Исакович Рабинович. Сменился художественный руководитель Башкирского театра драмы имени Мажита Гафури — туда был назначен выдающийся актер,

В 1994 году республика получила более десятка библиобусов

театральный режиссер и педагог Рифкат Вакилович Исафилов. Сменились руководители Сибайского драматического театра, Стерлитамакского русского драматического театра, Салаватского драматического театра. Все это делалось для того, чтобы вывести коллективы из застойного состояния. Мы принципиально поменяли образ жизни и творчества всех нефимских театров. Дело в том, что, например, Сибайский и Салаватский театры были передвижными — такой цирк-шапито или цыганский табор. Отсюда и репертуар, и качество спектаклей, и уровень трупп был удручающе низким. Мы перевели эти театры на стационарную работу со всеми вытекающими последствиями — постоянное здание театра, неизменный состав художественного руководства и актеров, изменения репертуара, спрос за качество спектаклей. Безусловно, это потребовало радикального изменения качества костюмов, уровня реквизита, что, соответственно, потребовало увеличения объемов финансирования. Не сразу, но удалось решить широкий круг вопросов, и театры успешно живут и работают сегодня. По Стерлитамакскому драматическому театру был давнишний запрос населения города, чтобы наряду с русской труппой была и башкирская. Стерлитамак, второй по численности город Башкирии, тогда там жило более 300 тыс. человек, конечно, заслуживал открытия башкирского театра, т.к. состав населения в Стерлитамаке этого требовал. Театр башкирский мы открыли сначала при русском драматическом театре, в последующем они разделились.

Моя министерская работа совпала с периодом распада СССР, усилением национальных движения на территории Башкирии. Так как в национальном составе республики татары составляют значительное число (около

С Ириной Архиповой и Марией Биешу

который существовал в начале XX века и как раз возрождался силами инициативных театральных деятелей. Этот театр теперь успешно работает, как и Туймазинский. Так было снято напряжение, вызванное требованиями татарской общественности.

Мне с самого начала министерской деятельности пришлось довольно плотно заниматься проблемами татаро-башкирских отношений. В культуре и языке этих двух народов много общего, и в повседневной жизни в городах и районах нет никакого напряжения. Очень много в республике смешанных семей, в повседневной жизни особых проблем нет. Но в политических кругах, в ряде общественных организаций имеются любители поиграть на национальных чувствах и тех и других. Мне тогда приходилось часто отвечать на довольно аргументированные требования и башкирских представителей, и татарских. Чтобы снять напряжение, пресечь перетекание бытовых вопросов на политический уровень, принимались различные оперативные и долгосрочные решения. Мне пришлось организовывать дни татарской культуры и искусства в Башкирии и, наоборот, вывозить огромную делегацию работников культуры и искусства в Татарию. Оба мероприятия прошли очень хорошо и были приняты народом Татарии и Башкирии с большим интересом и вниманием. Также мы регулярно проводили гастролы коллективов и исполнителей — как наших в Татарстане, так и татарских коллективов в Башкирской республике. С той поры многие артисты из Башкортостана носят звания «Народный артист Татарстана», а татарские мастера являются народными и заслуженными

25%), требование об открытии татарского театра в этот период значительно усилилось. Мы в то время уже занимались переводом самодеятельного татарского театра при Доме культуры в г. Туймазы на профессиональную основу, но татарскую общественность города Уфы это не удовлетворило. Тогда было принято решение — недостроенный кинотеатр в микрорайоне «Новостройка» передать татарскому театру «НУР»,

Радик Гареев, звезда башкирской оперы и советской эстрады

деятелями культуры и искусства Республики Башкортостан.

Еще одна тема до меня горячо обсуждалась в театральном обществе — отсутствие в Уфе ТЮЗа или молодежного театра с особым репертуаром. Мы приступили к решению этой проблемы. Наряду с творческим составом театра, который формировался усилиями работающих театров и Уфимского института искусств, необходимо было решить и проблему театрального здания. Начало 1990-х годов было эпохой освобождения лучших на то время помещений, которыми владели органы КПСС. Одним из таких зданий был Дом политического просвещения на ул. Ленина г. Уфы, практически в центре города. Мне удалось убедить руководство республики, чтобы здание было передано Министерству культуры для размещения там молодежного театра. Решение было принято, и работа по созданию театра началась. Театр был создан в 1989 году как Театр юного зрителя. С первых дней он существует как двуязычный: русская и башкирская труппы со своими режиссерами и общим художественным и хозяйственным руководством. Первое время были свои трудности по приспособлению здания под театральные нужды, следовало оперативно создать возможность творческим коллективам репетировать, готовить спектакли и т.д. Впоследствии, в 1995 году, постановлением Кабинета Министров театр был переименован в Национальный Молодежный театр Республики Башкортостан, в 2006 году ему было присвоено имя народного поэта Башкортостана Мустая Карима. В 2002 году театр открыл сезон уже в новом реконструированном здании. Сегодня, читая историю создания театра на его сайте, приятно встретить имена безусловно заслуженных людей, которые приложили руки и душу к созданию театрального коллектива, а вот отсутствие имен людей, которые обеспечивали благополучие нового театрального учреждения, немного огорчает.

Особое место в истории Республики Башкортостан, в становлении национального искусства, да и в становлении национальной башкирской интеллигенции в целом занимает Башкирский академический

драматический театр им. Мажита Гафури. Знакомство с театром у меня началось задолго до моего назначения министром. Мы с Кларой частенько ходили в театр на спектакли, не пропускали премьеры, мне это очень нравилось. Беспокоило состояние театрального здания — как и многие учреждения культуры, оно требовало ремонта. В начале моей работы

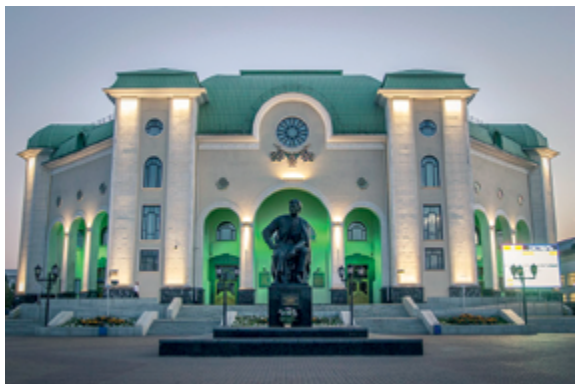
Ю.Н. Григорович по моей просьбе несколько месяцев работал с нашей балетной труппой

в должности министра то были небольшие технические проблемы, но после пожара в театре было решено его полностью реконструировать в соответствии с современными требованиями. Завершалась реконструкция уже после моего ухода с поста министра. Сейчас это современное здание, удобное для работы коллектива и для просмотра зрителям.

Все годы моей работы в сфере культуры и искусства художественным руководителем театра был Рифкат Вакилович Исафилов. Талантливый режиссер, поставивший в башкирском театре десятки спектаклей, которые были очень востребованы публикой, проходили всегда с аншлагом. Мы в ходе общения по работе подружились с Рифкатом Вакиловичем и по сей день относимся друг к другу с большим уважением.

В силу непростого и довольно жесткого характера отношение к Р.В. Исафилову в руководящих кругах республики было неоднозначным: кто-то ценил его, а некоторые завистники пытались его опорочить. Но он всегда проявлял себя цельной, независимой личностью, умеющей стоять на своем. Так было и в случае со мной, когда я уже работал в Администрации президента Республики Башкортостан и на меня был организован «наезд» группой высших чиновников во главе с президентом М.Г. Рахимовым. На защиту моей чести и достоинства первым встал Рифкат Исафилов. Его темпераментно поддержали Радик Гареев из оперного театра и Олег Ханов, художественный руководитель Башдрамтеатра. Я им бесконечно благодарен по сей день. На них обрушились гонения со стороны М.Г. Рахимова, и Р.В. Исафилов и О.З. Ханов были вынуждены поки-

*Башкирский академический драматический театр
им. Мажита Гафури*

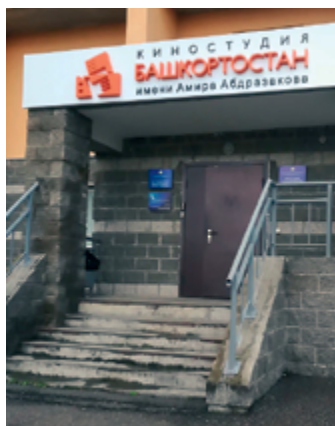

*Рифкат Исафилов,
руководитель Башкирского
драмтеатра*

нуть республику, а Радик Гареев вообще в 40-летнем возрасте покинул белый свет. Крутые повороты судьбы им обеспечили прихлебатели Рахимова, но таланта и способностей человека наговорами не победить. Р.В. Исафилов очень успешно работает художественным руководителем Оренбургского драматического театра, много лет является секретарем Союза театральных деятелей России, а О.З. Ханов успешно поработав в театре «Сатирикон» Аркадия Райкина в Москве, вернулся в Башкирию художественным руководителем Башкирского академического театра.

Все эти люди – подлинная гордость Башкирии и России. Они добились любви публики и славы своих театров, о них написано множество статей и книг; в интернете можно прочитать об их выдающихся свершениях. Я же пишу здесь о том, что пришлось пережить мне самому, участвуя в событиях, происходивших в то время в руководимой мной сфере общественной жизни.

В этой связи хотел бы вспомнить еще об одном событии, непосредственным организатором которого был в том числе и я. Это Первый международный фестиваль тюркоязычных театров России «Туганлык», организованный нами в 1991 году в Уфе – яркий и зрелищный праздник сценического искусства республик и стран тюркского мира. Сегодня уже прошло семь фестивалей, что говорит о том, что «Туганлык» прижился и востребован народом российских областей и республик. Первый фе-

Киностудия «Башкортостан» сегодня носит имя Амира Абдразакоева

стиваль открывал, наряду с руководством Башкирии, тогдашний министр культуры России Юрий Мефодьевич Соломин. Мне пришлось забирать его из Тольятти, где он играл в спектакле Малого театра «Аз воздам», и мы на машине проехали с ним около 500 километров, заехав по дороге в г. Октябрьский и Буздякский район. Ему было очень интересно посмотреть учреждения культуры и искусства в глубинке. Посещение Башкирии очень понравилось Юрию Мефодьевичу. Провожая его в аэропорт, я пошутил и предложил ему заехать ко мне на дачу, поздравить мою жену Клару, у нее в тот день был день рождения.

Каково же было мое удивление, когда он согласился! Тогда мобильников еще не было, и мы приехали без предупреждения...

Визиты Соломина и других знаменитых и, не побоюсь этого слова, великих деятелей искусства в наш дом и на дачу по сей день вспоминает моя жена. Вот ее рассказ о двух таких незаурядных событиях в жизни нашей семьи: «Мы с детьми собрались поехать на дачу скромно, по-семейному отметить мой день рождения. Дача крошечная, небольшой домик на участке в четыре сотки. Салавата не ждали, зная, что он на фестивале. Вдруг звонит: у Соломина два часа до самолета, приедем, надо накормить. Стол пришлось организовывать оперативно, из того, что было. Только накрыли на стол, приезжают... Не хотелось ударить в грязь лицом перед великим артистом, волновались, вдруг ему не понравятся наши башкирские яства, вдруг ему что-то нельзя. Но ему все понравилось, просил добавки. Потом немного погуляли по окрестностям, по берегу озера. Юрий Мефодьевич сетовал, что своей дачей не занимается, «а у вас тут — так хорошо...» Мы были благодарны Соломину за его простоту в общении и великодушие.

Вообще, годы работы Салавата Хурматовича в Министерстве культуры запомнились мне целой чередой встреч с незаурядными, а порой и выдающимися людьми, которые приезжали к нам в дом. Вспоминаю визит Сергея Бондарчука — вошел, заполнив собой всю нашу немалень-

*Р.И. Батыргареев**Башкирская государственная филармония*

кую квартиру, седой красавец в красном шарфе поверх пиджака. Время завтрака, но у меня с вечера остались курица, манты, все по башкирским рецептам. Я подаю на стол, как привыкла, – первое блюдо мужу. Он поднял бровь, мне мигает – гостю, мол, первому подавай. А я не могу – привычка! Следующее блюдо опять подаю первым Салавату. Бондарчук за столом промолчал, а перед уходом мне говорит: «Клара ханум, вы первая женщина, которая решилась подать мне блюда во вторую очередь, после мужа. А я ведь видел, как он вам подмигивал...» Я смеюсь: «Как бы он ни мигал – вы уедете, а я с ним останусь!»

Но вернемся к рабочим моментам моей министерской службы.

Хорошие, добрые отношения сложились у меня с творческим коллективом Башкирской филармонии. В состав филармонии входил Ансамбль народного танца имени Файзи Гаскарова, впоследствии мы его отделили от филармонии и создали самостоятельный коллектив. Об Ансамбле танца немало написано и снято фильмов, пересказывать их не вижу смысла, но на некоторых малоизвестных деталях его истории хотелось бы остановиться. Подчеркну: это мои личные ощущения и оценки. Весь коллектив ансамбля – большие трудяги, каждый день с утра физическая нагрузка на репетициях, затем переезд и концерт где-то далеко от Уфы или вообще за границей. Выдержать такую нагрузку не каждый может. При этом нужно всегда красиво выглядеть, счастливо улыбаться, ведь яркая улыбка – характерная особенность коллектива. Я восхищался юношами и девушками и выдающимися солистами, их работоспособностью и неунывающим ха-

рактором, наблюдая их каждодневный труд во время совместной поездки на гастроли в Нидерланды. Руководили коллективом разные талантливые люди, но создал и навсегда привил образ жизни, которым жил коллектив, Файзи Адгамович Гаскаров – ученик знаменитого Игоря Александровича Моисеева, художественного руководителя Ансамбля народного танца. Файзи Гаскаров был человеком талантливым и всегда находился в поиске, как сделать лучше танец, для этого лично ездил по деревням, смотрел танцы на праздниках и свадьбах и вводил движения в новых постановках. Поэтому по сей день на сцене не оставляющий равнодушным зрителя танец «Гульназира», тонкие лирические танцы «Семь девушек» и «Зарифа» и многие другие. Уже нет Файзи Адгамовича, а танцы его и сегодня живы, современны и востребованы.

Многие годы филармонией руководил Равиль Ибатович Батыргареев. Человек, влюбленный в музыку, в свою работу, умеющий найти общий язык с непростым творческим коллективом филармонии. Непростой он потому, что каждый артист талантливый и гениальный, по собственной оценке, и заставить его работать в соответствии с программой филармонии – непростое искусство. С Р.И. Батыргареевым мы продолжили работать вместе и после моего ухода из министерства, я ему всегда полностью доверял.

Проблемы реорганизации в культуре и искусстве требовали решения кадровых вопросов. Можно было восхищаться ансамблем, но без отличной подготовки будущих танцоров и постановщиков танцев, без педагогов, репетиторов и т.д. улучшить качество ансамбля танцев, да и остальных коллективов, никак нельзя. Поэтому было принято решение направить за счет министерства в ГИТИС на обучение добровольцев, желающих получить высшую квалификацию. Нашлось таких 13 человек – это были в основном артисты ансамбля танца. 11 человек получили высшее образование и начали работать по специальности в различных коллективах, а трое – Гузель Абеаттарова, Рим Абдульманов, Айдар Зубайдуллин – и сейчас работают в Ансамбле танца им. Файзи Гаскарова. Некоторые выпускники работают в хореографическом училище, которое готовит наших, собственных, артистов балета и ансамбля танца. Училищем тоже в свое время пришлось заниматься – и материальной базой, и преподавателями, и методологическим усилением учебного процесса. В этом плане нам очень помогла Ольга Васильевна Лепешинская – ее мы вначале пригласили для консультаций, а впоследствии она неоднократно проводила

уроки для преподавателей, мастер-классы, да и само присутствие легенды советского балета, народной артистки СССР в училище уже многое значило. Сегодня уже можно сказать, что хореографическое училище в Уфе состоялось, выпускники балета танцуют и в Большом театре, и в Лондоне, и в Париже, а выпускники отделения народного танца блистают во многих коллективах России и ближнего зарубежья.

Качественную работу проводил и коллектив преподавателей Уфимского училища искусств во главе с В.Н. Линник. История училища начинается с 1921 года и, если говорить о выпускниках учебного заведения, то это весь цвет культуры и искусства Республики Башкортостан. 70% народных артистов Башкирской республики – это выпускники Уфимского училища искусств. И сегодня училище искусств продолжает свою славную историю.

В те годы нам удалось значительно поправить материально-техническое обеспечение подведомственных средних специальных учебных заведений, музыкальных и художественных школ, снабдить костюмами и инструментами коллективы художественной самодеятельности. Все это удалось в силу того, что был пересмотрен в сторону увеличения бюджет Министерства культуры, в чем была заслуга правительства Башкирии и его председателя М.П. Миргазимова.

В эти годы нам удалось продвинуть давно назревшее в сфере культуры дело – создание собственной Башкирской киностудии. Энтузиасты кинодела в республике были всегда, и самым главным был Амир Габдулманович Абдразаков. Мы с ним и киношной общественностью много обсуждали эту проблему, и в 1990-м при Министерстве культуры решением Совета Министров была образована киностудия «Башкортостан». Сегодня, когда уже отметили 30-летие создания киностудии, кого только ни причисляют к создателям киностудии, но нет ни слова о роли Министерства культуры. Хотя, начиная с установления штатной численности, заработной платы коллектива, обеспечением всего необходимого для вновь созданного коллектива наряду с Амиром Абдразаковым занимались работники министерства. Более того, именно в те годы мы выбрали небольшую группу молодых энтузиастов, любящих кинопроизводство, и за счет средств бюджета министерства направили их учиться в Институт кинематографии. Получив образование, некоторых из них вернулись и сегодня продолжают работать на благо киностудии «Башкортостан».

В те годы мне пришлось активно работать с творческими союзами.

Здесь интерес друг к другу был обоюдный. Мы как государственный орган нуждались в положительном имидже, которому могли способствовать писатели, музыканты, художники, актеры и режиссеры театров, а мы в свою очередь приобретали их произведения для музеев, библиотек и учебных заведений культуры и искусства. Могу констатировать, что мне удалось создать хорошую творческую атмосферу в наших взаимоотношениях. Я всегда с теплотой вспоминаю наши встречи с председателем Союза художников Иваном Фартуковым, председателем Союза композиторов Загиром Исмагиловым и руководителем правления СК Робертом Газизовым, председателем Союза театральных деятелей того времени Олегом Хановым. Особое место в моей деятельности занимали общение с Союзом писателей на их собраниях и индивидуальные контакты с писателями. Здесь есть и особая причина. Писатели — это и рупор общества, и его ведущие, это и хозяева мыслей, живущих в обществе. Поэтому, вне зависимости от таланта и величины того или иного поэта и писателя, он к себе со стороны государственного органа требует особого внимания. Неизгладимый след в душе оставили встречи и беседы с Мустаем Каримом, Асхатом Мурзагитовым, Зайнаб Биишевой, Ангамом Атнабаевым, Равилем Бикбаевым и особенно Динисом Буляковым, ставшим моим добрым другом.

На всю жизнь в памяти остался вот какой случай. Я, недавно назначенный министр, впервые пришел на собрание писателей со всей республики, которое подготовил их профессиональный Союз. То был 1988 год, и я подготовился к встрече на манер партийного функционера — выступил на русском языке и с некоторым уклоном в «постановку задач» для писательского сообщества. Был очень горд своей речью, а меня после нее несколько человек очень корректно, но серьезно поправили. Несколько выдающихся мастеров слова, в том числе Мустай Карим, сообщили мне, что собрания Союза писателей идут на башкирском языке и здесь недопустим менторский тон. В дальнейшем я всегда выступал только на башкирском и радикально пересмотрел тональность своих «спичей». Более за шесть лет работы я замечаний от писателей не получал.

И еще об одной стороне моей работы надо сказать, так как она в конечном счете серьезно повлияла на изменения в моей жизни через шесть лет работы министром. Большую долю моего рабочего времени занимали вопросы взаимодействия с отделами культуры городов и районов. Министерство напрямую не назначало заведующих отделами культуры —

*Слева направо: Булат Нигмаджанов, Олег Ханов,
Радик Лукманов, я, Рифкат Исрафилов*

то была компетенция местных органов власти, но они всегда согласовывали с нами кандидатуры, которые рассматривались на эту должность. Министерство осуществляло методическую помощь отделам культуры через Республиканский научно-методический центр (РНМЦ). Именно здесь были организованы учет и анализ деятельности отделов культуры, качество работы библиотек, Дворцов культуры, районных домов культуры, музеев, художественной самодеятельности. Работа министерства была разносторонняя в этой сфере, кропотливая и требовала постоянного контакта с руководством районов и городов. Территория Башкирии – 174 тыс. кв. километров, до некоторых районов и городов от столицы более 500 километров, вот эти расстояния мне пришлось проехать по нескольку раз, чтобы быть в курсе состояния дел в области культуры и искусства. Проведение различных фестивалей и праздников, дней культуры народов, проживающих в Башкирии, семинары культурработников, проблемы обеспечения библиотек книгами, музыкальных школ инструментами – все это осуществлялось через РНМЦ Минкультуры. То, как эта работа изменилась за эти годы, – свидетельство выросшего авторитета Минкультуры В обретении этого авторитета в республике моими верными друзьями и помощниками были Файруза Тугузбаева, Светлана Анисимова, Ирина Махмутова, Сажида Ишмухаметова, Наиль Гаитбаев, Рафаэль Шафиков, Ямал Исхаков, Рамиль Кильмаматов и многие другие работники культуры, которые преданно служили избранному делу.

Такое положение дел не могло всех радовать и удовлетворять. В таких случаях появляются завистники и просто люди, которым хорошее положение дел не нравится. Начали появляться различные публикации в периодической печати, звучала грубая критика в некоторых телевизионных передачах. Обо всем сейчас не хочется вспоминать, но вот одно обстоятельство придется вспомнить. Я уже упоминал, что для открытия некоторых учреждений культуры и искусства нужны были помещения, их модернизация и ремонт. Так вот, когда мы забрали под Молодежный театр Дом политпроса, под Театр оперы и балета Башсовпроф, под краеведческий музей здание обкома партии, под общежитие работников культуры и искусства общежитие курсов переподготовки кадров обкома КПСС, а жилой дом на улице Революционной (некогда купеческий дом) под размещение работников аппарата Министерства культуры – возмущенных людей в Башкирии в отношении С.Х. Аминова нашлось немало количество. Если прибавить возмущенных в некоторых городах и районах, где также пришлось решать вопросы размещения учреждений культуры, то круг несогласных расширялся. Очевидно, из этого обстоятельства можно было сделать два вывода: первый, что немало было людей, завидовавших, что такие престижные объекты недвижимости достались не им, а второй – что вот есть плохой министр культуры с загребущими руками. Соответственно, от выбора позиции в этом вопросе формировался имидж министерства.

Тут мне надо объяснить, почему эти вопросы решались в нашу пользу. Во-первых, Министерство культуры как государственный орган стояло на охране памятников истории и культуры, и, во-вторых, руководство республики очень хотело приблизиться к прекрасному хотя бы через решение таких вопросов.

Впрочем, не могу не вспомнить об одном довольно курьезном моменте того времени. Министерство культуры располагалось на арендованных площадях «Башнефтехимзавода», и это как-то не соответствовало, на мой взгляд, органу, который стоит на охране памятников истории и культуры. Тут как раз администрация г. Уфы во главе с Михаилом Алексеевичем Зайцевым расселяла для последующего сноса дом на улице Революционной. Еще до меня его кто-то снял с охраны как памятник. Мы быстро восстановили эту несправедливость и не дали здание снести. А так как оно от всего было освобождено и никто на него не претендовал,

то мы забрали его себе. И там по сей день находится Министерство культуры. Потом на меня долго обижался М.А. Зайцев, но по-доброму, мы все же вместе работали в партийных органах и Кировском районе Уфы. Его уже нет с нами, светлая ему память.

Еще об одном памятнике истории и культуры хочу вспомнить, так как по нему было в последующем много спекуляций в мой адрес, и первые обвинения, не напрямую, а по указанию, начал М.Г. Рахимов. Это торговые ряды Уфы, которые находились тогда в весьма плачевном состоянии. Я, будучи министром, начал прорабатывать вопрос реставрации этого памятника архитектуры. Дело было трудоемкое, и финансов требовало немалых. Была у нас в составе министерства коммерческая организация «Башкультивест», на нее и возложили вопросы проектирования, финансирования и определения подрядчика для производства работ. Во главе «Башкультивеста» стоял Ибрагим Гулаев, чеченец по национальности, но давний житель Уфы. Специально на этом останавливаюсь, поскольку после известных чеченских событий, а это было задолго до них, мне чего только ни приписывали — было «модно». А причина была в том, что огромных торговых площадок в центре Уфы в те годы еще не было, а тут некие «коммерсанты» узрели возможность распила средств, привлекаемых для реконструкции. Поэтому нас отодвинули от торговых рядов, не вернув нам уже потраченный миллион рублей, да и вообще, если бы я тогда не вмешался и не начал над этим работать, судьба торговых рядов была одна — снос. В последующем, когда я уже работал в Москве, после завершения реконструкции выпустили книгу-альбом о реставрации торговых рядов по особому указанию М.Г. Рахимова. Отовсюду было убрано мое имя и, что особенно смешно, организатором и вдохновителем назван мой тогдашний зам, занимавшийся вопросами строительства. Но вообще много было написано различными злопыхателями о моих «неприглядных делах», связанных с торговыми рядами. Пусть это останется на их совести, а торговые ряды сохранились и сегодня стали любимым местом для отдыха, прогулок и покупок уфимцев.

Годы работы в Министерстве культуры совпали со временем взросления моих сына и дочери. Они поступили учиться: сын в авиационный институт (УАИ), дочь в медицинский (ныне Башкирский государственный медицинский университет, БГМУ).

Во время учебы в институте Ринат принял участие в конкурсе на получение гранта на обучение в США. Конкурс проходил в несколько этапов, последний почему-то проводился в Ташкенте, где Ринат выиграл грант, что дало ему возможность на последнем курсе УАИ поехать на обучение в Университет Пёрдью (Purdue University), расположенный в городе Уэст-Лафайетт, штат Индиана. Это было возможно в советское время, требовались только знание английского языка и хорошие знания по дисциплинам избранной специальности. Ринат закончил в УАИ факультет информатики по специальности «Система автоматизированного проектирования». Он успешно проучился в Америке, защитил диплом в УАИ и поступил в аспирантуру УАИ, защитил кандидатскую диссертацию и в настоящее время работает по своей специальности в системе госкорпорации «Транснефть».

Альбина с отличием окончила стоматологический факультет Башкирского медицинского института. Поработала немного в Уфе, вышла замуж и уехала в Москву. В настоящее время у нее своя стоматологическая клиника, пока практикует и сама.

Завершая воспоминания о моей работе в Министерстве культуры, должен отметить, что это время было, наверное, самым динамичным, самым трудоемким и самым интересным в моей жизни. Как говорит моя жена Клара: «Это самый лучший отрезок нашей жизни». Он был очень интересен и насыщен знакомством с интересными людьми, общением с ними и навсегда останется в памяти.

В Администрации президента республики

*Ахыр сиктә дәрәс еңә
(В конце концов побеждает правда)*

Шел 1993 год, отмеченный «парадом суверенитетов» в республиках, в краях и областях. Происходили разноплановые процессы по формированию новых принципов государственной службы, постепенное повышение значимости местных органов власти и чиновников, служащих в них.

Россия приходила в себя после драматических событий 1990–1991 годов. В одночасье исчезла некогда великая страна – СССР. На референдуме, прошедшем накануне Беловежских соглашений, большинство граждан Советского Союза проголосовало за сохранение страны, но это уже не могло остановить процессы распада ослабевшей социалистической державы, начавшиеся во второй половине 1980-х годов. Причины тому были разные, начиная с горячего стремления местных элит к суверенитету и заканчивая огромными экономическими проблемами, которые только усугублялись к концу 1980-х годов. Я считаю бессмысленными рассуждения о том, как могло бы пойти развитие страны, если бы удалось сохранить СССР. Или если бы сохранилась КПСС и удержалась бы в качестве «политического арбитра», сохраняющего политический и социальный баланс в обществе в ходе рыночных реформ (а они были неизбежны, и дискуссия против них представляется мне совершенно беспочвенной). Поскольку в 1990-х мне довелось быть на самом острие тогдашних событий в одной из республик, я буду описывать общую ситуацию и мои тогдашние ощущения на фоне огромных перемен.

В эти годы, наряду с движением к суверенитету России в составе союзных республик, активно шла работа по суверенизации автономных республик, а также областей и краев Российской Федерации. Местные руководящие элиты рассчитывали в нестабильной, подвижной обстановке

и при слабом центре завладеть как можно бóльшей долей власти, финансовых и материальных ресурсов. Сейчас уже подзабыта попытка создания Уральской республики во главе со Свердловской областью, а ведь это был вполне реальный проект, вплоть до введения собственной валюты и таможенных границ. В этой обстановке в Башкирии также пришли в движение различные национальные объединения. Именно в эти годы был образован и стал активно действовать Башкирский народный центр «Урал». Подобные объединения возникли среди интеллигенции татарской, марийской, мордовской, удмуртской национальностей, компактно проживающих в районах Башкирии. Создание таких объединений шло параллельно с нарастающими требованиями улучшения социально-культурных условий жизни в республике. И на фоне всплеска митинговой активности продвигались идеи расширения представительства разных национальностей, вплоть до квотирования должностей, в различных государственных и общественных органах Башкирии. Если к экономическим, образовательным проблемам национальным объединениям было трудно подобраться, то по вопросам культуры напрямую отвечало Министерство культуры, и оно было более досягаемо. В это время в министерство поступало огромное количество просьб и требований от национальных центров – открыть такую-то школу (клуб, библиотеку, театр...) в таком-то районе... Если бы мы взялись выполнять все эти пожелания, то на это ушли бы не один десяток лет и миллионы тогда еще более-менее полновесных рублей. Наиболее агрессивную позицию в отношении культуры занимали два центра: упомянутый БНЦ «Урал» и ТОЦ – татарский общественный центр. Мне неоднократно приходилось участвовать в их собраниях, отвечать на множество вопросов. Сейчас, по прошествии времени отставив в сторону эмоции, могу сказать, что в основном ставились правильные вопросы, но в большей степени из-за политизированности общества они звучали более радикально, а порой просто грубо, что не позволяло взвешенно отвечать на вопросы, а тем более решать. Но годы работы в тогдашней обстановке многому меня научили. В частности, следующему: если раньше все действия государственной власти были направлены на решение задач, сформулированных партийными органами, и это казалось правильным и незыблемым, то теперь в работу начала вступать сама жизнь, врывались проблемы и требования людей, которым мы призваны служить как государственные служащие. Для меня как министра это было

настоящее боевое крещение, и то, как я вел себя в разного рода непростых ситуациях, способствовало повышению моего авторитета в республике. Считаю необходимым подчеркнуть это для понимания событий, которые произошли со мной в последующем.

Должен сказать, что меня огорчил развал СССР, об этом я переживаю и сейчас. Оказалось, что напыщенные разговоры о государственном суверенитете России, а тем более национальных республик, на поверку оказались сложно осуществимыми. По сей день в общественном дискурсе, в повседневной политике вопрос суверенитета страны остается важнейшим, и его приходится отстаивать трудом, кровью и жертвами, подчас ненужными или чрезмерными.

А вот принятие Декларации о государственном суверенитете Республики Башкирии оказалось пустышкой, а в некоторых проявлениях и обременительной для жизни простых людей. В момент принятия декларации на сессии Верховного Совета Башкирской АССР 11 октября 1990 года представители общественных организаций, депутаты и особенно руководители республики ходили с таким видом, будто они совершили революцию и дальше пойдет совсем другая жизнь. Не хочу выглядеть провидцем, но честно скажу: в те годы от «обретения независимости» я никакой радости не испытывал. Может быть потому, что этому событию очень уж радовались за рубежом и те «волонтеры и коммерсанты» из Турции, которых в начале 1990-х годов внезапно стало много в разных сферах жизни республики: и в образовании, и в строительстве, и в культуре. Они очень радовались, рассчитывая, что следом за развалом Союза начнется развал России. Многие «политические деятели» в Башкирии не понимали в то время, к чему приведет дробление на мелкие куски огромного государства. Прошедшие годы отчетливо показали, как это бывает горько и трагично. Мы, бывшие пионеры и комсомольцы единого государства, пошли с оружием в руках друг на друга как внутри России (1-я и 2-я Чеченские войны), так и на огромных просторах бывшего Советского Союза, начиная со Средней Азии и заканчивая Украиной. И самое главное, ни в одной бывшей союзной республике простой народ не стал жить лучше, а, наоборот, все стало значительно хуже в бытовом, социальном, финансовом плане.

Что же касается суверенитета Башкирии, то результат его налицо. Если раньше республика была донором для бюджета страны, то сегодня

стала дотационной, если раньше гордилась промышленными гигантами, такими как «Башнефть», «Салаватнефтеоргсинтез», объединение «Сода», то сегодня эти предприятия, работая «на дядю», практически бросили заниматься социальными вопросам жителей Республики Башкортостан. Кто-то скажет, что суверенитет здесь ни при чем, что наблюдаем мы общероссийскую картину непродуманных рыночных реформ, не учитывающих социальную и региональную составляющую. Да, это так. Но суверенитет республики и подавался национальными элитами как своего рода защита, барьер от возможных ошибок и непродуманных реформ центра. Однако, как только политика центрального правительства стала строиться по принципу «Обогащайтесь, господа!», местные элиты моментально отбросили тему суверенитета и защиты интересов населения и бросились с энтузиазмом делить советское наследство. Лицемерные защитники башкирских (татарских, мордовских, якутских...) земель, недр, истории, культурных ценностей, оказавшись в думских и сенаторских креслах, единодушно голосовали за законы, отбирающие у регионов их богатства, а у народа — его будущее.

12 декабря 1993 года в Башкортостане прошли первые президентские выборы. Они совпали с общероссийским референдумом, который решал важнейшие вопросы для судьбы страны: принималась новая Конституция и избирался парламент — Федеральное собрание в составе двух палат, Совета Федерации и Государственной думы.

Институт президентства в Башкортостане был учрежден 30 октября 1991 года на IX сессии Верховного Совета республики 12-го созыва, его правовое положение в структуре государственных органов власти сформулировала новая Конституция Республики Башкортостан, принятая взамен Советской конституции. По новой конституции должность высшего должностного лица — президента Башкортостана — была учреждена на смену должности председателя Президиума Верховного Совета республики.

Однако первые президентские выборы, назначенные на 15 декабря 1991 года, не состоялись. Надо представлять тогдашнюю обстановку в стране, чтобы понять, почему в республике было не до выборов. Тяжелейший экономический кризис, вызванный «шоковой терапией» российского правительства, политическое противостояние ветвей власти — Верховного Совета с властью исполнительной во главе с Президентом Российской Федерации. После того как политическое противостояние завершилось

в октябре 1993 года победой исполнительной власти и роспуском Верховного Совета, началось реформирование государственной власти. Для субъектов Федерации вопрос установления твердой власти у себя стал первоочередным вопросом. 4 ноября 1993 года Верховный Совет республики внес изменения и дополнения в законы, определяющие правовой статус президента Республики Башкортостан, порядок его избрания, и назначил на 12 декабря 1993 года выборы президента. 64% избирателей, принявших участие в голосовании, проголосовали за Муртазу Губайдулловича Рахимова. Хочу рассказать, как удалось добиться такого впечатляющего результата в голосовании. Для этого придется немного вернуться назад.

Как я уже подчеркивал ранее, авторитет Министерства культуры рос из года в год. Этого не могли не видеть руководители республики. В связи с приближением выборов президента на это обратил внимание и М.Г. Рахимов, в ту пору председатель Президиума Верховного Совета республики. Он пошел на сближение со мной, приглашал к себе для бесед и решения ряда вопросов, а затем предложил создать штаб по поддержке его кандидатуры на президентских выборах. Я такой штаб создал, в него вошли многие авторитетные и уважаемые люди того времени: Ю.А. Маслобоев, председатель фонда социального страхования, А.Х. Турьянов, министр здравоохранения республики, С.А. Кильдин, председатель комитета по телевидению и радиовещанию, видные ученые, артисты, писатели. Мы регулярно собирались в Министерстве культуры и решали текущие актуальные вопросы предвыборной борьбы. Наличие большого влияния на средства массовой информации позволяло оперативно освещать те или иные достижения нашего кандидата и промахи конкурента. А конкурентом был президент банка «Восток» Р.Ф. Кадыров, весьма популярный в народе в эти годы. Можно сказать, это были первые и последние более-менее честные выборы президента республики. По крайней мере, в те годы еще не использовались различные сомнительные технологии выборов, как было в последующем.

М.Г. Рахимов под впечатлением успешно проведенной выборной кампании заявил, что видит именно меня руководителем Администрации президента сразу после выборов. И 6 января 1994 года я был по Указу Президента утвержден руководителем Администрации.

Первое, что надо было срочно сделать, – сформировать Администрацию как численно, так и функционально. Для этого нужно было подобрать

единомышленников, с которыми предстояло решать общегосударственные задачи, которые вел президент республики. До этого в аппарате Верховного Совета, который работал с Рахимовым М.Г., трудилось много людей, некоторых я знал по предыдущей работе, но у нас были новые задачи и нужны были новые исполнители. Поэтому из аппарата Верховного Совета к нам пришли единицы. Вторая, более тяжелая задача была поставлена передо мной Рахимовым: замена глав районов и городов, которые проголосовали против него, а их набралось 18 человек. Ситуация усугублялась тем, что все предназначенные к увольнению главы городов и районов были уважаемыми, грамотными и авторитетными людьми. Меняя их, нельзя было устранить от их трудоустройства. В каждом случае местному активу нужно было объяснить причину смены. Ну и главный вопрос: а на кого менять?

То были самые тяжелые для меня дни. Пришлось мотаться по всей нашей огромной республике и, что самое главное, — нелегко было на душе из-за сомнений в необходимости этой смены. Дело шло тяжело, но могу и сейчас положить руку на сердце сказать: мне удалось остаться рукопожатным со всеми, кого мне пришлось снимать с работы.

Кроме этих сложных дел, были и рутинные хозяйственные вопросы, начиная с размещения людей по кабинетам и заканчивая организацией питания и обеспечения всех необходимой оргтехникой. Полагаю, в этих оргвопросах мне тоже многое удалось — хотя бы потому, что в течение десятилетий Администрация президента РБ организационно работает точно так, как мы ее настроили в далеком 1994 году.

За год работы в Администрации было много важных, запоминающихся дел. Довелось общаться с высоким начальством федерального уровня. Серьезные переговоры были с С.А. Филатовым, тогдашним главой Администрации Президента Российской Федерации, с Ю.В. Скоковым, секретарем Совета Безопасности Российской Федерации. Приходилось общаться с депутатами Федерального собрания, крупными бизнесменами.

В 1994 году интерес к республике был большой со стороны управленческих и деловых структур, каждый лоббировал чьи-либо интересы, кто-то стремился приватизировать или, проще говоря, прибрать к рукам плохо лежащее предприятие или объединение. Именно в начале 1990-х годов из-под влияния республиканских властей, а точнее правительства Башкирии, ушли многие предприятия и объединения, а некоторые просто прекратили свое существование вообще. «Салаватнефтеоргсинтез» пере-

шел под управление «Газпрома», крупнейшие предприятия Стерлитамака, Октябрьского, Туймазов, Белебея, Уфы, Кумертау, Мелеуза, Сибая, Учалов были либо приватизированы фактически бесплатно, либо проданы, и в конечном итоге просто закрылись. Бывшие на слуху Уфимские предприятия – химический завод, завод стекловолокна, приборостроительный завод, фирма «Мир», трикотажный, хлопчатобумажный комбинат и многие другие заводы и комбинаты просто исчезли. То же самое произошло со Стерлитамакским станкостроительным заводом, Белебеевским заводом «Автономаль», Октябрьским заводом низковольтной электроаппаратуры, Башкирским медно-горным комбинатом, Белорецким металлургическим комбинатом и многими другими коллективами. У каждого предприятия, безусловно, была своя судьба, характер их исчезновения был разным, но факт остается фактом: сегодня их практически нет в том виде, в каком они были на начало 1990-х годов, а многих просто не существует вообще!

Проработав год в Администрации президента, я был вынужден уйти с этой работы и перейти в 1995 году в налоговое управление по Республике Башкортостан, заместителем начальника управления. Ранее я давал краткую характеристику людям, а точнее руководителям, сыгравшим в моей судьбе значительную роль, вот и сейчас хочу в какой-то степени охарактеризовать мои взаимоотношения с Муртазой Губайдулловичем Рахимовым. Я уже писал, что в период подготовки выборов президента Республики мы довольно часто встречались и общались по многим вопросам, и у нас сложились довольно теплые, пожалуй, и дружеские отношения. В то время я был нужен М.Г. Рахимову, и поэтому претензий ко мне, как к человеку, имеющему собственное мнение на важные события и явления, у него еще не было (или, может быть, я их не замечал). Впоследствии, когда мы работали вместе и общались ежедневно по разным текущим вопросам, разногласия начали проявляться.

Начну с того, что по характеру Муртаза Губайдуллович был мелковат для своей должности. Он был любителем выслушивать различные сплетни, в том числе о себе, любил всевозможные интриги и живо ими интересовался. Кроме того, он очень внимательно прислушивался к мнению своей жены, это если говорить мягко, а вернее, был типичным «подкаблучником». Во многих решениях, даже государственного характера, мнение жены для него было доминирующим. И еще одно... Нет у него широты души, доброты, присущих башкирскому народу. Я не помню за время нашего

общения с его стороны какого-либо доброго поступка, просто человеческого, от души, жеста. Возможно, после моего ухода из Администрации они были, но я не слышал.

Большинство бывших руководителей республики оставили после себя добрый след: и З.Н. Нуриев, и М.З. Шакиров куривали лично грандиозные стройки в республике, находили решения по их обеспечению необходимыми ресурсами. А после М.Г. Рахимова республика, являвшаяся донором бюджета страны, осталась дотационной, просящей денег с протянутой рукой.

Как у нас заведено, пока тот или иной руководитель находится на высоком посту, множество положительных эпитетов сопровождают его в публикациях в газетах и на телевидении. После ухода тональность в отношении человека меняется, в основном в отрицательную сторону. В печати, в интернете о Рахимове написано много – и хорошего, и плохого. Я не буду вступать в полемику ни с теми, ни с другими оценками, и в своих воспоминаниях пользуюсь своими личными впечатлениями и выводами.

Характерно поведение Рахимова в отношении людей, которым он чем-то обязан. Начну с того, как он отблагодарил людей, которые работали для его избрания на первый срок президентства – штаб по выборам, который возглавлял я. Да, сразу после выборов был для нас накрыт хороший стол в ресторане, организовывал банкет Рамиль Бигнов, бывший в то время кассиром Рахимова. Но впоследствии все участники штаба были отодвинуты от общения с новоизбранным президентом и многим пришлось покинуть свои посты и уехать из республики. Покинул свой пост Ю.А. Маслобоев, были освобождены со своих постов С.А. Кильдин, А.Х. Турьянов и впоследствии я и многие другие. Также пострадали люди, ранее работавшие с ним вместе бок о бок на Уфимском нефтеперерабатывающем заводе. Целая история, как Рахимов избавлялся от руководителей республиканского правительства. М.П. Миргаязов, председатель Совета Министров, был главным инициатором выдвижения Рахимова на пост президента, а ранее лоббировал его избрание председателем Верховного Совета Башкирии и депутатом Верховного Совета СССР. Сам ездил по районам, агитировал за него... Так вот, Миргаязова самым циничным образом убрали из Совмина и отправили работать на умирающий завод резинотехнических изделий. Та же история произошла и с пришедшим на

смену А.Я. Копсовым, он также был освобожден от должности, проработав чуть более полутора лет.

Сейчас, оглядываясь на прошлое, я могу уже сделать вывод, что Рахимов просто не терпел рядом с собой людей, имеющих свое мнение. Именно поэтому были освобождены эти два предсовмина. Последующие главы правительства при Рахимове были, мягко говоря, более покладистыми, если не сказать более послушными, и никогда не смели возразить башкирскому «хану». Я знаю по совместной работе и Р.С. Бакиева, и Р.И. Байдавлетова, и Р.С. Сарбаева. Со всеми мне приходилось общаться, а в судьбе Бакиева и Сарбаева даже принимать личное участие. Так что я отвечаю за свои слова. Все они были прекрасными, высокопрофессиональными людьми – но ни один не смел и подумать о том, чтобы отстоять свое мнение перед вышестоящим начальством.

Любовь Рахимова к сплетням и интригам приблизила к нему таких людей, как М.А. Аюпов, человек, на мой взгляд, весьма беспринципный, У.Н. Бакиров (помощник Рахимова, причем с моей подачи). Они стали главными советниками президента в закулисных делах.

Хочу отдельно остановиться на моем освобождении от должности руководителя Администрации. Началось все с мелких вопросов, когда не совпадали точки зрения, затем эксцессы становились все крупнее. Так, у нас были кардинально различные точки зрения на развитие Башкирского Зауралья. Так как я было родом оттуда и, тем более, горняком, меня беспокоило, что наши горнодобывающие предприятия стали объектом особого интереса со стороны Уральской горно-металлургической компании и ее хозяина И.К. Махмудова. Мое предложение было таким: создать свою подобную компанию с подчинением ей всех зауральских горных предприятий и с обязательным строительством медеплавильного завода, который уже существовал в Баймаке до революции. Но такая идея категорически не понравилась Рахимову, и наш Учалинский горно-обоганительный комбинат и Башкирский медно-серный комбинат со всеми принадлежащими им месторождениями были проданы УГМК. Таким образом из Башкирии ушли основные налоги, которые платили бы эти организации, а остались без консервации Сибайский карьер, вся грязь добывающих предприятий и огромные отвалы горной породы, значительно влияющие на экологию и окружающую среду.

Были и другие моменты несовпадения взглядов, но они мне каза-

лись более разрешимыми. А в сентябре я с геморрагической лихорадкой слег на целый месяц в больницу. Этого месяца для «доброжелателей» хватило, чтобы полностью переориентировать Рахимова в отношении меня в отрицательную сторону. Если в начале моей болезни президент каждый день интересовался моим состоянием, то к концу месяца интерес пропал полностью. По выходе на работу была очень холодная встреча, затем Рахимов подчеркнуто старался не общаться со мной. В это же время во главе с У.Н. Бакировым была организована работа журналистской группы, которая готовила целый разворот в газете «Вечерняя Уфа» о том, какой я плохой руководитель и человек. Вся статья была надуманной, тут приплели и моих детей-студентов, и какие-то несуществующие у меня в собственности магазины, и многие другие небылицы. Статью опубликовали в день открытия сессии Верховного Совета, газеты раздали каждому депутату, причем до опубликования статью прочитал М.Г. Рахимов и одобрил. Представьте, каково было мне в то утро, тем более что я был абсолютно не в курсе этого заговора. Если бы знал, конечно бы, принял меры, чтобы не допустить. Просто было обидно и стыдно, каждому же не объяснить, что все это вранье. Вдобавок статью подписал мой сосед по дому, собкор ИТАР-ТАСС Рауль Тухватуллин. После такого у меня не оставалось выбора относительно дальнейшего пребывания на работе рядом с президентом. Мы обсудили накоротке создающуюся ситуацию, я подписал заявление и в тот же день ушел из здания Администрации. Зная мстительный характер Рахимова, я понимал, что оставаться в поле зрения президента, а тем более в подчинении ему, нельзя. Поэтому я попросил помочь мне трудоустроиться в создающуюся налоговую службу, тем более что она была в федеральной юрисдикции.

Подводя итог той поры моей жизни, выскажу такое мнение. Несомненно, это был значимый для меня период. Одно то, что я вернулся в то же здание, в котором работал в качестве инструктора обкома КПСС, и занял здесь кабинет № 2, вызывало сильные эмоции. Проблемы, которыми пришлось заниматься здесь, были для нас абсолютно новыми, по сути шло создание башкирской государственности. Как бы к этому ни относиться – имею в виду приведенную выше пессимистическую оценку – но по сути в 1993 году в Башкирии строилось суверенное государство, со всеми его атрибутами, как мы то понимали сами и как объясняли всему народу республики. Именно тогда появились, независимо от решений цен-

тральных властных структур России, различные государственные органы Башкирии, не подчиненные вертикали российской власти (собственно, ее еще и не было толком). Модное в то время слово «демократия» требовало новых подходов в руководстве местными органами власти, все это требовало с привлечением науки и людей практичных, проработавших в различных властных структурах, создавать новые организационные формы руководства государственными и общественными организациями. Конечно, с годами вернулось, а порой и усугубилось руководство центральных органов власти, но тогда самостоятельность, самоуправление были актуальной и новой парадигмой. Через все это пришлось пройти, и надо сказать, что большая часть нашего труда удалась.

Что же касается Рахимова, то для него должность и положение тоже были новыми и неизвестными, поэтому судить его за те или иные ошибки с сегодняшней точки зрения, пожалуй, не стоит. Очевидно, только история должна рассудить, насколько в своих деяниях Муртаза Губайдуллович был прав и значителен, а насколько проявил себя мелким и недалеким человеком. Но об одной проблеме нельзя не сказать — о попытке приватизировать топливно-энергетический комплекс Башкирии. Это было, безусловно, преступлением — не одного М.Г. Рахимова, а также его сына и еще многих приближенных к их семье людей. Затея хоть и не удалась полностью, но миллиарды у семьи в виде разнообразных «фондов» все-таки остались. Думаю, когда-нибудь оценка этим событиям будет дана — полная и объективная. Я же за год работы в Администрации президента многому научился и понял, что жизнь многогранна и порой непредсказуема — важно пройти с честью предлагаемые ей испытания.

У истоков налоговой службы

*Әз генә буйынса уңыш, ә һалым башактан
(Урожай по зернышку, а налог с колоска)*

Налоговая служба на десятилетие стала моим поприщем и даже, не побоюсь выпренного тона, моей судьбой. Поясню, почему, уйдя из Администрации президента Башкирии, я выбрал новым местом работы налоговую службу. По окончании Высшей комсомольской школы я получил диплом преподавателя истории и обществоведения, но профессия учителя как базовая меня не прельщала. Требовала экономических знаний и моя тогдашняя работа в комсомольских органах. Поэтому после года работы в обкоме комсомола я поступил в Уфимский филиал Всесоюзного заочного финансово-экономического института. ВЗФЭИ, созданный в 1930-х годах, был (и остается по сей день) мощным и солидным учебным заведением, дававшим знания по широчайшему спектру финансовых дисциплин и экономической науки студентам со всех областей, краев и республик СССР, а также из-за рубежа. За время существования вуза было подготовлено почти полмиллиона специалистов! Уфимский филиал ВЗФЭИ был создан в 1958 году и отличался строжайшей дисциплиной и высоким уровнем специалистов-преподавателей. В 1980 году в ВЗФЭИ работало свыше 660 преподавателей, из которых 38 были докторами наук и профессорами, а еще 359 являлись кандидатами наук и доцентами. Институт имел право принимать к защите докторские и кандидатские диссертации. Я этот институт успешно закончил, а в последующем в этом же вузе защитил кандидатскую диссертацию, получив квалификацию кандидата экономических наук.

Так что желание идти работать в налоговую службу было не случайным. А вот процесс утверждения меня заместителем начальника Управления по налогам и сборам по Республике Башкортостан было небыстрым и неоднозначным. В то время налоговую службу в республике возглавлял Г.И. Букаев. Сразу хочу сказать о нем, что Геннадий Иванович стал одним

Министр Российской Федерации по налогам и сборам Г.И. Букаев

из тех, кто в значительной мере определил мою судьбу.

Когда М.Г. Рахимов предложил Г.И. Букаеву взять меня на работу, то это у него не вызвало радости, а скорее, наоборот. Причин тому было несколько. Мы с Г.М. Букаевым были знакомы с 1980-х годов, мы вместе работали в орготделе обкома партии. И куда бы мы в дальнейшем ни перемещались по работе, знали друг о друге, кто, где и как работает. Во время моей работы в Администрации приходилось пересекаться неоднократно, поскольку он занимал весьма важную позицию в республике.

Человек чрезвычайно осторожный, аппаратчик с солидным стажем, он опасался принимать на работу опального руководителя президентской Администрации. Республиканская налоговая служба под его началом только начала формироваться, и принимать участие в политических «разборках», которые стали подлинным бичом республики, ему не хотелось. В личном разговоре я его заверил, что никаких претензий к своему бывшему начальству я не имею и ни в каких интригах участвовать не намерен. Настаивал на моем уходе именно в налоговую службу и М.Г. Рахимов. Все решила процедура представления в Москве. Мы с Г.И. Букаевым поехали в Москву в Министерство по налогам и сборам на согласование, оно прошло, как говорится, на высоком уровне, и меня утвердили в качестве зама. Моей зоной ответственности были определены налогообложение физических лиц, имущественные налоги и внебюджетные фонды (пенсионный, социального страхования и медстрах). Последние в Башкирии входили в сферу налоговых органов, хотя в остальной России были самостоятельными организациями.

Вопросы налогообложения и в целом работа налогового работника для меня были делом абсолютно новым. Если азы экономической науки я познал в институте, то практические вопросы работы, расчеты, налоговая активность, ставки и т.д. для меня были «темным лесом». Я благодарен моим коллегам в налоговой сфере за их бескорыстную помощь и поддержку.

Особенно хочу отметить Фанзиму Минивалеевну Асанову. Она всю жизнь проработала в финансовых органах (в основном занималась подоходным налогом) и самым квалифицированным образом помогла мне войти в систему налоговых органов.

Вообще, обстановка в Управлении была очень доброжелательная. Я с глубоким уважением вспоминаю коллег: Л.В. Петрову, Г.М. Лукманову, Т.Л. Лубышеву, Г.М. Зиганшину и многих, многих других, работавших на разных участках башкирской налоговой службы. В то время Управление постоянно проводило комплексные проверки низовых налоговых органов. Это был серьезный экзамен для городских и районных налоговых звеньев. Мне приходилось выезжать на завершение этих проверок, когда руководителями таких бригад были курируемые мной начальники отделов Управления. Это я вспоминаю потому, что за прошедшие годы работы на предыдущих местах я уже хорошо знал руководство на местах и было очень интересно встречаться с давними знакомыми в новом качестве. С одной стороны, по иерархической лестнице в республике вроде как должность моя был уже значительно ниже прежних, но по силе влияния и по мере усиления значения налоговых органов мы становились все более уважаемыми людьми. Но главное было все же в другом, в собственном погружении в проблемы нового участка работы и новый круг общения и взаимодействия.

Самое время остановиться на наших взаимоотношениях с моим тогдашним непосредственным начальником Г.И. Букаевым. Как я уже говорил, мы с Геннадием Ивановичем были знакомы давно, в том числе по совместной работе. Как только он понял, что я не стану источником «разборок» во вверенной ему службе, наши давние доверительные отношения стали еще крепче. В дальнейшем он сыграл в моей судьбе очень большую роль – это и освоение новой для меня работы, и, в последующем, переезд из Уфы в Москву. Я думаю, из всех людей, в то время окружавших меня, Геннадий Иванович сыграл самую значительную роль в моей жизни.

В 1998 году на базе нашего Управления Министерство по налогам и сборам Российской Федерации проводило совещание с участием всех начальников территориальных управлений страны. Темой совещания было внедрение системы ИНН для физических лиц и сбор платежей в социальные фонды, что уже было введено в Башкирии впервые в стране. Совещание шло в течение трех дней, и проводил его министр по налогам

и сборам РФ Георгий Валентинович Боос. Совещание прошло на очень высоком уровне, и результатом, кроме всех положительных оценок, стало то, что Г.И. Букаева забрали работать в Управление по налогам и сборам по городу Москве.

Проработав на этой должности некоторое время, Геннадий Иванович был назначен министром по налогам и сборам Российской Федерации. Здесь, безусловно, сыграли роль те новшества, которые были введены Г.И. Букаевым в Башкирии, а в последующем и в Москве, ну и, конечно, его характер как эффективного и ищущего руководителя. Всем нам в башкирском Управлении было очень приятно, что наш руководитель стал министром. Конечно, я не исключаю участие в судьбе Геннадия Ивановича конкретных руководителей того времени, но его личные заслуги при этом все же были главными.

В 2000 году в семье Геннадия Ивановича произошло несчастье — ушел из жизни единственный сын. Похороны были в Уфе, и эти печальные дни я, конечно, общался с министром. После похорон Геннадий Иванович неожиданно предложил мне переехать в Москву и возглавить Управление по внебюджетным фондам министерства. В то время как раз начиналась работа по передаче в налоговые органы функций сбора средств с плательщиков внебюджетных фондов. Надо сразу сказать, что процесс этот был очень болезненный как для внебюджетных фондов, так и для налоговых органов. Первые не хотели отдавать эту функцию, поскольку это влекло за собой сокращение штатов, бюджета и т.д., а вторые опасались нового для себя дела с точки зрения и методологии, и, главное, кадров.

На предложение Букаева я ответил согласием, хотя и не без некоторого раздумья. Министр улетел, и на некоторое время все затихло. Мне неудобно было спрашивать, но в течение нескольких месяцев никакого движения по моему вопросу не было. Наконец меня вызвали в Москву и 16 октября 2000-го назначили начальником Управления государственных целевых бюджетных и внебюджетных фондов Министерства по налогам и сборам Российской Федерации. Так началась моя московская жизнь.

Адаптироваться в Москве мне было легко, так как учился я здесь 5 лет. Но по работе, конечно, был совсем другой уровень. Требования ко мне как работнику МНС было совсем иным, чем на периферии. Уровень ответственности за принятие любого решения, подготовки решений руководства были другими — федеральными! Но я быстро вписался в рабочий ритм

Генерал налоговой службы, 2004 год

министерства, и постепенно некоторая скованность прошла. Она была еще и от того, что я уже 5 лет был работником системы и многих руководителей знал, так сказать, понаслышке, но не видел воочию, а здесь они оказались рядом — кто коллега по непосредственной работе, а кто руководи-

тель. В общем, процесс привыкания к столице начался.

Самое время вновь вернуться к жизни семьи, члены которой тоже поменяли свою локацию. К 2000 году мои сын и дочь уже жили в Москве. Первой уехала в Москву Альбина, а через пару лет и Ринат. Причины переехать из Уфы были продиктованы в большей степени их желанием жить и работать в столице. Альбина работала в стоматологической клинике, а Ринат — в банке «Центрокредит», в отделе информатизации. Клара, оставив работу в Уфе, переехала в декабре в Москву. Жили мы первое время на квартире, которую нам любезно предоставил наш зять Дима Донцов. Таким образом, наша семья в 2000 году обосновалась в Москве в полном составе. Мы очень рады, что по сей день все вместе живем в российской столице, а двое внуков и трое внучек с рождения — москвичи.

В марте 2001 года меня назначили заместителем министра по налогам и сборам. Должность зам. министра утверждается премьер-министром России, мне пришлось пройти согласование в Правительстве РФ, познакомиться с руководителями страны. В министерстве мне поручили вести вопросы налогообложения физических лиц и внебюджетные фонды. Если налогообложение физлиц было сферой уже состоявшегося и авторитетного управления, то вопросы внебюджетных фондов были новыми и требовали большой организационной работы.

В отличие от вхождения в коллектив налогового Управления, где я отмечал особую теплоту и внимание коллег, здесь ситуация была несколько иной. Во-первых, у некоторых моих коллег проявилось желание

подчеркнуть собственную столичность и мою провинциальность. Был, скажем, такой случай. Первые сотрудники, пришедшие познакомиться, никак не могли выговорить мое имя и отчество. Тогда я предупредил своих подчиненных, что все, кто не в состоянии выговорить мое имя, отчество и фамилию, могут заходить с заявлением об увольнении. И вот ведь чудо — в дальнейшем все стали правильно обращаться ко мне!

Но не только эти мелкие недоразумения были в начале работы в Министерстве, были и серьезные экзамены компетентности со стороны работников правительства и других органов власти — а ведь особого времени на изучение тех или иных вопросов, порученных мне, практически не было. Как раз начало моей работы совпало с двумя очень серьезными вопросами. Во-первых, в те годы принимался закон о плоской шкале налогообложения физических лиц, в 13%, во-вторых, шла бурная дискуссия по сбору социального налога. Я тогда впервые столкнулся с депутатами Госдумы, с думской комиссией по финансам и налогам. Должен сказать, что многие решения, которые тогда принимались правительством и Госдумой, меня очень удивили. Казалось иногда, что очевидные вещи интерпретируются в интересах узкого круга людей, а интересы большинства не берутся в расчет. Например, существующая плоская шкала налогообложения хороша для людей богатых, поскольку альтернативный подход с прогрессивной шкалой, зависящей от величины доходов, бьет непосредственно по состоятельным гражданам. Мои коллеги до моего прихода в министерство полемизировали с Минфином и правительством по вопросам установления налоговой ставки, и мне пришлось только констатировать факт в виде принятого Госдумой закона со ставками, существующими и сегодня. Оппоненты объективного рассмотрения этого вопроса объяснили свою позицию тем, что это выведет из тени заработную плату большей части граждан. Частично это так и есть, работодатели того времени, только начавшие богатеть, искали любые пути минимизации расходов, в том числе уход от налогов. Но выход из этого есть — ужесточение наказания за сокрытие налогооблагаемой базы, как это делается, скажем, в странах Европы. Есть и другие меры принуждения к выводу зарплаты из «тени». Но у нас такие методы не нашли понимания ни в Минфине, ни в правительстве. Мы приводили расчеты преодоления бюджетного дефицита через прогрессивную шкалу для территорий страны, ведь подходящий налог полностью поступает в бюджет республик, краев и областей. Меня

удивило тогда еще одно принятое при мне решение – по отмене закона о контроле за крупными покупками граждан. Я в рамках выполнения этого закона успел поработать на территории. В чем была суть закона: если гражданин РФ покупал что-то значимое по стоимости (границы были определены в законе) – квартиры, дома, машины, дорогие украшения – он должен был налоговым органам объяснить происхождение денег. Мы уже год работали по этому закону, несколько оптимизировали формы и методы контроля, в какой-то степени приучили граждан. Вдруг правительством принимается решение об отмене этого закона, с объяснением, что для него требуется очень дорогое администрирование, а дает он незначительный эффект. Идеологом отмены закона был Алексей Леонидович Кудрин, в то время министр финансов и одновременно вице-премьер Правительства РФ. Тогда я начал понимать, что не все так гладко в нашем королевстве в плане налогов. Думаю, всем понятно: остался бы закон о госконтроле за крупными покупками, и количество легальных миллионеров и миллиардеров было несколько меньше, а доходы бюджета для решения социальных проблем были бы неизмеримо больше. И сегодня много призывов со стороны видных ученых-экономистов по введению прогрессивной шкалы налогообложения, которая уже назрела, но противодействие властных структур не дает хода принятию справедливого решения.

Особое место в начальный период моей деятельности занимал ЕСН (Единый социальный налог). Суть его в том, что отчисления работодателей, исходя из фонда оплаты труда и конкретного заработка работника, свели в один налог и отказались от перечислений в Пенсионный фонд и фонды социального и медицинского страхования. Процесс передачи этих налогов из фондов в налоговые органы проходил очень болезненно. Причина во многом была в том, что от фондов, их руководства уходил очень серьезный рычаг влияния на плательщиков. Взаимоотношения между фондами, с одной стороны, и предприятиями и организациями, с другой, уже устоялись, а мы их своим вторжением ломали. У фондов был такой рычаг, как прощение части долга или его отсрочка. В налоговых органах таких возможностей у плательщиков не стало. ЕСН стал таким же налогом, как все остальные – как НДС, налог прибыль и т.д., и взыскивался ЕСН также без каких-либо условий, как все остальные.

Чтобы организовать цивилизованную передачу дел из фондов в налоговые органы, мне приходилось каждый день начинать

с бесед с руководством фондов и как минимум раз в неделю участвовать в совещаниях, которые проводила Валентина Ивановна Матвиенко, тогда вице-премьер Правительства РФ. Руководители фондов: Пенсионного – М.Ю. Зурабов, социального страхования – Ю.А. Косарев, медицинского страхования – А.М. Таранов, как могли, сопротивлялись грядущим изменениям в работе, но процесс шел нормально, и мы в конце концов обо всем договорились. Хочу сразу сказать, что эти баталии, которые проходили еженедельно у В.И. Матвиенко или у А.Л. Кудрина, в какой-то мере нас сдружили. У меня сохранились хорошие отношения с Михаилом Юрьевичем Зурабовым и Юрием Алексеевичем Косаревым (более детально я этой теме коснусь ниже). Еще одним положительным обстоятельством для меня лично было приобщение силовых структур к общему налогообложению физических лиц. Мне пришлось лично разъяснять суть изменений начальству Генерального штаба Министерства обороны РФ, директору ФСБ и СВР, министру внутренних дел Российской Федерации. Кроме обычного, человеческого интереса к этим людям, занимавшим высокие места на российском Олимпе, был второй результат – мои знания о структуре и особенностях этих ведомств и знакомства с людьми, там работающими. Было еще одно условие этой работы – доклады о ходе выполнения у руководства Администрации Президента с участием Министерства финансов и экономического развития. Мне тогда пришлось общаться и с Д.А. Медведевым, и с С.Б. Ивановым, и с Г.О. Грефом, и многими другими руководителями высокого ранга. И это общение меня еще раз убедило, что все «небожители» – обычные люди со всеми человеческими качествами, как хорошими, так и не очень.

Безусловно, в решении поставленных задач сыграли огромную роль работавшие со мной руководители департаментов, их заместители и все работники соответствующих департаментов. Мы достигли в те годы полного взаимопонимания, «приработались» друг к другу.

Хотел бы остановиться еще на одной обязанности, которую возложили на меня, как на заместителя министра: курирование деятельности налоговых управлений Дальневосточного федерального округа. Это поручение показало мне, насколько тесно все взаимосвязано в нашей стране, такой, казалось бы, огромной. Ранее, в юности, я по стопам отца поработал и в Мурманской области, и в Карелии, где воевал отец в Великую Отечественную. В зрелом возрасте прошел я по тропам, проложенным моими

родителями: Приморский край – вторая родина моей мамы, на Дальнем Востоке отец завершил свой фронтовой путь.

Для меня эта обязанность имела и познавательное значение. За 4 года я побывал во всех республиках, краях и областях Дальнего Востока по нескольку раз. Было принято в министерстве, чтобы кураторы, как правило, раз в месяц, посещали в курируемые федеральные округа. Если у большинства коллег это были краткосрочные поездки, то у меня так не получалось. Лететь на Чукотку, Камчатку, Сахалин, Магадан нужно 8–9 часов, и, естественно, проделав такой путь, хотелось пообщаться с коллегами побольше, вникнуть в проблемы дальних территорий, тем более что и проблемы у них были специфические. Я, как правило, старался встречаться с большим числом наших работников, общаться с руководством регионов, отладить взаимоотношения руководства и нашего управления, ведь вопросов всегда было немало.

С особой теплотой вспоминаю я посещение Приморского края. Во-первых, это край, где выросла моя мама, я повстречался с родственниками, посмотрел их быт и условия жизни. Во-вторых, вместе с начальником Управления по налогам и сборам Приморского края Тамарой Бутовой мы побывали в таких замечательных местах края, как Бухта Провидения и других, без преувеличения легендарных местах.

На всю жизнь осталось в памяти посещение Камчатского края, как его называют жители, «молодой земли» нашей страны. Вулканы, Долина гейзеров, заполненные рыбой реки, медведи, бродящие по огромным лагунам, окруженным зарослями диких ягод, – такое действительно мало где в нашей стране встретишь. В.Н. Фарион, киевлянин, после окончания института был по собственному желанию распределен на Камчатку в финансовые органы и вырос там до начальника Управления по налогам и сборам. Василий Николаевич, влюбленный в Камчатский край, всегда в таких живописных красках описывал достопримечательности, что не поехать их посмотреть было просто нельзя. И действительно, как можно забыть идущую на нерест горбушу, в серебряный поток превращающую малые реки, или эдакий мост из чавычи в устье реки, впадающей в Охотское море? Да, название «молодая земля» не случайно – поистине нетронутая, первозданная природа! Такого огромного количества рыбы в реках, диких зверей в тайге я более нигде не видел! И сами звери, и рыба размером поболее обычного. Я, как охотник, заявляю: на Камчатке медведи, лоси

где-то в полтора раза больше, чем на Южном Урале.

Много примечательного и порой неожиданного довелось увидеть на Чукотке и в Магаданской области. Я благодарен судьбе за знакомство с начальником управления по Чукотке Петром Борисовичем Митропольским, человеком необычной судьбы. Закончив геологоразведочный институт, он пешком, ночуя в палатках, прошел всю Чукотку. После 25 лет работы геологом был приглашен на работу в созданную на Чукотке налоговую службу, где и проработал до пенсии. Мы с П.Б. Митропольским однажды поехали на охоту во время прилета на полуостров гусей и уток. До места добирались через покрытый льдом лиман на танкетке, транспорте геологов. Был май, и местами на льду были большие проталины. Все чукотские привычны к таким дорогам, но для меня это было весьма неожиданно. Представьте море до горизонта — лиман, по льду которого мы мчимся, и танкетка ныряет в воду по самую крышу... Или когда стаи перелетных гусей закрывают поднимающееся над горизонтом солнце — это забываемо.

На каждой дальневосточной территории во время моих визитов были свои необычные истории и удивительные открытия природы этих краев, знакомых далеко не каждому россиянину. Не оставляют равнодушными берега Амура, широта самой реки в Амурской и Еврейской автономной областях. А берега и скалы на необычайно огромной и мощной реке Лене в Якутской республике! Очень красиво на Сахалине, на побережье Охотского моря. Все эти места достойны восхищения, и они описаны прекрасными писателями и поэтами, соревноваться с ними у меня не получится. Могу сказать одно: я благодарен судьбе, что мне посчастливилось увидеть все своими глазами, пообщаться с местными жителями, приобщиться к величию нашей Родины.

...Начало 2000-х годов было временем серьезного становления налоговых органов, и нерешенных проблем было очень много. Из главного в ту пору: шел процесс всеобщей компьютеризации нашей службы, и вопрос был не только, как говорят айтишники, в «железе», а в обеспечении огромной службы единым программным продуктом. К началу 2000 года во всех областях, республиках и краях в налоговых было свое программное обеспечение, а это усложняло процесс администрирования налогов, т.к. не все программы обеспечивали работу надлежащим образом. А главное, это очень усложняло контроль со стороны министерства и отчетность

территориальных органов. Были большие сложности взаимодействия со смежными государственными органами, прежде всего с существовавшей тогда налоговой полицией, органами министерства финансов и т.д. Вот решение этих задач и было главным в курировании федеральных округов со стороны заместителей министра по налогам и сборам.

Все наши контакты и отчеты по результатам поездок очень тщательно обсуждались и прорабатывались в центральном аппарате министерства, и они ложились в основу принимаемых решений руководства по совершенствованию налогового администрирования в России.

Здесь уместно будет упомянуть и об изучении иностранного опыта работы. Я лично бывал в Швеции, Дании, Германии по изучению проблем имущественного и транспортного налогообложения физических лиц. Многое мы почерпнули у них и потом применили у себя в работе, тем более что у них в этой части был большой опыт.

Со своей стороны, мы также делились с коллегами из бывших союзных республик. У нас в те годы работал консультационный совет, и мы периодически собирались на обмен опытом в какой-нибудь из стран, но чаще всего на нашей базе в Подмосковье.

Министерство по налогам и сборам укреплялось, становилось влиятельным государственным органом, обеспечивающим наполнение бюджета государства. На деятельности министерства, кроме сбора налогов, была большая ответственность за разъяснение налогового законодательства и подзаконных актов, выпущенных самим министерством. Это обстоятельство повышало роль министерства и требовало соответствующей квалификации работников. В этом направлении тоже было немало сделано: были открыты ежегодные постоянно действующие курсы с привлечением работников в пансионате «Подмосковье», проводились расширенные коллегии министерства с участием руководителей управлений, внедрялись разнообразные формы обучения. К 2004 году в Российской Федерации сформировалась, без преувеличения, квалифицированная, профессиональная, хорошо организационно оформленная налоговая служба.

Наряду с положительными факторами были и другие. Укрепление авторитета налогового министерства нравилось далеко не всем гражданам и руководящим органам государства. Самостоятельность и собственная трактовка налоговых отношений государства и налогоплательщиков, появление все новых инициатив в налоговом администрировании не нра-

вились Министерству финансов. У него всегда были большие амбиции, а тут что-то из рук утекало. Не оставили свои амбиции в вопросах сбора средств государственные внебюджетные фонды, часто проявлялось недовольство со стороны силовых структур. Градус поднимали дискуссии в прессе, в том числе относительно упомянутого выше закона о контроле за приобретением дорогих вещей, темы введения прогрессивного налога для богатых. Так как вопросы касались состоятельных, с точки зрения финансов и собственности людей, то долго такое положение продолжаться не могло.

И наше верховное руководство, особо не объясняя причин, приняло решение о ликвидации налогового министерства. Был освобожден Г.И. Букаев, а руководителем вновь созданной Федеральной налоговой службы был назначен Анатолий Эдуардович Сердюков, бывший руководитель Управления по налогам и сборам по Санкт-Петербургу. Это, естественно, повлекло за собой и большие изменения среди руководства министерства. Большая часть замов министра были освобождены со своих должностей и направлены кто куда. На их место уже в ФНС пришли работники из Санкт-Петербурга.

Освободили и меня от обязанностей замминистра. Правда, Анатолий Эдуардович обошелся со мной, прямо скажем, по-божески. Все события начали разворачиваться летом 2004 года, а в сентябре мне исполнилось 58 лет – это позволяло мне выйти на пенсию со всеми льготами, которые полагались замминистру. Их не так много: поликлиника Управления делами Президента для меня и супруги и надбавка к пенсии в 5000 рублей. Конечно, остаться в элитной поликлинике в немолодом возрасте имело существенное значение. В общем, я в сентябре оформил пенсию, но вскоре, по предложению А.Э. Сердюкова, вышел на работу заместителем руководителя Управления по налогам и сборам по городу Москве. Руководителем Управления к этому времени была назначена Надежда Валентиновна Синникова, тоже, как многие в ФНС и в Управлении по Москве, из Санкт-Петербурга. Если кратко охарактеризовать мою новую начальницу, я бы сказал так: женщина «бальзаковского возраста» с неумеренными амбициями. С самого начала нашей совместной работы у нас не получилось взаимопонимания, и работали мы вместе до моих 60 лет, то есть два года. Надо сказать, что Надежда Валентиновна не мешала мне особенно в работе. Эти два года работы в Московском управлении

дали мне возможность познакомиться с интересными людьми и с совершенно несравненными возможностями столичного управления. Взять хотя бы уровень поступлений налогов – некоторые районные инспекции г. Москвы по объемам поступлений налогов были выше ряда республик, краев и областей России. С точки зрения методологии организации работы, особого отличия от других областей не было, а вот по исполнительскому уровню, по кадровому составу Москва, конечно же, отличалась в лучшую сторону. Это, в свою очередь, требовало и от меня повышения собственной квалификации. Думаю, мне все же удалось вписаться в работу Московского управления. Прошло уже более 15 лет, как я оставил налоговую службу, но у меня и сейчас добрые, хорошие отношения со многими коллегами тех лет.

Хотелось бы вспомнить некоторых коллег. Одним из первых начальников Управления по городу Москве, которых я знал, был В.И. Мишин. Он был назначен на должность почти в одно время со мной. Виктор Иванович приехал в Москву из Пермского края, где был начальником управления по налогам и сборам. Должность начальника Управления по городу Москве, как и должность начальника Управления по Санкт-Петербургу, автоматически означает ранг заместителя министра. Это обстоятельство предполагало, что я имел возможность часто встречаться с этими начальниками на различных совещаниях, которых в то время было довольно много, практически ежедневно. Так как В.И. Мишин и я были выходцами с Урала и были мы знакомы еще до переезда в Москву, у нас завязались хорошие дружеские отношения. К тому же Виктор Иванович отлично играл в бильярд, мне эта игра тоже нравилась, и мы часто вместе тренировались. И второе: в те годы заместителям министра Российской Федерации предоставлялись дачные домики в поселке Снегири Истринского района Московской области. Мы старались, по возможности, больше бывать на этой даче в выходные дни, что тоже давало возможность для общения. Там прекрасная природа, хорошие условия для спорта и отдыха. Да и по работе наши дела часто пересекались. Для меня был большим и неожиданным ударом уход из жизни не достигшего 50 лет Виктора Ивановича Мишина. Причиной смерти стал оторвавшийся тромб.

Добрые отношения у меня сложились и с одним из основателей налоговой службы города Москвы – Анастасией Гавриловной Луканиной. Очень грамотный человек, проработавший всю свою жизнь в финансовых

*Управление ФНС по городу Москве
в 2000-х годах*

органах г. Москвы. Она и сегодня в Управлении возглавляет профсоюзную организацию и активно участвует во всех начинаниях налоговиков города.

В те же годы я познакомился с Мариной Викторовной Третьяковой, которая также была заместителем начальника управления. У нее не очень хорошо складывались отношения с руководителем, что повлекло за собой ее уход из управления. Но когда к руководству Федеральной налоговой службы вернулся Михаил Владимирович Мишустин, многие «питерские» покинули налоговые органы. Вернули на работу в налоговые органы и М.В. Третьякову, она успешно сегодня возглавляет Управление по городу Москве.

С особой теплотой вспоминаю всех работников и начальников отделов, непосредственно работавших со мной в те годы: Татьяну Тузову, начальника отдела налогообложения физических лиц, Александра Менькова, начальника отдела налогообложения имущества и транспорта, Любовь Константинову, начальника отдела единого социального налога, и многих рядовых работников, начальников инспекций — всех не перечислишь. С некоторыми из них у меня по сей день хорошие добрые отношения.

Итак, в 58 лет, уходя из Министерства по налогам и сборам, я оформил пенсию. В 60 лет мне от руководителя Управления по г. Москве Н.В. Синниковой пришло уведомление, что контракт со мной продлен не будет. Поэтому я, как говорится, собрал манатки — и на выход из управления на Большой Тульской. Надо заметить, что со мной тепло попрощалось большинство работавших тогда в Управлении — кроме Н.В. Синниковой, видно, сильно я ей надоел.

Институт стратегических исследований

*Белмәү ғәйеп түгел, белергә теләмәү ғәйеп
(Незнание — не вина, нежелание знать — вина)*

Итак, в 2006 году я стал полноправным пенсионером со стажем государственной службы. Однако уходить на покой еще не был готов и сразу стал изучать различные возможности приложения сил. И они не замедлили появиться.

М.Ю. Зурабов, в то время министр здравоохранения Российской Федерации, мне предложил работу в страховой компании «МАКС» («Московская акционерная страховая компания»), советником генерального директора. Михаил Юрьевич был одним из главных учредителей этой компании, относящейся к числу системообразующих российских страховых компаний.

Компания «МАКС» работает в том числе с Госкорпорацией «Росатом» и ее подразделениями. В атомной промышленности все проекты, контракты, договоры и т.д. осуществляются со страхованием рисков, поэтому атомщикам не подобает «бегать по улице» в поисках страховщиков, а следует использовать возможности солидной и основательной компании. Мне было интересно после налоговой службы понять, как же устроен мир страховщиков, с которым нередко приходилось взаимодействовать. Если мое прежнее место работы в основном изымало положенную долю доходов от любой деятельности, то здесь все вроде сделано ради того, чтобы вернуть часть доходов, которые так или иначе попадали в зону риска. Скажу сразу: при ближайшем рассмотрении оказалось не все так здорово, как казалось со стороны. Здесь я увидел, что наряду со службами внутри компании, которые заточены на добрые дела, существуют подразделения, занимающиеся ровно противоположными делами, а именно: «заточенными» на то, чтобы не выплачивать денег при возникновении страховых случаев.

Мне не понравилась моя роль в компании, которая заключалась в том, чтобы, используя мои знакомства с высшими руководителями финансовых органов, лоббировать интересы страховой компании. У меня не было таких навыков, более того, я привык своим трудом, умом, способностями, добиваться своей цели. А тут шла речь не так чтобы о незаконной, но явно нечестной работе: мол, подсобите по старой дружбе избавиться от настойчивого клиента или закройте «государевы очи» на не очень законный договор и т.д.

Впрочем, время работы в «МАКС» позволило познакомиться с еще одной категорией «небожителей», у которых были невероятно большие доходы в виде зарплат, премий, бонусов и дивидендов и, исходя из этого, большие возможности в жизни. Должен сказать, что среди них оказалось немало достойных людей, трудяг и высоких профессионалов. Но были и другие – из уже сформировавшегося в России класса «рантье», которым огромные деньги достались исключительно по родству с кем-то или по должности, которая, опять же, досталась нередко как чьему-то сыну-брату-племяннику или за иные необременительные «заслуги».

Еще во время работы в страховой компании я думал, куда пойти работать, или же уйти окончательно на пенсию. Были разные предложения: некоторые не устраивали меня, другие требовали времени для принятия окончательного решения. Но появилось одно, которое можно было принять сразу, выйдя на работу день в день. Предыстория предложения была такова: еще во время работы в налоговом Управлении по г. Москве я был членом ряда комиссий, которыми руководил столичный мэр Юрий Михайлович Лужков. В этих комиссиях я познакомился со многими городскими чиновниками, и это, в конечном счете, сработало, и меня пригласили в ОАО «Новое кольцо Москвы». То была организация, специально созданная для реализации проекта строительства к 2015 году 60 высотных многофункциональных (жилых, административных, гостиничных и офисных) комплексов, в состав которых, как предполагалось, должно было войти около 200 зданий высотой более 30 этажей – жилых зданий, гостиниц, бизнес-центров и административных объектов. Идея, вроде бы, была неплохой: по замыслу архитекторов и проектировщиков, каждый такой комплекс должен был стать центром своего района, вокруг этого центра были бы сосредоточены объекты социально-бытовой и культурной инфраструктуры.

Я должен был стать консультантом по разрешению различных налоговых споров, которые возникали при определении участков для строительства, сноса или реконструкции различных строений на этих участках. Дело было не очень сложное и вполне по силам. Мне разрешили создать отдел, подобрать людей, контора находилась в высотке на Новом Арбате, дали там пару комнат, установили неплохую заработную плату, обеспечили персональным автомобилем с водителем. Одним словом, мечта для чиновника, перешедшего в систему мэрии г. Москвы.

Правда, была у этой конторы одна интересная особенность. Когда подбиралась площадка под строительство и все противоречия были уже «расчищены», нужно было обязательно согласовывать судьбу участка с Еленой Батуриной, супругой Ю.М. Лужкова: а вдруг участок под строительство понравится ей?! Как известно, самые дорогие, самые лакомые места в столице передавались под застройку ее Группе компаний «ИНТЕКО». В общем, работа была непыльная, но этот уж очень своеобразный «способ согласования» как-то мне не понравился.

Был еще один вариант приложения сил: от руководства Минпромторга поступило предложение поучаствовать в отчетно-выборном собрании Научно-исследовательского института технико-экономических исследований в химической промышленности, предложив свою кандидатуру на пост генерального директора. Как кандидат экономических наук, дипломированный специалист в области экономических исследований, я имел все основания предложить свою кандидатуру на руководство научным институтом. И еще: НИИТЭХИМ в ту пору был открытым акционерным обществом с контрольным пакетом голосующих акций, принадлежащим государству. Им через Росимущество распоряжался Минпромторг, и его предложение об избрании генерального директора было решающим. В общем, я принял предложение побороться за должность генерального директора и, не без чудес, о которых расскажу ниже, был избран генеральным директором ОАО «НИИТЭХИМ».

Прежде чем перейти к этой части моей жизни и работы, хочу сказать несколько слов об очередном этапе «хождения в небожители». Элита чиновников города Москвы — весьма особенная, специфическая часть общества. Если со стороны не очень заметно ее отличие от других элит, проживающих в Москве, то, оказавшись внутри нее, понимаешь, насколько это своеобразная публика. Такое положение дел, очевидно, сложилось

в силу того, что чиновники Москвы во все времена ставили себя выше других территориальных элит, а некоторая часть и выше государственных служащих, пришедших на высокие посты из других территорий. Мое утверждение может быть спорным, я описываю свои ощущения.

Ю.М. Лужков и вице-президент Союза химиков России С.В. Голубков в НЦ «Малотоннажная химия»

С некоторой частью работников мэрии я был знаком лично, и у нас сложились весьма хорошие деловые отношения. Особое место в этом ряду занимает Юрий Михайлович Лужков.

В какой-то мере мы с ним земляки. Его мать, Анна Петровна (в девичестве — Сыропятова), — уроженка села Калегино Уфимской губернии (ныне деревня в Калтасинском районе Башкортостана). Он публично об этом редко упоминал, а вот при встречах на уровне руководства Башкирской республики всегда подчеркивал. Первое время моего знакомства с Ю.М. Лужковым, еще когда я был членом возглавляемой им комиссии, он производил на меня впечатление эдакого «дуче», знающего все, безапелляционного в своем мнении, жесткого и резкого руководителя. В последующем, особенно общаясь с Юрием Михайловичем после его ухода из мэрии, я увидел совсем другого человека — добродушного, умеющего и любящего шутить, чрезвычайно приятного в общении.

Будучи химиком по образованию и работе в первоначальный период, Юрий Михайлович уделял внимание химической промышленности и, в частности, судьбе НИИТЭХИМа. Мы часто пересекались на собраниях химической общественности. Я бережно храню книги Лужкова, подаренные мне с его личными пожеланиями. Свою позицию по многим вопросам, свои мнения, рассуждения он изложил до своей кончины в книгах. Думаю, их читатели найдут для себя немало полезного, поучительного и неожиданного в оценках экс-мэра. Здесь я не берусь судить о

Ю.М. Лужкове, о положительных и отрицательных сторонах его многогранной деятельности. Скажу одно: то была неординарная личность со своим мнением, умеющая его отстаивать, человек энергичный, работоспособный и весьма обаятельный.

Итак, в августе 2008 года я приступил к исполнению обязанностей генерального директора ОАО «НИИТЭХИМ». Организационно Научно-исследовательский институт технико-экономических исследований был создан 8 декабря 1958 года в соответствии с приказом № 295 Госкомитета Совета Министров СССР по химии. В приказе определен круг задач института в области экономических исследований, а также в сфере научно-технической информации. Также на институт было возложено методическое руководство экономической и информационной работой всех организаций Государственного комитета Совета Министров СССР по химии.

Перед НИИТЭХИМом сразу же был поставлен широкий круг задач, направленных на развитие химической промышленности на всей территории Союза. Это территориальное размещение химического производства по экономическим районам страны; химизация народного хозяйства, определение основных направлений развития химической промышлен-

На конференциях и круглых столах НИИТЭХИМа в рамках отраслевых выставок поднимаются самые острые вопросы

ности и ее мониторинг; состояние производства и рынка целого ряда химической и нефтехимической продукции; повышение эффективности внешнеэкономической интеграции химической индустрии России и т.д. Задачи перед институтом были поставлены действительно глобальные. Для их решения в составе института были организованы: Минский филиал, Черкасское отделение на Украине, ряд отделов в Закавказье, Поволжье и Сибири. В составе института только в Москве трудилось более 500 научных работников. О том, что было сделано институтом в годы Советского Союза, мы написали в книге «Определяя стратегии химической отрасли», вышедшей к 60-летию института в 2018 году. Поэтому не буду углубляться в эту тему, у кого есть интерес, могут обратиться к этой книге.

Распад СССР и СЭВ, ликвидация отраслевых министерств и ведомств с последовавшим практически полным приостановлением бюджетного финансирования изменили условия и масштабы деятельности НИИТЭХИМа. Многие важные направления работы были прекращены или существенно ограничены. Штат института резко сократился. В 1994 году НИИТЭХИМ был преобразован в открытое акционерное общество и его сотрудники, в том числе ранее работавшие, стали фактическими владельцами института. При этом контроль в виде закрепленных за Российской Федерацией 38% акции (51% голосующих) был оставлен за государством как основным акционером ОАО «НИИТЭХИМ».

Основными направлениями деятельности стали разработка стра-

тегий, программ концепций развития химической и нефтехимической промышленности в целом, по отдельным федеральным округам, субъектам РФ, ведущим предприятиям отрасли и т.д.

Следует особенно отметить тот факт, что в последние годы изменился механизм заключения договоров с госструктурами. Практически все работы и услуги НИИТЭХИМ стал выполнять на конкурсной основе, с блеском одерживая победы в объявлявшихся государством конкурсах. Это, естественно, потребовало перестройки внутри института, в том числе по формированию баз данных, полученных из различных источников. Сотрудники института научились добывать и анализировать данные Росстата, таможенной службы, различных организаций, торгующих информацией, а также иностранные источники. По ходу работы пришлось многое перестраивать и в информационном обеспечении, и в пользовании информацией, так как требования сбора, хранения и анализа информации претерпели в ту пору радикальные изменения. Мне пришлось в начале работы заметно усилить кадровый состав группы IT-обеспечения. Мы приняли в штат большое число молодых работников, выпускников вузов, были большие планы по реорганизации работы в целом. Но... В дальнейшем это оказалось невостребованным со стороны, прежде всего, Минпромторга, да и других потребителей нашей работы, а именно стороны предприятий и объединений химического комплекса.

Сейчас, анализируя прошедшие четырнадцать лет моей работы в институте, могу их назвать вечной борьбой за выживание. Нужно было сразу найти источник хоть какого-то дохода для уплаты заработной платы и всевозможных платежей предприятия. Пришлось учитывать и то, что здание к тому времени требовало хорошего ремонта, замены большей части сантехнического и электрического оборудования. Источником средств стала сдача в аренду помещений, освободившихся после сокращения части работников института.

В какой-то момент в сферу нашей деятельности проникли серьезные конкуренты в лице консалтинговой фирмы McKinsey & Company из США и АО «Стратеджи Партнерс Групп», формально учрежденного Сбербанком, а уж кому они действительно подчинялись, история умалчивает. Эти две компании определяли стратегию развития газонефтехимии Минэнерго и стратегию развития химической промышленности для Минпромторга. С нашими финансовыми возможностями бороться с богатенькими «бур-

жуйскими консультантами» было практически невозможно. В лучшем случае мы могли стать у них «подносчиками снарядов», что мы и делали в первое время. В последующем, из патриотических соображений, мы от второстепенных ролей отказались, а они нашли других «подносчиков снарядов». Искали мы и другие места приложения сил, иногда получалось удачно, иногда нет. Таким образом мы выживали, каждый год теряя численность и объемы выполняемых работ, вызывали недоуменный вопрос на различных химических форумах: «А что, НИИТЭХИМ до сих пор жив?» И этот вопрос был не праздным ввиду прекращения работы десятков научно-исследовательских институтов в Москве и России.

Выше я отмечал, что 38% акций института принадлежали государству, НИИТЭХИМ находился в списке стратегических предприятий и дальнейшая его приватизация не предполагалась. Однако в 2011 году институт, наряду с большим количеством других предприятий, из списка стратегических предприятий был выведен и 35% акций были выставлены на торги. Покупателей интересовало исключительно здание на улице Наметкина, принадлежащее институту. В общем, акции были выкуплены: дополнительно к государственным 38% покупатель скупил также акции, находившиеся на руках у штатных и бывших работников института. Таким образом, контрольный пакет полностью перешел в собственность нескольких физических лиц (92%), которым, к сожалению, химическая отрасль и деятельность института были абсолютно не интересны. В этих условиях выживать институту стало многократно тяжелее. Несмотря на это, мы все же до сих пор живы. Правда, в штате осталось всего семь человек. Также привлекаем на договорных началах еще десяток бывших работников, и таким составом выполняем некоторые заказы старых клиентов, в том числе и государства. В общем, дело идет к закрытию института.

По сути, я объяснил причину медленного угасания деятельности НИИТЭХИМа. Но, по большому счету, причины значительно серьезнее, чем исчезновение заказчиков и давление «забугорных» конкурентов. Начнем с того, что вся химическая промышленность в России приватизирована и контроль государства за ней чисто условный. Собственно, это касается не только химкомплекса — за годы рыночных реформ полностью изменилась система контроля со стороны государства за промышленностью в целом. В лице Министерства промышленности и торговли «государев

пригляд» носит методический характер, нет и подчиненности, управления, планирования, как это было раньше. Если ранее решения Министерства носили директивный характер и требовали обязательного исполнения, то сегодня они являются лишь пожеланиями. Неисполнение со стороны предприятий и организаций даже таких запросов Минпромторга, как информация по объемам производства, не несет никакой ответственности. Если в советское время рекомендации НИИТЭХИМа, утвержденные решением Министерства химической промышленности, становились директивными, обязательными к исполнению, то сейчас институт в основном изучает состояние дел в целом по отрасли и подготавливает информацию Минпромторга для Правительства Российской Федерации.

Правительство также не озабочено детализацией процессов, происходящих в химической промышленности, и ограничивается созданием различных планов и стратегий в отрасли, как, например, импортозамещение или увеличение производства экспортно ориентированной продукции и т.д. Формированием подобных планов и занимался в последние годы наш институт. Но можно написать в высшей степени реальный план, рассчитать до копейки все необходимые для его реализации бюджетные средства, однако если реализация этого плана будет противоречить сиюминутным интересам собственников, бюджетные средства будут «пилиться» на каждом этапе их поступления, а государственный контроль будет выражаться лишь в требовании бесчисленных справок и отчетов (которые никто не изучает), то любой план, любая стратегия окажутся пшиком.

Хотя, конечно, наши маркетинговые исследования и прогнозы развития производств и рынков сбыта химической продукции остаются востребованными со стороны химических заводов и концернов. Аналитические записки о тенденциях развития мировых рынков химической и нефтехимической продукции помогают выстраивать логистические цепочки по продаже определенного вида товарной продукции и закупкам сырья.

В общем, институт живет – на удивление коллегам из рухнувших десятков профильных институтов в различных отраслях промышленности. Но для того, чтобы быть соучастником экономических и бюджетных процессов, нужно, как говорится, пройти муки ада. Чтобы заработать 5–10 млн рублей, которые выделяет бюджет Минпромторга на цели изучения конъюнктуры рынка для реализации химической продукции, необходи-

Замминистра промышленности и торговли Сергей Цыб на стенде НИИТЭХИМа на выставке «Химия-2017»

мые объемы и номенклатуру и сроки ее изготовления, положительные проблемы доставки, мы в течение года практически бесплатно готовим по запросу профильного департамента сотни справок, информации, аналитических отчетов. Порой доходило до абсурда: наши отчеты по той или иной тематике работники департамента не удосуживались даже открыть и посмотреть, а требовали от нас подготовить их научную оценку. И мы были вынуждены выполнять любой каприз, т.к. в противном случае нас просто исключат из тендера, а значит, мы остаемся без заработка.

ОАО «НИИТЭХИМ» владел основным зданием общей площадью 8 тыс. кв. м на улице Наметкина и зданием на улице Ибрагимова площадью около 2 тыс. кв. метров с размещенной там старой типографией. Я принял эту недвижимость в 2008 году как генеральный директор. Кроме того, в институте все были обеспечены компьютерами, офисной мебелью и т.д. Мои предшественники не слишком были озабочены физическим состоянием зданий, и они за годы эксплуатации обветшали, требовали основательного ремонта и замены оборудования. Источниками доходов института в те годы были сдача в аренду части незанятых помещений и то, что заработает институт по своей основной работе. Надо сказать, что у работников института в те годы, а их было около 50 человек, была очень низкая заработная плата, можно сказать, что они получали минимальную оплату труда, установленную в 2008 году по г. Москве – около 8 тысяч рублей. Для тех работников, которые были задействованы в практической реализации оплачиваемых работ, генеральный директор лично к минимальной оплате прибавлял какую-то сумму. Так и жили. Необходимо было также платить налоги, которые росли год от года, услуги ЖКХ, расходы, связанные с содержанием и обновлением базы данных и оборудования для ее обслуживания, и другие мелкие

и порой крупные расходы, которые есть в любом работающем коллективе.

Резюмируя, надо сказать, что принимал я в 2008 году весьма депрессивный коллектив со многими накопившимися проблемами и множеством внутренних противоречий. К этому нужно добавить, что генеральный директор М.Г. Васильев уходить со своей работы не хотел, несмотря на то что мою кандидатуру для избрания внес на годовое собрание акционерного общества Минпромторг – владелец 51% голосующих акций. Со стороны М.Г. Васильева и некоторых других работников института делалось все, чтобы не допустить моего избрания. Поэтому приход нового руководителя не сопровождался бурными аплодисментами, а напротив, на каком-то этапе потребовалось вмешательство правоохранительных органов. Но все обошлось без жертв и столкновений, уже через несколько дней все успокоилось и начали работать. В последующем у меня сложились вполне спокойные деловые отношения с Михаилом Григорьевичем Васильевым. Те же сотрудники, которые остались недовольны сложившимся положением, вскоре уволились из института.

Не вдаваясь в детализацию работ, проведенных мною в начале, скажу, что в течение года удалось более-менее привести в порядок основное здание на улице Наметкина, для чего пришлось продать здание на улице Ибрагимова. Полностью привели в порядок заработную плату, согласно штатному расписанию для научно-исследовательских учреждений. Навели порядок по ценам и платежам за пользование свободными помещениями института. Приняли на работу молодежь, немного обновили научный состав работников. Создали серверный центр, обновили парк компьютеров, программное обеспечение. Полностью изменили выпускаемый журнал «Вестник химической промышленности» как по содержанию, так и внешнему виду, что в значительной мере сыграло на увеличение тиража и количество подписчиков. В целях расширения возможностей для зарабатывания денег, договорились с руководством «Экспоцентра» о привлечении института в качестве организатора и оператора выставок «Химия», проходящих ежегодно. Институт начал активно участвовать в различных форумах и конференциях по обсуждению проблем химической отрасли. Вся наша деятельность становилась предметом обсуждения: «Смотрите-ка, «НИИТЭХИМ» выжил!» На фоне чуть ли не ежеквартальных закрытий и ликвидаций ранее авторитетных НИИ многим это казалось чудом.

Но процессы распада отраслевой науки подбирались и к нам. Во-пер-

вых, новых хозяев купленный контрольный пакет акций интересовал только с точки зрения здания и земли, принадлежащей акционерному обществу, их совершенно не интересовала научная деятельность института. Во-вторых, новые хозяева хотели сократить число акционеров путем выкупа акций, чтобы получить полный контроль над институтом. На таком фоне приходилось думать только о выживании коллектива, о его расширении было смешно даже мечтать. Благодаря моей личной договоренности с основным акционером А.В. Карловым и председателем Совета директоров В.А. Лачковым и моим заверениям им о своей лояльности к политике собственников, нам удалось как-то дожить до 2022 года. За эти годы уже не стало многих научных аналитических коллективов, с которыми мы взаимодействовали, ушли из руководства люди, нас поддерживавшие в Минпромторге. За эти годы я сроднился с НИИТЭХИМом, и мне горько осознавать, что его крах неизбежен.

Впрочем, нет-нет да появится иллюзия, что изменившиеся геополитические условия, политика западных санкций, изменение вектора внешней торговли заставят государство опомниться и изменить свое мнение относительно стратегического планирования отраслей народного хозяйства. Возможно, тогда будут востребованы знания и компетенции сотрудников института, его грандиозная информационная база. Ведь даже в «ослабленном» составе НИИТЭХИМ способен разработать реальную стратегию импортозамещения, выстроить цепочки производственные и логистические, имеющие целью переориентацию химических производств на внутреннее потребление и на новые внешние рынки. НИИТЭХИМ как ведущий отраслевой центр маркетинговых исследований и прогнозных оценок готов оказать предприятиям химического комплекса услуги, направленные на решение отраслевых проблем в условиях санкционных ограничений, в частности, диверсификации производства за счет реализации проектов по малотоннажному производству остродефицитной химической и нефтехимической продукции. Работы такого направления будут способствовать повышению вклада химического комплекса в экономику России. Для оказания таких услуг мы имеем многолетний опыт сотрудничества с предприятиями химического комплекса и профессиональные компетенции.

Все эти годы в различных жизненных и рабочих ситуациях моими верными друзьями и соратниками в НИИТЭХИМе были: В.А. Гавриленко,

В Волгограде с М.М. Голобковым и Г.А. Кесояном

Т.А. Крылова, Г.В. Жигарева, Н.В. Выголов, Ю.А. Семина, М.А. Хасянов, В.А. Юданов и многие другие сотрудники института.

Хотел бы особо остановиться на деятельной поддержке института со стороны Российского Союза химиков. Президенту Союза Виктору Петровичу Иванову и его вице-президенту Сергею Викторовичу Голубкову (светлая ему память!) я обязан очень

многим. Они помогли мне с входением в химическое сообщество, давали мудрые и добрые подсказки, как организовать работу над тем или иным заданием и проектом.

Особо хочу остановиться на наших дружеских отношениях с Михаилом Михайловичем Голобковым — человеком, глубоко преданным химической отрасли, посвятившим ей многие годы в своей разносторонней и творческой жизни. Вспоминаю, как вместе с ним и с директором завода «Риатекс» Геворгом Арутюновичем Кесояном мы ездили на крупный химический форум в Волгограде. Тогда я только вникал в отраслевые проблемы, и возможность обсудить их со специалистами такого уровня оказала мне неоценимую поддержку.

Я признателен всем специалистам и руководителям химической промышленности, с которыми за эти годы свела меня судьба и совместная работа. Надеюсь, и они смогут по достоинству оценить мою работу во главе института, деятельность которого определяла стратегическое развитие химического комплекса.

Предварительные итоги

Наша большая семья

Я дописываю последние строки этой книги незадолго до своего 76-летия. Наверное, пора завершать трудовую деятельность, однако есть еще силы, никуда не делись знания, а опыта только прибавилось. Так что, если будет возможность, надеюсь все это еще использовать. Ну, время покажет — оно, как выяснилось, весьма богато на сюрпризы.

В завершение рассказа о моей жизни — несколько слов о семье. У нас все хорошо. 15 августа 2020 года мы с Klarой отметили «золотую свадьбу», ровно 50 лет нашей совместной жизни. Думаю, сам факт такого долголетия совместной жизни говорит о многом, и перечислять, что было хорошо и правильно, а что не очень получилось, нет необходимости. Сегодня у нас пятеро внушек и внуков. У сына растут наши старшая внучка Элина и внук Марат. Элина заверши-

ла в этом учебном году магистратуру Высшей школы экономики. Марат окончил девятый класс. В семье, на наш взгляд, хорошая, добрая обстановка, Ринат и Гузель весьма успешно работают, условия жизни у них хорошие — квартиры, машины, как и положено сегодня нормальным, самостоятельным семьям.

Старшая дочь Альбины и Димы, Верочка, пойдет на второй курс

МГУ. Так что прибавилось студентов в нашей семье. Средняя, Ариша, идет в шестой класс. В июне 2021 года в Сочи на первенстве России по спортивным бальным танцам Ариша и ее партнер Тимофей стали чемпионами России в возрастной группе «Дети-2». Мы очень гордимся успехами нашей внучки на поприще спортивных танцев. Младший внук Андрей пошел в четвертый класс. Мальчик очень способный, с великолепной головой. Думаю и надеюсь, что далеко пойдет. Мой зять Дима Донцов успешно развил свой бизнес в Республике Башкортостан и сегодня входит в первую десятку самых успешных бизнесменов республики. Альбина совершенствует мастерство врача-стоматолога и развивает свою стоматологическую клинику, которая уже пятый год подряд признается лучшей клиникой Москвы.

В этом году мы отметили в Сибее 98 лет моей мамы. Она живет одна после смерти моего отца в 1980 году. Не хочет никуда переезжать, сама себе готовит, общается с внуками, правнуками, когда приходят. Активно смотрит хоккей, болеет за команду «Салават Юлаев», знает всех хоккеистов по фамилиям и именам. Одним словом, ведет активный образ жизни для своего возраста. Мы с ней на связи постоянно, каждый день разговариваем, я очень рад, что она у меня есть.

ЧАСТЬ 2 СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ

Государственных служащих нужно готовить со школьной скамьи

В 2006 году, будучи заместителем руководителя УФНС по г. Москве, я дал интервью научно-политическому журналу «Государственная служба», где изложил некоторые свои соображения относительно системы подготовки управленческих кадров государства. Собственно, тогда я обозначил принципы, которыми руководствовался в отношении госслужбы, работая и на ответственных постах в Республике Башкирия, и в налоговом ведомстве в ходе его становления. И по сей день не изменилась моя позиция тех лет относительно подготовки и качества российского аппарата управления. Радует, что некоторые мои тогдашние мысли частично реализованы в сегодняшней кадровой политике РФ. К сожалению, далеко не все...

— По вашему мнению, государственный служащий сегодня должен иметь разноплановое образование или он может быть специалистом только в одной области?

— В госслужбе существует определенная иерархия, и критерии при оценке того, должен или нет чиновник иметь разноплановое образование, для каждого уровня госслужбы свои. У кого-то, действительно, должно быть узконаправленное знание, четкая ориентации лишь в одной определенной сфере. Ведь государственная служба — не только работа с людьми, но и умение обращаться с определенными законами, документами, постановлениями, которые в конечном итоге будут влиять на жизнь людей. Для того чтобы подготовить хороший документ, позволяющий говорить, что в нем нет пробелов, надо, действительно, знать узкую сферу. А вот для руководителей государственной службы важно иметь разностороннее образование, но при этом уметь собрать вокруг себя команду специалистов, единомышленников, на которых можно положиться в принятии решений в той или иной области. Конечно, руководителям надо более внимательно

относиться к своим подчиненным и, если у них обнаруживаются определенные способности, организаторский талант, необходимо развивать их, помогать служащим совершенствоваться. Но и каждый государственный служащий, идя на повышение, обязан понимать, что, вырастая в должности, он должен вырастать и с точки зрения своих познаний, надо расширять свой кругозор.

— *В соответствии с законом государственные служащие должны проходить курсы повышения квалификации, переподготовку не реже чем 1 раз в 3 года. Достаточно ли этого, учитывая то, как быстро меняется жизнь, сколько новых законов постоянно принимается?*

— В большей степени это зависит от ведомства, в котором работает государственный служащий. Например, в нашей системе мы людей учим, опираясь не на установленный законом срок, а на то, какие новые законы в нашей сфере становятся объективной реальностью. Ежегодно принимается много поправок в Налоговый кодекс, поэтому обучение сотрудников у нас фактически ведется в постоянном режиме. Произошли изменения, мы учим руководителей инспекций, потом специалистов и т.д. У нас также есть специальные курсы по тем или иным направлениям, есть учебные центры. У каждого ведомства своя система, но она должна предполагать, что не реже чем раз в 3 года каждый сотрудник проходит какие-либо обучающие курсы.

— *Сейчас почти в каждом вузе экономической направленности, а их немало, готовят специалистов по налогам. Нет ли диспропорции между имеющимися свободными вакансиями и тем количеством специалистов, которых выпускают вузы?*

— Да, об этом говорят многие, но в реальности дело обстоит так, что мы сегодня в Москве имеем только 80-процентную наполняемость штатного расписания. У нас 20% людей просто нет. Произошло вот что. Если на начальном этапе возникновения налоговой службы, в 1990-е годы, установленная заработная плата была вполне нормальной и постепенно повышалась, то сейчас диспропорция в доходах людей, работающих в коммерческих фирмах бухгалтерами, экономистами, менеджерами, и нашими сотрудниками просто огромная. К нам приходят молодые люди и, отработав два-три года, получив опыт, увольняются. В настоящее время в нашей службе очень мало сотрудников самого продуктивного возраста — 30–45 лет, они-то как раз и должны быть стержнем кадрового состава любой

организации. У нас же теперь, как мы иногда говорим, только пионеры и пенсионеры. И вскоре мы можем получить очень печальную картину: через 10 лет уйдут на пенсию те, кто имеют опыт и навыки, покинет наши стены и та молодежь, которая уже успела чему-то научиться, останутся лишь те, кто еще толком и работать не научились, не получили необходимых навыков, а порой просто профессионально не пригодны.

За рубежом государственная служба, наоборот, является очень престижной. Например, в Швеции у государственных служащих, которые работают в налоговой сфере, заработная плата просто несопоставима с нашей. В Германии даже люди, занимающиеся бизнесом, считают за честь попасть в государственный аппарат, так как у государственных служащих, помимо высочайшей заработной платы, есть еще и многочисленные льготы, гарантия обеспеченного будущего. Поэтому госслужащие за рубежом понимают – в случае ошибки, нарушения должностной инструкции можно всего этого лишиться. В нашей стране особенно те, кто по долгу службы контролируют финансовую деятельность коммерческих и прочих структур и видят, какая там зарплата, а сами при этом получают копейки, «за идею» работать не хотят.

– Что необходимо сделать, чтобы государственная служба была конкурентоспособной?

– Проблема заключается в том, что раньше, что бы ни говорили, проводилась определенная кадровая политика: за молодым специалистом устанавливался пристальный контроль, его опекали, заботились о карьерном росте, советовали, куда пойти работать в зависимости от его способностей. И у людей на государственной службе была четкая уверенность в будущем. Сегодня нет никакой системы. Каждые 2-3 года в стране объявляют реформу, одну команду выгоняют, следующую набирают. Получается, что люди только приобрели опыт, начали работать в полную мощь, а их уже выгоняют – все пошло заново. При такой постоянной смене кадров многие специалисты, настоящие профессионалы своего дела, имеющие огромный опыт работы, зачастую просто становятся невостребованными, так как новые руководители приводят свою команду. Фактически госслужба теряет огромное количество первоклассных профессионалов. Поэтому сегодня говорить о том, что у нас существует продуманная, системная кадровая политика, нельзя. И поступающий к нам на работу человек не может чувствовать, что у него есть

определенные перспективы и обеспеченное будущее, он не уверен в том, что, если завтра сменится руководство, его не уволят. Получается, что человек предоставлен самому себе. И не надо клясть в СМИ чиновников: если они такие враги, то избавьтесь вообще от чиновников и работайте тогда без этих врагов. Но практика показывает, что ни одно государство не может обойтись без чиновников. Необходимо только, и это в первую очередь, привести в систему всю государственную службу. Сейчас в силу того, что мы мало платим государственным служащим, они вынуждены искать другие, так сказать, «левые» доходы. Ситуация напоминает чем-то времена Петра I и Советского Союза, когда лесники у нас получали мало, так как считалось, что они, помимо зарплаты, еще получают деньги и за торговлю ворованным лесом. Мы сами чиновников загнали в угол, а еще хотим, чтобы они были местные, хорошо работали и хорошо жили, да к тому же каждый день приходили на работу в костюме и галстук.

– *Какой же должна быть система государственной службы?*

– У нас есть контрольный блок государственных органов, которые занимаются надзором за окружающей средой, финансами, промышленностью и т.д. Но на сегодняшний день их количество настолько огромно, что сразу трудно даже назвать хотя бы примерную численность их сотрудников. Вспомним Москву во времена СССР, когда были союзное правительство, российское правительство, ЦК КПСС. Так вот все они занимали помещений намного меньше, чем сегодня российская бюрократия. Почему же мы не можем работать с меньшим количеством сотрудников, ведь раньше это как-то удавалось?

– *Где переизбыток сотрудников – в высшем, среднем или низшем звене современной бюрократии?*

– В ходе реформы произошло сокращение высшего звена государственных служащих, но в то же время на порядок увеличилась численность сотрудников среднего звена. В итоге численность аппарата госслужащих не сократилась, очереди остались, недовольство народа только возросло. К тому же в силу нескоординированной работы каждое ведомство растет еще и само по себе. Например, ряд министерств может, в сущности, сегодня существовать изолированно, без проблем страны, без остальных органов власти, так как аппарат и все те ведомства, которые ему подчинены, спокойно сами себя загружают работой. У меня складывается ощущение, что начавшаяся реформа государственной службы произвела некий всплеск,

что-то перестроили, верхушку сократили и на этом преобразования закончили. Нет дальнейшего последовательного решения вопроса. Необходимо определить приоритеты – где и что дальше контролировать, какую политику проводить, как надо работать в той или иной сфере. Например, посмотрим на сферу физической культуры и спорта. Есть Госкомспорт, по каждому виду спорта создана своя федерация, но они не подчиняются друг другу и действуют параллельно. Где здесь логика? Какова их общая позиция по вопросам развития физической культуры и спорта в России, есть ли у Госкомспорта контрольные функции по отношению к федерациям и в чем они заключаются? Кто сегодня занимается развитием детского спорта? Четких ответов не было и нет. Или наше Управление по налогам и сборам – на сегодняшний день самая большая государственная служба. Работа у нас специфическая и узконаправленная, мы занимаемся конкретными вещами, четко руководствуемся Налоговым кодексом. И та численность сотрудников, которая есть сейчас, вполне достаточна и сопоставима с численностью государственных служащих в аналогичных ведомствах в других странах. В силу наших специфических задач – следить за поступлением налогов – нас, безусловно, нельзя приравнивать, скажем, к служащим Минкультуры, Минэкономразвития. Но сегодня именно так и сделали. В итоге мы получили следующий результат: проработав у нас несколько лет, специалисты, помимо коммерческих предприятий, переходят в другие государственные службы экономической направленности (а они есть во всех министерствах и ведомствах). Люди при этом ничего не теряют в материальном отношении, но тот объем работ, который начинают исполнять, несопоставим с нашим. У нас во многих подразделениях рабочий день не меньше 12 часов. Это уже стало нормой, так как иначе никто ничего не успевает. А раздувать штат мы не хотим. Поэтому говорить, что вся государственная служба одинакова, нельзя.

– Что, по вашему мнению, надо обязательно изменить в ходе проведения реформы?

– Во-первых, к руководству этой сферой должны прийти государственники, которые ратовали бы именно за государство. К сожалению, таких людей у нас не очень много.

Во-вторых, численность государственных служащих и различных структур надо сократить, но для этого необходимо провести профессиональную функциональную ревизию. Функции той или иной государствен-

ной службы растут, появляются новые задачи. А как их решать? Сразу предлагается увеличить штат, но ведь можно перераспределить функции сотрудников, сделать так, чтобы они не дублировались, и тогда сразу освободятся штатные единицы.

Боль у населения вызывают те вещи, которые касаются повседневной жизни: надо зарегистрировать квартиру, провести перепланировку и т.д. Так вот процесс реализации этих целей не должен восприниматься как некое испытание. А у нас, чтобы получить элементарную справку, надо пройти огонь, воду и медные трубы. На уровне государства надо усилить контрольные и разрешительные функции, тогда чиновники будут знать — они ответственны за любую проволочку. Человек, регистрирующий свое предприятие, начинающий свой бизнес, также не может сделать это быстро и без излишней нервозности. Сколько про это говорят, в том числе и на самом высоком уровне, но для решения этой проблемы ничего не делается. Только проведя функциональную ревизию, мы сможем точно сказать, сколько стране необходимо государственных служащих.

В-третьих, в настоящее время появилось множество новых технологических возможностей для упрощения обслуживания населения: Интернет, электронная почта и т.д. Надо упростить доступ людей к документам, нет необходимости требовать их личного присутствия для получения различных выписок. Хотя и у нас тоже не обходится без недостатков, но все-таки в Управлении по налогам и сборам по г. Москве мы стараемся максимально упростить прохождение многих процедур, призываем предоставлять документы в электронном виде. Постепенно процесс модернизации налоговой службы идет, уже 28–30% налогоплательщиков переходят на электронный документооборот. Соответственно, для этого занимаемся повышением уровня образования наших сотрудников, знакомим с новыми технологиями в делопроизводстве.

— *Сейчас в соответствии с законом замещение должностей специалистов на государственной службе должно проходить на конкурсной основе. Но известно, что конкурс зачастую превращается в формальность.*

— Лично я в систему конкурсов, особенно касающихся руководителей любого звена, не верю. Что значит конкурс? Приходят 5 человек, претендующих на какую-то должность, с разных мест, с разным опытом работы, с разным образованием. И какая компетентная комиссия может оценить, кто из них лучше? По моему мнению, конкурс в системе госу-

дарственной службы может быть только внутри той или иной службы, министерства, агентства, когда людей, претендующих на должность, знают, могут рассказать об их деловых и моральных качествах. В любом случае, надо иметь в виду, что государственная служба — это прежде всего команда единомышленников. Если ты принимаешь руководителя, понимаешь и принимаешь его позицию, ты с ним работаешь, если нет, то нормального взаимодействия не получится. Это не конвейер на заводе, где не столь важно отношение к руководителю.

Другое дело, что должен быть определенный банк данных, в котором любая служба могла бы получить информацию о кандидатурах в случае отсутствия претендентов из числа собственных сотрудников. Претендентов, конечно, должны приглашать на собеседование, делать отбор и затем представлять характеристику на несколько кандидатур начальнику отдела управления, ведомства. И именно он, побеседовав с ними, может сделать окончательный выбор. У нас действует именно такая система. Это не означает, что мы руководствуемся принципом — выбираю того, кого люблю (хотя бывают и такие случаи). Просто подбор сотрудников своего отдела или управления — это, еще раз говорю, вопрос формирования команды, а не изучения, сколько лет проработал тот или иной человек на определенной должности, сколько высших образований получил.

Если отойти от реальности и говорить о том, какова должна быть смена кадрового состава на государственной службе, то надо сделать так, чтобы определенное звено госслужащих было постоянным и не менялось в зависимости от увольнения руководителя. Иначе нам не удастся сохранять преемственность, передавать необходимый опыт. И еще необходим принцип: чем должность выше, тем строже отбор при приеме людей, тем больше должно быть претендентов.

— Каким образом заставить чиновников быть более ответственными, уменьшить коррупцию среди госслужащих?

— В первую очередь для этого необходимо повысить престиж государственной службы как таковой: госслужащий должен «дрожать» за свое место, бояться его потерять. Конечно, наказание за провинность — не самое главное, но у нас с детства сформирован страх перед любым видом наказания. Поэтому чиновникам важно осознавать необратимость последствий за любое нарушение, тогда и не будет правонарушений и проволочек. В законе надо четко прописать, что, раз нарушив закон или этические

требования, человек никогда в жизни уже не сможет устроиться на работу в сферу государственной службы. И ответственность должна возрастать в зависимости от уровня занимаемой должности.

Человек должен добиваться возможности работать в системе государственной службы. Проходить определенные карьерные ступени, ставить цель, по достижении которой как раз и можно будет попасть на госслужбу.

Поэтому государственных служащих надо готовить чуть ли не со школьной скамьи. Такие люди должны быть по сути своей внутри себя государственниками, они должны стремиться служить Отечеству.

— *Что из зарубежного опыта организации государственной службы можно было бы использовать в российской действительности?*

— Я считаю, что система организации государственной службы наиболее совершенна в Германии. Ее можно легко перенять. У них все четко определено, запротokolировано, нет двоякости, характерной для нашей системы. У россиян, конечно, другой менталитет, но все же к организованности, четкости, системности, характерной для большинства немцев, надо стремиться. Начало административной реформы было правильным, но мы ее почему-то бросили, остановились на полпути. Необходимо продолжить, довести до логического конца.

Исторические этапы развития налогов в России

Это глава из моей монографии «Налогообложение доходов физических лиц в Российской Федерации» (М., ГНИИ РНС, 2005). Частично книга была подготовлена на базе моей диссертации на соискание степени кандидата экономических наук. Монография по сей день широко используется как учебное пособие в ряде экономических вузов России.

Я выбрал из нее историческую главу, поскольку она будет понятна и интересна не только экономистам и налоговикам, но и широкому кругу читателей. Некоторые цифры и факты из этой главы введены мною в научный оборот впервые.

Прообразом первых подоходных налогов явились так называемые подушные налоги (подушная подать), которые устанавливались как словесные налоги, взимаемые с граждан податных сословий по твердым ставкам, установленным государством в абсолютных денежных суммах (независимо от величины доходов). Первые формы подушных налогов применялись еще в древние времена. В средние века подушные налоги получили распространение в Англии, Германии, Франции и некоторых других странах.

В России подушный налог был введен Петром I в 1724 году (вместо подворного налога). Он взимался на основе регулярно проводимых переписей населения со всех душ мужского пола, включая стариков и детей. С конца XVIII века подушный налог становится основным видом дохода государства (на него приходилось свыше половины всех доходов). Сборы подушного налога обеспечивались так называемой круговой порукой, при которой крестьянская община солидарно отвечала за платежи всех ее членов, и сумма налога, не выплаченная одним крестьянским двором, раскладывалась на остальных членов общины. При низком уровне товарности крестьянских хозяйств тяжесть обложения подушным налогом приводила

к крупным недоимкам. К неплательщикам правительство применяло жесткие меры, вплоть до изъятия имущества за долги. Подушный налог был отменен только в конце XIX века (и то не во всех губерниях России).

В современных условиях подушный налог существует только в некоторых промышленно развитых странах, например в Японии, Франции (как особый налог в системе местного обложения), и в ряде развивающихся стран (как общегосударственный налог).

В СССР подоходные налоги применялись в следующих формах: подоходный налог с юридических лиц (подоходный налог с колхозов, подоходный налог с кооперативных и общественных организаций) и подоходный налог с населения. Кроме того, в отношении государственных предприятий действовал особый порядок налогообложения доходов – в форме взимания платы за основные производственные фонды и нормируемые оборотные средства, фиксированных платежей и изъятия свободного остатка прибыли.

Применялись также некоторые переходные формы подоходных налогов: подоходно-поимущественный налог (взимался в 1922–1924 гг. с доходов и имущества частно-капиталистических предприятий), подоходный налог с колхозов (с 1936 года), подоходные налоги с кооперативных и общественных организаций (с 1979 года).

Становление и развитие налоговой системы России – длительный и противоречивый исторический процесс, при котором отдельные периоды последовательного движения сменялись периодами застоя и даже отступления к уже достигнутому рубежам.

В целом в современной литературе принято проводить периодизацию истории развития налоговой системы России в разбивке на четыре основных этапа.

Первый этап охватывает период становления основ государственно-налогообложения и зарождения специализированной налоговой службы страны. В этот период происходит переход от натурального обложения и сбора дани к денежным налогам. Кроме того, формируются первые формы общегосударственных налогов. Происходят крупные организационно-структурные изменения в методике определения размера налоговых платежей и технологии их сборов. Организационная канва налогового администрирования характеризуется движением от приказа, палаты, коллегии к министерству и выделением из государственного финансового

ведомства, службы управления и контроля за расходами – казначейства. Одновременно начинается формирование основ бюджетной системы.

На втором этапе происходит завершение образования современной цивилизованной налоговой российской системы. Важнейшим толчком в деле хозяйственного преобразования России были реформы 1860-х гг., в результате которых начала складываться соответствующая рыночной экономике новая налогово-бюджетная система страны. Так, в 1862 году были введены новые правила единого государственного бюджетного учета и сводной бюджетной отчетности (по бюджетным доходам и расходам); в 1863 году винные откупа были заменены системой акцизного налогообложения и принято новое положение о промышленном обложении. Наконец, в 1870-х гг. в правительстве приступили к подготовке проекта замены подушного налога системой подоходного налогообложения. Однако из-за серьезного сопротивления состоятельных классов налог на доходы от финансовых операций был введен только в 1885 году, а переход к современным налогам на прибыли компаний и на доходы граждан так и не был реализован вплоть до событий Октябрьской революции. Правда, в период правления премьер-министра П.А. Столыпина была начата подготовка масштабной налоговой реформы, но с его гибелью в сентябре 1911 года и со вступлением России в мировую войну эта работа потеряла необходимый динамизм.

В данный период формируется система общегосударственного управления налоговым процессом, завершается подготовка к введению общего подоходного налога с граждан. Временным правительством России 6 апреля 1916 года был принят закон о подоходном налоге, по которому этот налог должен был быть введенным с 1 января 1917 года. Однако последующие события не позволили реализовать этот закон.

Третий период – советский, для которого характерны отказ от сложившейся в России финансовой и налоговой системы и переход к новой, социалистической системе хозяйствования. Теория К. Маркса отрицала возможность использования стоимостных категорий в системе коммунистических производственных отношений. Финансы, деньги, бюджет, налоги должны были отмереть вместе с товарным производством. Этим объясняется и то, что в Советском Союзе налоги в идеологическом смысле рассматривались как чуждый для социалистического государства элемент. Считалось, что между государственными предприятиями и го-

сударством в рамках единой социалистической собственности не может быть налоговых отношений, поскольку чистый доход, созданный в государственном секторе, полностью принадлежит государству. Поэтому вначале был принят курс на полное отмирание стоимостных отношений (и, соответственно, всех денежных и финансовых инструментов), затем в эту политику были внесены коррективы – в пользу формирования единой общегосударственной системы финансового планирования. В целом основные идеологические принципы в этот период, как известно, исходили из необходимости постепенного отмирания рыночных, стоимостных инструментов хозяйствования (в том числе и налогов) и перехода к централизованным, прямым методам регулирования производственных и распределительных отношений.

В ноябре 1917 года декретами Совнаркома РСФСР было подтверждено применение подоходного налога, введенного ранее законом Временного правительства, но затем подоходный налог был отменен. Фискальная политика оказалась направленной на подавление имущих классов. Одним из источников доходов органов власти стали контрибуции, то есть прямые изъятия собственности у представителей зажиточных слоев населения. До 95% были увеличены ставки промыслового налога. В марте 1919 года была существенно повышена шкала ставок подоходного налога, при этом доходы сверх определенного минимума подлежали полному изъятию. По сути, была проведена экспроприация крупных доходов. Вводились как разовые сборы с частных предприятий, так и чрезвычайные налоги на местах. Одновременно устанавливались льготные режимы налогообложения для слоев, являющихся опорой нового режима. В октябре 1918 года был установлен единовременный чрезвычайный 10-миллиардный налог, но в дальнейшем, с переходом к политике военного коммунизма, денежные налоги были полностью вытеснены системой натуральных податей (продналогом и другими).

По мере возрождения товарно-денежных отношений в экономической политике стала усиливаться роль стоимостных инструментов, в том числе и налогов. Появилась объективная возможность возрождения налогов, характерных для рыночных отношений. Постепенно, с 1921 по 1924 год, на смену натуральным налогам вновь пришли денежные. При этом новые налоги вводились, во многом основываясь на опыте дореволюционной России. К примеру, одним из важнейших вновь введенных нало-

гов был так называемый подоходно-поимущественный налог, который взимался с доходов физических лиц и прибылей частных акционерных обществ от торгово-промышленной деятельности, а также от использования помещений и другого имущества.

Первоначально этот налог взимался с совокупного дохода, рассчитываемого на основе единой налоговой декларации, но в 1923 году данный порядок был отменен и прежний единый подоходно-поимущественный налог разделили на налог на основной доход граждан (фактически в форме подушного налога, который исчислялся по спискам, составляемым работниками домоуправлений) и налог на дополнительный доход, который определялся на основе деклараций налогоплательщиков и взимался по прогрессивным налоговым ставкам.

С 1926 года для населения было введено налогообложение по совокупному доходу, при этом для рабочих и служащих был установлен твердый размер необлагаемого минимума заработной платы.

Для доходов, полученных от осуществления предпринимательской деятельности, в этот период был введен новый промысловый налог, который состоял из двух частей: патентного сбора (устанавливались твердые ставки по категориям налогоплательщиков и поясам местности) и уравнительного сбора (в процентах от оборота).

Патентный сбор уплачивался посредством выборки патента на единоличный промысел. Размер уравнительного сбора составлял, как правило, 1,5% от оборота. Однако были установлены как льготные ставки, так и повышенные.

Промысловый налог в этот период составлял весомую часть доходов бюджета СССР. Например, в 1925–1926 бюджетных годах доля промыслового налога в структуре доходов государственного бюджета превысила 28%, а в структуре налоговых поступлений – 11%. В 1930 году промысловый налог составлял 21,5% налоговых поступлений, в то время как подоходный налог – только 4,69%.

Этапным моментом в истории налогообложения в СССР стала налоговая реформа 1930–1932 гг. Она заложила основы налоговой системы, действовавшей затем на протяжении почти 60 лет. В ходе этой реформы было унифицировано 86 из числа прежних видов платежей и взносов бюджетной системы, устранены дублирование и многократность обложения отдельных категорий налогоплательщиков. Применение промыслового

налога было ограничено предприятиями частного сектора, а также кустарями и ремесленниками, применяющими труд наемных работников. В 1932 году был введен особый налог с единоличных крестьянских хозяйств.

При этом следует отметить, что по завершении периода НЭПа роль и значение подоходного налогообложения стала заметно падать. Такой результат объяснялся общим низким уровнем доходов населения, которое большей частью подпадало под необлагаемый минимум. Кроме того, от уплаты подоходного налога освобождались военнослужащие и пенсионеры. Необлагаемый минимум по подоходному налогу с населения устанавливался в зависимости от местности категории налогоплательщика (для рабочих и служащих от 900 до 1200 руб. в год, для нетрудового населения – от 500 до 800 руб. в год). Налоговые ставки составляли от 0,75 (для рабочих и служащих с годовым доходом менее 1000 руб.) до 40,79% (для отдельных категорий нетрудового населения, имеющего годовые доходы свыше 12 тыс. руб.).

В 1941 году в условиях военного времени была введена особая надбавка в размере 100% к сельскохозяйственному и подоходному налогу, в 1942 году был введен особый военный налог. В качестве чрезвычайного налога в годы войны был введен также налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР, который действовал до проведения налоговых реформ в 1991 году. Он взимался с граждан СССР, не имевших детей: мужчин в возрасте от 20 до 50 лет и женщин, состоящих в браке, в возрасте от 20 до 45 лет. Рабочие и служащие, получавшие по месту основной работы заработную плату, превышающую 91 руб., уплачивали налог по ставке 6%, а от 70 до 90 руб. – по пониженным ставкам. От обложения этим налогом освобождались Герои Советского Союза и инвалиды.

Наконец, в условиях наметившегося перелома в кровопролитной Отечественной войне в 1943 году был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О подоходном налоге с населения», действовавший затем в течение многих лет (с некоторыми изменениями и дополнениями).

Наиболее существенные изменения в системе подоходного налогообложения были внесены в 1960 году. Для доходов рабочих и служащих был установлен необлагаемый минимум в размере 70 руб. ежемесячного заработка. Для ежемесячных доходов в размере до 100 руб. была установлена ставка подоходного налога 8%, для доходов, превышающих этот уровень, – 13%. При этом ставка подоходного налога снималась на 30%

для лиц, имеющих на своем содержании более трех иждивенцев.

Однако эти льготы не действовали для лиц, занятых кустарно-ремесленными промыслами и занимающихся частной практикой. Налоговые ставки для этих лиц составляли: 65% — если сумма их годового дохода достигала 5 тыс. руб.; 81% — если их совокупный годовой доход превышал 7 тыс. руб. При этом от обложения подоходным налогом освобождались военнослужащие (со всех видов довольствия), пенсионеры, инвалиды Великой Отечественной войны, лауреаты Ленинской и Государственной премий. Не облагались подоходным налогом выигрыши в лотерею, проценты по вкладам.

Теория и практика не видели за налогами будущего. Кульминацией представления о бесперспективности налогов стал разработанный в 1960 году Закон СССР «Об отмене налогов с заработной платы рабочих и служащих», который проводился в жизнь путем постоянного повышения необлагаемого минимума доходов и расширения налоговых льгот. В 1961 году вновь были понижены ставки подоходного налога и налога на холостяков. В дальнейшем предполагалась полная отмена налогов с населения. Такую задачу поставила третья программа КПСС, принятая на XXII съезде КПСС 31 октября 1961 года.

В конце 1980-х гг. появились некоторые новые виды подоходных налогов: налоги с доходов от кооперативной деятельности; плата за патенты (исходя из расчетного среднего уровня годового дохода работников аналогичной профессии на госпредприятиях); подоходные налоги с граждан, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью.

В эти годы наиболее значительные изменения в законодательство о подоходном налоге были внесены Указами Президиума Верховного Совета СССР от 30.04.1986 и от 23.04.1990.

Последний, четвертый, этап развития налоговой системы России датируется примерно началом 90-х гг. XX века. Он связан с отказом от практики социалистического хозяйствования и возвращением к регулированию на основе развития частного предпринимательства непосредственно товарно-денежных отношений в рамках современной модели рыночной экономики.

С распадом СССР и выделением из него нового государства — Российской Федерации — были предприняты шаги по началу формирования принципиально новой налоговой системы. Во второй половине 1991 года

были приняты законодательные акты – об основах налоговой системы в Российской Федерации и о конкретных налогах, в том числе Закон РФ от 07.12.1991 № 1998-1 «О подоходном налоге с физических лиц». В дальнейшем в этот закон вносились многочисленные изменения и дополнения.

В рамках принятого курса на последовательную кодификацию законодательства Государственной думой была принята часть первая Налогового кодекса РФ (утверждена Федеральным законом от 31.07.1998 № 146-ФЗ), а затем и часть вторая НК РФ (утверждена Федеральным законом от 05.08.2000 № 117-ФЗ). Указанные части НК РФ вступили в силу соответственно с 1 января 1999 года и с 1 января 2001 года.

В первой (общей) части НК РФ даны принципы установления налогов и сборов, их элементы, порядок уплаты, взыскания и возврата, определены понятия «налогоплательщик», «налоговый агент», «сборщик налогов и сборов», «налоговые органы», «налоговые правонарушения» и ответственность за их совершение, а также права и обязанности субъектов налоговых отношений.

Вторая (специальная) часть НК РФ объединяет главы, посвященные регулированию отдельных видов налогов. На 1 февраля 2004 года эту часть НК РФ составляли главы по 12 видам налогов: НДС, акцизы, налог на доходы физических лиц, ЕСН, налог на прибыль, налог на добычу полезных ископаемых, единый сельскохозяйственный налог, единый налог, уплачиваемый при применении ЕСН, ЕНВД, транспортный налог, налог на игорный бизнес, налог на имущество организаций. Порядок исчисления и уплаты налога на доходы физических лиц регулируется главой 23 НК РФ. Реформирование налога на доходы физических лиц сейчас может происходить в относительно благоприятных условиях. Так, по данным Госкомстата России, в последнее время заметно растут сбережения населения – склонность населения к сбережениям после кризиса 1998 года повысилась с 15% в 1999 году до 19,2% в 2003 году.

В то же время следует учитывать, что кризис 1998 года подорвал доверие населения к сбережениям в рублевых финансовых активах. Так, если в 1997 году склонность населения к сбережению вообще и в финансовых активах в частности составляла соответственно 25,0 и 25,9% к их доходам, то в 2003 году эти показатели составили 19,2 и 8,23%. Об этом же говорит и анализ склонности населения Российской Федерации к сбережениям в финансовых активах, динамика которой приведена в табл. 1.

Таблица 1

Финансовые активы	В % к доходам	
	1997 год	2003 год
Рублевые вклады	1,2	3,6
Наличные рубли	1,7	1,7
Валютные вклады и ценные бумаги	1,1	0,7
Иностранная валюта	21,0	1,0

Оплата труда, по данным Госкомстата России, в 2002 году составила 66,5% денежных доходов населения. Вместе с тем расходы населения на приобретение товаров и услуг составили 73,2% всех расходов, на сбережения – 10,4% и на приобретение иностранной валюты – 5,5%. Среднедушевой доход в месяц у 65,8% населения не превышал 4000 руб.

В 2002 году на 100 домашних хозяйств в России имелось: телевизоров – 129; холодильников – 114; легковых автомобилей – 30.

Отрицательную роль в сфере распределения доходов населения играет тот факт, что до настоящего времени минимальный размер оплаты труда в несколько раз меньше установленного прожиточного минимума (соответственно 600 руб. и 3208 руб. в месяц в I квартале 2004 года), а прожиточный минимум не отвечает реальным потребностям населения. В России более 20% населения находится за чертой бедности, а у 10% населения доходы в 14,5 раза выше, чем у 10% бедного населения. Доля фонда оплаты труда в ВВП США составляет 80%, а в России – всего 24%. Соответственно и порог бедности в США в 5 раз, а средняя зарплата в 11 раз выше, чем в России.

Рассмотрим теперь данные, показывающие динамику поступлений налога на доходы физических лиц в 1992–2003 гг. в целом по Российской Федерации (табл. 2).

Как видно из приведенных далее цифр, снижение поступлений подоходного налога произошло только в 1998 году (год экономического кризиса), при этом доля подоходного налога в общих налоговых поступлениях возросла до 13,8% с 12,6% в 1997 году.

Доля налога на доходы физических лиц в ВВП в 1993–2003 гг. составляла, %:

Таблица 2

Год	Сумма поступлений налога, млрд руб.	Темп роста, %	Удельный вес налога в общей сумме налоговых поступлений, %
1992	0,4	—	—
1993	4,4	1 017,5	11,6
1994	17,5	396,9	13,0
1995	36,7	209,1	10,4
1996	56,7	154,5	11,2
1997	74,0	130,4	12,6
1998	71,7	97,0	13,8
1999	116,5	161,4	13,2
2000	174,3	148,8	12,1
2001	255,6	146,7	13,1
2002	357,8	139,7	15,3
2003	455,3	127,2	17,0

1993 г. — 2,7; 1994 г. — 2,8; 1995 г. — 2,3; 1996 г. — 2,5; 1997 г. — 2,9; 1998 г. — 2,7; 1999 г. — 2,5; 2000 г. — 2,3; 2001 г. — 2,8; 2002 г. — 3,3; 2003 г. — 3,6.

В 2003 году в бюджет поступило: по ставке 6% — 5,4% от общей суммы поступившего налога; по ставке 13% — 94,1%; по ставке 30% — 0,3%; по ставке 35% — 0,2%. Т.е. удельный вес доходов, облагаемых по ставке 13%, составил 98,8%, а налоговая база по всем другим налоговым ставкам (6, 30, 36%) вместе составляет всего 1,2%. Поступления налога, исчисленного по ставке 13%, составили 94,1%, а по другим ставкам — 5,9%.

Данные о поступлениях налога на доходы физических лиц за период 2001—2002 гг. и 10 месяцев 2003 года свидетельствуют о постоянном росте поступлений этого налога как в целом по Российской Федерации, так и по субъектам Российской Федерации.

В 2000 году (до введения главы 23 «Налог на доходы физических лиц») сумма подоходного налога с доходов физических лиц составила 174,3 млрд руб. В 2001 году поступления налога на доходы физических лиц по сравнению с 2000 годом увеличились на 81,3 млрд руб. и составили 255,6 млрд руб. В 2002 году этого налога поступило 367,8 млрд руб., или на 102,2 млрд руб. больше, чем в 2001 году. За 2002 год, по сравнению с 2000 годом, поступления налога на доходы физических лиц в абсолютной сумме возросли на 183,5 млрд руб. За 10 месяцев 2003 года поступления составили 355,1 млрд руб., т.е. на 77,8 млрд руб. больше, чем за аналогичный период 2002 года.

Удельный вес налога на доходы физических лиц в общем объеме

налоговых платежей также постоянно возрастает: в 2000 году – 12,1%; 2001 – 13,1%; 2002 – 15,3%; за 10 месяцев 2003 года – 16,2%.

По удельному весу в общих налоговых поступлениях налог на доходы физических лиц с 2001 года занимает 4-е место (после налога на прибыль, НДС, единого социального налога).

В разрезе федеральных округов темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц также возросли.

В 2001 году в целом по Российской Федерации темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц составили 146,6%. Более высокие показатели достигнуты:

- в Дальневосточном федеральном округе – 171,5%;
- в Уральском федеральном округе – 158,3%;
- в Южном федеральном округе – 153,0%;
- в Сибирском федеральном округе – 151,0%;
- в Приволжском федеральном округе – 149,2%.

Ниже среднего темпа роста, сложившегося в 2001 году в целом по Российской Федерации, темпы роста составили:

- в Центральном федеральном округе – 133,1%;
- в Северо-Западном федеральном округе – 146,3%.

В 2002 году в целом по Российской Федерации темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц составили 140%. Более высокие показатели достигнуты:

- в Южном федеральном округе – 147,5% (снижение на 5,5%);
- в Центральном федеральном округе – 146,6% (увеличение на 13,5%);
- в Дальневосточном федеральном округе – 144,7% (снижение на 26,8%);
- в Северо-Западном федеральном округе – 140,1% (снижение на 6,2%).
- Ниже среднего темпа роста, сложившегося в 2002 году в целом по России, темпы роста составили:
- в Уральском федеральном округе – 127,2% (снижение на 31,1%);
- в Приволжском федеральном округе – 136,7% (снижение на 12,5%);
- в Сибирском федеральном округе – 137,7% (снижение на 13,3%).

По итогам 10 месяцев 2003 года в целом по Российской Федерации темпы роста налога на доходы физических лиц составили 128,1%. Низкий темп роста поступлений налога отмечен в Уральском федеральном округе –

121,3%. Темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц в Приволжском и Сибирском федеральных округах также ниже среднего по Российской Федерации и составляют соответственно 124,0 и 125,2%. Немного ниже среднего указанный показатель по Северо-Западному федеральному округу – 127,8%. Выше среднего темпа роста в целом по России темпы роста составили: в Дальневосточном федеральном округе – 134,9%; в Южном федеральном округе – 132,0%.

По субъектам Российской Федерации складывается следующая картина по поступлениям налога на доходы физических лиц.

В 2001 году более чем в 60 субъектах Российской Федерации темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц превысили средний темп роста – 146,6%, сложившийся по Российской Федерации.

Так, в Чукотском автономном округе налога на доходы физических лиц поступило 1,4 млрд руб., что на 1,2 млрд руб. больше, чем в 2000 году. Темп роста составил 654,79%. *(замечание из 2022 года: Очевидно, на налоговый учет в округе перешел в ту пору губернатор Чукотки Роман Абрамович).*

В Агинском Бурятском и Ненецком автономном округах, Республике Марий Эл темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц составили соответственно 250,4, 225,4 и 205,5%. Однако в общем объеме поступлений налога в целом по Российской Федерации упомянутые субъекты Российской Федерации имеют незначительный удельный вес: Чукотский автономный округ – 0,5%, а доля Агинского Бурятского и Ненецкого автономных округов, Республики Марий Эл составляет 0,3%.

В 26 субъектах Российской Федерации темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц – ниже среднего темпа роста по Российской Федерации.

В Республике Ингушетия (доля в общем объеме поступлений налога в целом по Российской Федерации составляет 0,04%) поступления налога снизились до 0,1 млрд руб., что составляет 94,89% к уровню 2000 года.

В г. Москве поступления налога на доходы физических лиц составили 43,6 млрд руб., темп роста поступлений налога ниже среднероссийского показателя на 28,2%. Доля налога на доходы физических лиц в общем объеме поступлений в целом по России составила 17,1%.

В Корякском автономном округе, Республике Адыгея (доля в общем объеме поступлений налога в целом по России – 0,1%) темпы роста поступлений в бюджет налога на доходы физических лиц составили со-

ответственно 128,1 и 129,1% к уровню 2000 года.

В Оренбургской области (доля в общем объеме поступлений налога в целом по России – 1%) поступило налога на доходы физических лиц 2,6 млрд руб., что на 0,6 млрд руб. (в 1,3 раза) превышает поступления 2000 года и составляет 130,1% к уровню 2000 года.

Увеличение поступлений налога на доходы физических лиц в 2001 году связано с рядом факторов. Существенно изменилось законодательство о подоходном налогообложении:

- повышен размер минимальной налоговой ставки с 12 до 13%, который применяется в основном к вознаграждениям за выполнение трудовых и иных обязанностей, выполнение работ (услуг) по договорам гражданско-правового характера, доходам в виде материальной выгоды и натуральной форме. В отношении доходов, полученных в виде материальной выгоды от экономии на процентах за пользование заемными средствами и процентных доходов по вкладам в банках, установлена максимальная налоговая ставка в размере 35%;

- расширен размер налогооблагаемой базы в связи с отменой льгот по доходам отдельных категорий физических лиц (военнослужащих, судей, прокуроров, работников таможенных органов и органов налоговой полиции).

В 2002 году динамика поступлений налога на доходы физических лиц по субъектам Российской Федерации изменилась. Более чем в 50 субъектах Российской Федерации темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц превысили средний показатель, сложившийся по Российской Федерации.

Так, в Республике Адыгея темп роста поступлений налога на доходы физических лиц составил 197,8% (удельный вес налога в общем объеме налоговых поступлений составляет 0,1%). В бюджетную систему поступило 0,5 млрд руб., или на 0,2 млрд руб. (в 2 раза) больше, чем в 2001 году.

В Республике Мордовия темп роста поступлений налога составил 177,3% (удельный вес налога в общем объеме налоговых поступлений составляет 0,3%). Поступления налога увеличились на 0,45 млрд руб. (в 1,8 раза) и составили 1,0 млрд руб.

В то же время в 27 субъектах Российской Федерации темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц ниже среднего темпа роста по Российской Федерации.

Наиболее низкие темпы роста поступлений налога наблюдаются в следующих субъектах Российской Федерации: Ханты-Мансийском автономном округе – 115,3% (снижение на 52,3%), Красноярском крае – 121,6% (снижение на 17,1%), Республике Калмыкия – 122,2% (снижение на 38,1%), Ульяновской области – 125,2% (снижение на 60,3%).

Основными факторами, обеспечивающими рост платежей налога в 2002 году, являются увеличение денежного содержания военнослужащих, увеличение поступлений налога с дивидендов (с введением ставки в размере 6%), повышение оплаты труда госслужащим, снижение в некоторых регионах задолженности по заработной плате.

Снижение же темпов роста налога в отдельных субъектах Федерации связано с ликвидацией организаций, сокращением рабочих мест, спадом в некоторых отраслях промышленности.

За 10 месяцев 2003 года примерно в 50 субъектах Российской Федерации темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц превысили средний темп роста – 128%, сложившийся по Российской Федерации.

Высокие, по сравнению со средними по России, темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц сложились в Республике Адыгея (доля в общем объеме поступлений налога в целом по Российской Федерации составляет 0,3%). Поступления налога в этой республике увеличились на 0,7 млрд руб. (в 2,7 раза) по сравнению с аналогичным периодом 2002 года и составили 1,1 млрд руб. (270,4%).

Наиболее высокие темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц наблюдаются в субъектах Российской Федерации, имеющих незначительный удельный вес в общем объеме поступлений налога в целом по Российской Федерации. Так, в Чукотском автономном округе (удельный вес 0,5%) поступления налога увеличились на 1,1 млрд руб. (в 2,7 раза) и составили 1,7 млрд руб. (267,2% относительно аналогичного периода 2002 года).

В Чеченской Республике (доля в общем объеме поступлений налога в целом по Российской Федерации составила 0,1%) поступления налога увеличилась на 0,15 млрд руб. (в 1,5 раза) и составили 0,5 млрд руб. (147,9% относительно аналогичного периода 2002 года).

В Республике Ингушетия (удельный вес в общем объеме поступлений налога в целом по России – 0,05%) темп роста поступлений налога на доходы физических лиц относительно аналогичного периода 2002 года составил 143,6%.

В г. Москве темп роста поступлений налога на доходы физических лиц превысил среднероссийский показатель и составил 132,5%. Поступления налога в этом субъекте Российской Федерации составили 64,5 млрд руб., а доля налога в общем объеме поступлений в целом по России — 18,2%, что на 15,8 млрд руб. (в 1,3 раза) превышает поступления за аналогичный период 2002 года.

В г. Санкт-Петербурге (доля в общем объеме поступлений налога в целом по России — 4,8%) поступления налога составили 17,2 млрд руб., или на 4,3 млрд руб. (в 1,3 раза) выше уровня соответствующего периода 2002 года. Темп роста поступлений налога по сравнению с аналогичным периодом 2002 года составил 133,4%.

Однако по 40 субъектам Российской Федерации темпы роста поступлений налога на доходы физических лиц ниже среднего темпа по Российской Федерации.

Наиболее низкие темпы роста поступлений налога наблюдаются по Таймырскому, Агинскому Бурятскому автономным округам. Удельный вес поступлений налога на доходы физических лиц в указанных субъектах Российской Федерации в общем объеме поступлений налога в целом по России составляет 0,1%.

В Таймырском автономном округе поступления налога уменьшились на 0,03 млрд руб. (91,6% относительно соответствующего периода 2002 года).

В Агинском Бурятском автономном округе аналогичный показатель составляет 110,4%.

В Ханты-Мансийском автономном округе (доля в общем объеме поступлений налога в целом по России составляет 4,6%) поступило налога на доходы физических лиц 16,3 млрд руб., или на 1,6 млрд руб. (в 1,1 раза) больше, чем за соответствующей период 2002 года. Темп роста поступлений составил 110,5%.

Следует отметить, что темпы роста экономики по большинству основных показателей в текущем году превышают темпы роста прошедшего года. Выпуск продукции и оказанных услуг базовых отраслей экономики за 9 месяцев 2003 года увеличился на 6,7% по сравнению с соответствующим периодом 2002 года. Общий объем производства промышленной продукции за январь—сентябрь текущего года по сравнению с аналогичным периодом прошедшего года увеличился на 6,8%.

Как в целом по Российской Федерации, так и по субъектам Российской Федерации в 2001, 2002 годах и за 10 месяцев 2003 года наблюдается устойчивая тенденции к росту поступлений налога на доходы физических лиц. Причинами этого являются стабилизация экономики России, рост доходов населения.

Значение налога на доходы физических лиц обусловлено рядом факторов. Во-первых, это личный налог, т.е. налог, объектом которого является доход, действительно полученный плательщиком, а не предполагаемый усредненный доход, который мог бы быть получен в данных экономических условиях (на основе усредненного дохода устанавливают реальные налоги – на землю, на имущество и т.п.); он затрагивает интересы более 80 млн граждан. Во-вторых, налог на доходы физических лиц позволяет в максимальной степени реализовать основную задачу (помимо фискальной), стоящую перед налогообложением физических лиц, – обеспечение всеобщности и равномерности распределения налогового бремени.

В то же время наблюдается некоторое замедление темпов роста поступлений налога на доходы физических лиц. Так, если в 2001 году этот показатель составлял 146,6%, то в 2002 году темп роста снизился до 140,0%. За 10 месяцев 2002 года темп роста поступлений налога составил 128,1%. В 2003 году на снижение темпов роста поступлений налога оказало влияние замедление роста оплаты труда.

Так, по данным Госкомстата России, отношение начисленной (номинальной) средней заработной платы на одного работника в 2001 году к 2000 году составляло 145,7%, в 2002 году к 2001 году – 135%, а в январе–августе 2003 года к соответствующему периоду 2002 года – 124,7%.

Время от времени Правительство РФ, учитывая мировой опыт, делает попытки централизовать в федеральном бюджете часть подоходного налога с физических лиц (в 1995 году – 10%; 1999 – порядка 25%; 2000 – 16%; в 2001 году – 1%). С 1994 года налог чаще всего полностью поступал в бюджеты субъектов Федерации. Это касается 2003 и 2004 годов, так как в соответствующих законах о федеральном бюджете предусмотрено полное поступление налога в бюджеты субъектов Российской Федерации. Надо учитывать, что, в отличие от большинства развитых стран, в России подоходный налог имеет весьма скромный удельный вес в налоговых доходах бюджетной системы – только 10%, что связано прежде всего с низким уровнем оплаты труда. Среднемесячная заработная плата при введении

налога на доходы физических лиц в 2001 году составляла 3 282 руб., или чуть больше 100 долл. США. В перспективе, по мере повышения оплаты труда, возникнут условия и для централизации соответствующей доли налога на доходы физических лиц. Пока же его целесообразно полностью направлять в территориальные бюджеты.

Вместе с тем реформирование налоговой системы Российской Федерации в 2003—2004 гг. привело к существенному сокращению финансовой самостоятельности органов местного самоуправления. В составе местных налогов оставлены лишь налог на землю и налог на имущество физических лиц. При этом налог на землю распределяется по всем уровням бюджетной системы, а налог на имущество физических лиц планируют включить в налог на недвижимость, который входит в состав налогов субъектов Российской Федерации. Таким образом, в перспективе за местными бюджетами сохранилось минимальное количество собственных источников и они окажутся в полной финансовой зависимости от субъектов Российской Федерации. В этих условиях было бы правильно законодательно закрепить за местными бюджетами какую-то часть налога на доходы физических лиц.

В современных российских условиях налог на доходы физических лиц не стал доминирующим в налоговой системе страны. Несмотря на то, что в общей сумме всех доходов бюджета наблюдается рост поступлений из этого источника и по объему поступлений в бюджет налог на доходы физических лиц занимает 3-е место, его доля в доходах консолидированного бюджета явно недостаточна. В бюджетах экономически развитых стран поступления от подоходного налога физических лиц занимают более весомое место. Так, в среднем по странам ОЭСР они составляют около 27%. В отдельных странах поступления от подоходного налога существенно превышают эту величину. Например, в США доля подоходного налога в доходах бюджета доходит до 60%, в Великобритании — до 46%. Недостаточная роль налога на доходы физических лиц в формировании доходной базы российского бюджета объясняется следующими причинами:

- низким по сравнению с экономически развитыми странами уровнем доходов подавляющего большинства населения России;
- задержками выплат заработной платы части работников как сферы материального производства, так и бюджетных организаций;
- неразвитостью рыночных отношений, незначительным количе-

ством частных предприятий и лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью;

- наличием теневой экономики и уходом от налогообложения работников, а также лиц с относительно высокими доходами. Основную долю налога обеспечивают поступления от доходов малообеспеченной части населения, поскольку здесь наиболее низкий процент укрывательства от налогов.

По сравнению со странами, имеющими развитую рыночную экономику, в России налог на доходы физических лиц занимает скромное место в доходах бюджетов — по причине все еще заметно более низкого уровня жизни. Вместе с тем он играет огромную социальную роль, затрагивая интересы более 80 млн человек.

Очевидно, дальнейшее развитие налога на доходы физических лиц на основе применения фундаментальных принципов налогообложения и его увязка с конкретными экономическими и социальными условиями страны является приоритетным направлением налоговой политики любого правительства.

Р.С. Прошло почти 20 лет, но основные положения налогообложения физических лиц не изменились. Есть, безусловно, изменения по поступлениям налогов по территориям, т.к. количество закрытых, а точнее, прекративших свое существование предприятий везде разное. Отсюда и уровень собираемости, и объем НДФЛ везде разный. Но принципиальных изменений, таких как введение прогрессивной шкалы налогообложения или расширения налоговых льгот, не произошло. Поэтому все приведенные здесь данные и соображения по-прежнему остаются актуальными для изучающих вопросы налогов и сборов в нашей стране.

Почему российская химия зависит от импорта?

В основу этой статьи, опубликованной в журнале Oil & Gas Journal Russia в 2014 г., были положены изыскания ученых ОАО «НИИТЭХИМ» за несколько лет, подготовленных по заданию Минпромторга РФ и переданных в Правительство РФ. С сожалением приходится признать, что ни указанные материалы, ни подготовленные ранее исследования об импортозависимости российской химии не возымели почти никакого эффекта. Результат мы наблюдаем сегодня: из-за невероятных санкций стран Запада, задевших и химическую промышленность, ухода многих импортеров, в том числе малотоннажной химии, химический комплекс РФ оказался не в состоянии выпускать целый ряд довольно простых продуктов. Мы, конечно, преодолеем возникший дефицит в «малотоннажке». Но время будет упущено, а деньги потеряны. Всего этого можно было избежать, займись вовремя государство вопросами, поставленными в статье.

Ни один ученый мира не в состоянии сказать, сколько товаров можно получить путем переработки нефти и газа, поскольку возможности химии, как известно, беспредельны. Мировая практика подтверждает тезис о широких возможностях процессов передела углеводородного сырья и ежегодно на мировой рынок выходят новые продукты, некоторые из которых обладают уникальными свойствами, приносят в копилку своих стран хорошие дивиденды и имеют вполне заслуженную перспективность.

На фоне динамичного развития ассортимента химической и нефтехимической продукции в развитых странах номенклатура продукции российского химического комплекса выглядит весьма скудно и потребители вынуждены закупать прогрессивную продукцию, не производимую в стране, по импорту.

В 2013 г. импорт химической и нефтехимической продукции достиг 28 млрд долл. (9% общероссийских затрат на импорт), при этом примерно 60% этой суммы было затрачено на закупку дефицитной высокотехнологичной продукции (рис. 1–3).

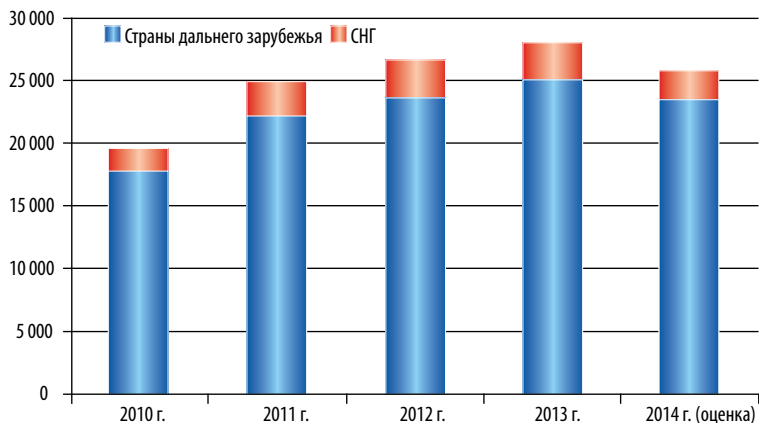

Рис. 1. Импорт продукции химического комплекса из стран дальнего зарубежья и стран СНГ, млн долл.

В товарной структуре импорта из стран Евросоюза – основного поставщика химической и нефтехимической продукции, много товаров малотоннажной химии, доли которых в общем объеме импорта невелики, однако за этими 1%, 1,5% и так далее стоят достаточно большие валютные затраты. Например, в 2013 г. мы закупили в Евросоюзе 14,7 тыс. т катализаторов, затратив 213,5 млн долл. И здесь важно отметить весьма парадоксальную ситуацию: мы закупаем катализаторы, в то время как в России есть собственный потенциал по выпуску столь необходимой для технологических процессов продукции. По-видимому, причина кроется в том, что при закупке технологий или по настоянию их владельцев, или по собственному желанию (из-за недоверия к отечественной продукции) российские компании берут на себя обязательство использовать катализатор только конкретной фирмы. И эта зависимость от зарубежных поставщиков катализаторов представляется крайне опасной в условиях действия санкций, имея в виду важность катализаторов для многих нефтехимических и химических процессов.

Естественно, возникает вопрос: почему мы все в большей степени закрываем потребности в высокотехнологичной химической и нефтехимической продукции за счет импорта? Однозначного ответа на этот вопрос

Почему российская химия зависит от импорта?

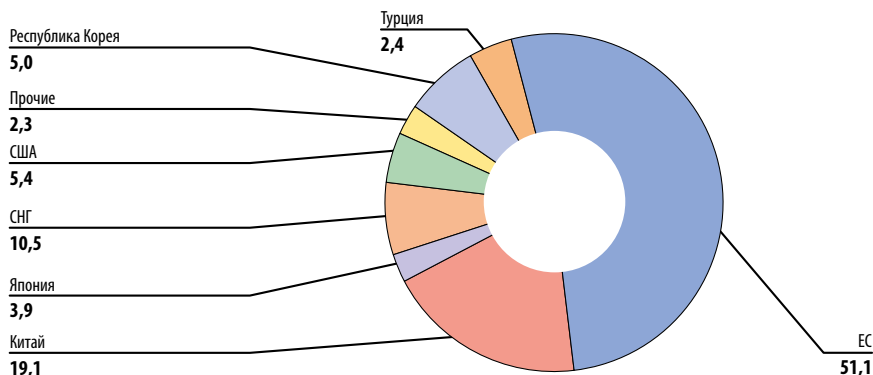

Рис. 2. Географическая структура импорта химической и нефтехимической продукции в 2013 г., %

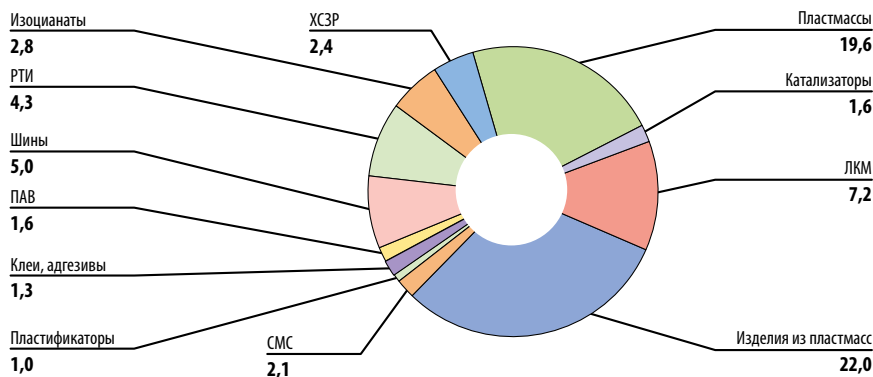

Рис. 3. Товарная структура импорта химической и нефтехимической продукции из стран ЕС в 2013 году, %

нет, но есть ряд причин, которые сформировали столь неблагоприятную ситуацию.

Во-первых, по причине варварской приватизации 1990-х гг. стали ненужными десятки химических и нефтехимических производств, в том числе производств по выпуску высокотехнологичной продукции, теперь закупаемой по импорту. Среди таковой – полибутилентерефталат (пластификатор), малеиновый ангидрид (используется в производстве ненасыщенных полиэфирных смол, моющих средств, стабилизаторов), гексахлорбензол (пестицид), кислота хлорсульфоновая (используется

в фармацевтике), кислота щавелевая (используется в бытовой химии и медицине) и т.д. В 2012 г. в ОАО «Татнефтехиминвест-холдинг» рассматривался вопрос о возможности строительства производства одного из отмеченных продуктов – малеинового ангидрида мощностью 40 тыс. т в год. Однако до настоящего времени вопрос о создании производства малеинового ангидрида не решен, хотя есть надежда на то, что рост курса доллара изменит положение и в России, наконец, появится проект по производству малеинового ангидрида, крайне необходимого для выпуска стеклопластика, используемого в композитных конструкциях.

Во-вторых, до настоящего времени мы пожинаем плоды приватизации отраслевых научно-исследовательских институтов и конструкторских центров, когда многие из них были переоборудованы под склады и практически были прекращены научные и конструкторские разработки по многим направлениям развития химической и нефтехимической промышленности. Примеров тому множество, и один из них – ФГУП «НИИШП» – некогда центр отечественной шинной науки. После приватизации институт был вынужден уступить основную часть земельных активов всевозможным арендаторам (в том числе под складские помещения) и, сжавшись до ООО «НТЦ «НИИШП», заниматься сертификацией шин иностранного происхождения. А все технологии, внедряемые в производство отечественной шинной промышленности, теперь поступают исключительно из-за рубежа, причем в среднем 10-летней давности.

Одним из важнейших факторов развития химии и нефтехимии является обеспеченность сырьем. Казалось бы, в нашей стране, богатой углеводородным и минеральным сырьем как ни одна другая страна мира, дефицит сырья невозможен. Однако на практике из-за желания получать прибыль без проблем, связанных с организацией производств по переработке сырья, сырьевые компании вывозят свою продукцию за рубеж, при этом химики, которые получают продукцию с добавленной стоимостью, нередко испытывают сырьевой дефицит. На многих дискуссионных площадках озвучивается нехватка в стране базового продукта – этилена, и все потому, что после ввода пиролизной установки в Нижнекамске (1976 г.), в стране не было построено ни одной новой мощности по выпуску этого нефтехимиката. До настоящего времени наращивание мощности по этилену осуществляется за счет реконструкции существующих установок пиролиза, например, реконструкции этиленового комплекса «Этилен-450»

Почему российская химия зависит от импорта?

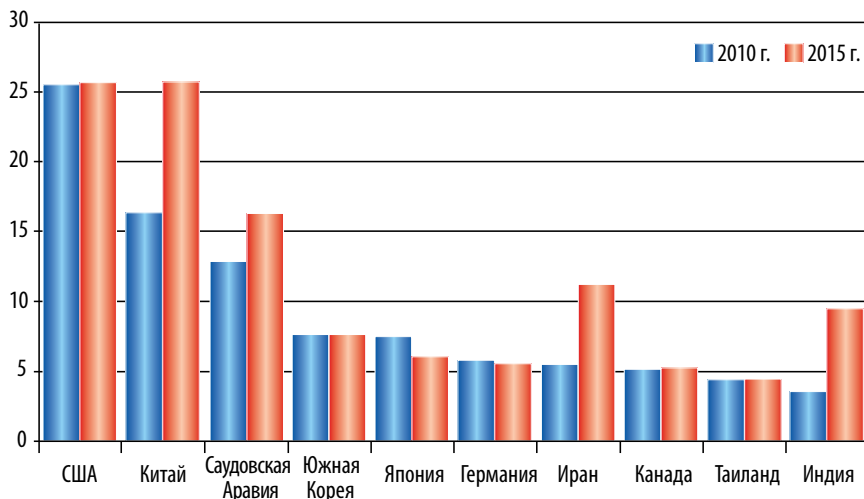

Рис. 4. Рост производства этилена в отдельных странах мира к 2015 г., млн т

в ОАО «Нижнекамскнефтехим» (Республика Татарстан) с наращиванием мощности с 450 до 600 тыс. т/год.

Суммарная мощность по этилену в России составляет 3,3 млн т, в то время как в Южной Корее – маленькой стране, не имеющей собственных углеводородных ресурсов, – этиленовые установки в сумме составляют 5,4 млн т, причем сырье проходит несколько стадий передела, до выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью. Поэтому неудивительно, что по объему произведенной химической продукции Южная Корея почти в полтора раза превосходит Россию (по данным за 2012 г. – 118,3 и 82,0 млрд долл. соответственно) и, что тоже следует отметить, успешно реализует ее на внешних рынках, в том числе на российском.

В соответствии с Планом развития газо- и нефтехимии на период до 2030 года, разработанным в Минэнерго России, дефицит мощностей пиролиза будет устранен, и использование сырья для нефтегазохимии увеличится в 4,3 раза: с 8,7 млн т в 2010 г. до 37 млн т к 2030. Но это в случае реализации заявленных проектов, а в условиях роста курса доллара и наложения санкций со стороны США и стран ЕС, являющихся основными владельцами химических и нефтехимических технологий, есть большая доля вероятности отказа от анонсированных проектов.

В современных реалиях для недопущения сырьевого дефицита в Рос-

сии введены вывозные пошлины на нефть и отдельные товары, вырабатываемые из нефти (нафту, сжиженные углеводородные газы, бензол, толуол, ксилолы), которые составляют от 22 до 27% внутренней цены на продукт, то есть вывозная пошлина является некоторым барьером для вывоза за рубеж. Тем не менее сырьевое обеспечение химических предприятий не всегда проходит гладко, причем не только на первичном этапе, но и на стадиях, когда в качестве сырья используется частично переработанная продукция, то есть полупродукт, который также может экспортироваться в ущерб потребностям внутреннего рынка и тогда образующаяся ниша заполняется импортом.

Возникающие дисбалансы можно списать на рыночные законы, позволяющие товаропроизводителю руководствоваться только собственными интересами. Однако в химии и нефтехимии более продуктивной является тактика взаимодействия товаропроизводителей, направленная на организацию единого технологического цикла по всей цепочке переработки сырья. По такой схеме работают крупнейшие компании мира, и в результате одна американская компания Dow производит продукции химии и нефтехимии столько же, сколько весь российский химический комплекс. А в нашей стране предприятия, составляющие единую технологическую цепочку, разделены по своей принадлежности к разным управленческим структурам: сырьевая часть, определяющая потенциал химической индустрии, передана Минэнерго России, химия передела – Минпромторгу России, отдельные производственные блоки курируют Минобороны России, Минсельхоз России, корпорация «Ростехнологии», РАН, Минобрнауки. Причем, в этом весьма хаотичном распределении ответственности бесхозными оказались такие важные блоки нефтехимии как «Шины» и «Резино-технические изделия» (РТИ).

В результате разобщенности предприятий химии и нефтехимии в стране нет единой стратегии действий ни в производственной, ни в научной сфере, утяжеляется ценовая линейка, создаются условия для проникновения неблагоприятного импорта, вытесняющего российский бизнес с собственного рынка. Пример – те же «бесхозные» шины. В 2013 г. доля импортной продукции на рынке шин для грузовых автомобилей и автобусов составила 46,2%, что втрое превышает уровень экономической безопасности, при этом 1/3 рынка заняли шины из Китая, которые поступают по демпинговым ценам и потому находят покупателя в ущерб

российскому товаропроизводителю. На рынке шин для легковых автомобилей доля импорта также высока (в 2013 г. – 44,6%), хотя позиции поставщиков шин из Китая здесь более слабые (6,8%). Беспокоит тот факт, что, несмотря на конкурентоспособность отечественных автомобильных шин относительно китайской продукции по потребительским параметрам, именно китайскими шинами по причине их более низких цен начали комплектовать автомобили российских марок. Такой способ снижения издержек производства автомобилей представляется неправильным, поскольку автомобильное производство субсидируется государством и при комплектовании отечественных моделей при сопоставимости потребительских качеств с иностранной продукцией приоритет должен отдаваться российским товарам.

Хотелось бы затронуть еще один важный фактор развития химии и нефтехимии: это поддержка отрасли государством. В Китае, например, в химии и нефтехимии функционируют две крупнейшие государственные компании – PetroChina и Sinopet, которые определяют стратегию развития отрасли и в 2013 году вывели ее на лидирующие позиции в мире. В этой стране химическая промышленность относится к приоритетной и по вкладу в ВВП уступает только машиностроению и текстильной промышленности (на уровне 10% против 1,6% в России).

Также в качестве приоритетной химическая индустрия выделена в Индии, которая в 2012 г. вошла в восьмерку крупнейших продуцентов химической и нефтехимической продукции. Доля отрасли в ВВП страны достигла 5%, что в значительной степени определяется господдержкой производителей. Так, в целях расширения инвестиционного процесса правительство одобрило 100%-е иностранное инвестирование, выделило 4 региона для кластерного развития нефтепереработки, химии и нефтехимии, увеличивает расходы на НИОКР (к 2017 г. планируется довести затраты на НИОКР в химии и нефтехимии до 17 млрд долл.).

В Саудовской Аравии, которая также набирает темпы в развитии химии и нефтехимии, при реализации нефтехимических проектов государство предоставляет налоговые каникулы на 10 лет (!), гарантирует обеспеченность дешевым сырьем со стороны государственных компаний Saudi Aramco и SABIC, а также государственные займы на выпуск продукции с высокой степенью передела сырья на условиях покрытия 50% общей стоимости проекта из специально созданного Фонда промышленного развития.

В России химическая промышленность не входит в перечень приоритетных отраслей и российским химикам и нефтехимикам можно только мечтать о подобных мерах господдержки. Вместе с тем, в последнее время в законодательном поле наконец-то появились документы, касающиеся мер господдержки промышленности, в том числе химической отрасли. Так, Правительство РФ утвердило критерии предоставления госсубсидий предприятиям химического комплекса по кредитам, выданным на реализацию проектов в области переработки пластмасс. Согласно документу, подписанному в январе 2014 г. Д.А. Медведевым, к субсидированию будут приниматься проекты с объемом капвложений по от 1,5 до 5 млрд руб., при этом не менее 50% должно приходиться на покупку оборудования.

Должно получить практическое развитие и другое распоряжение правительства (№1651-р от 28 августа 2014 г.) о создании в России Фонда развития промышленности, основной задачей которого является выдача займов предприятиям на этапе предбанковского финансирования. Речь идет о финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, технико-экономических и финансово-экономических обоснований, проектно-изыскательских работ, что, безусловно, будет содействовать активизации процесса импортозамещения и внедрению в производство отечественных инновационных разработок.

Складывающиеся в стране экономические реалии требуют создания нового законодательного инструментария промышленной политики. Именно таким инструментом должен стать разработанный в Минпромторге России закон «О промышленной политике в Российской Федерации», который в первом чтении принят в Государственной думе 7 октября 2014 г. и в настоящее время готовится ко второму чтению.

Закон «О промышленной политике в Российской Федерации» направлен на создание основы для проведения в России единой промышленной политики на федеральном и региональном уровнях, в различных отраслях экономики, вводит необходимые определения, нормы и правила реализации мер стимулирования промышленной деятельности.

Намечаемые действия по поддержке промышленности вселяют надежду на то, что взаимодействие бизнеса и государства выправят те изъяны, которые сформировались в химическом комплексе в соответствии с условиями развития российской экономики.

Химическая промышленность России: что тормозит развитие?

Опубликованная в журнале «Промышленная политика в Российской Федерации», № 04–06, 2015, статья вызвала широкую дискуссию в химическом сообществе, в том числе на целом ряде конференций и круглых столов, организованных Российским Союзом химиков.

В 2015 году химическое сообщество отмечает 100-летие со дня рождения Л.А. Костандова, талант и блестящие организаторские способности которого позволили вывести химическую промышленность СССР на передовые рубежи. У него был лозунг: «Какова химия – такова жизнь». Это очень точное определение значимости химии в развитии общества, поскольку химическая и нефтехимическая продукция востребована практически во всех сферах человеческой деятельности и в существенной степени определяет инновационное развитие любого государства.

В настоящее время химическая промышленность России почти на 100% приватизирована, однако вклад отрасли в подъем экономики из-за весьма анархичной распродажи госимущества существенно ниже потенциально возможного и требуемого глобальными преобразованиями общества. Об «эффективности» приватизации химической промышленности свидетельствует тот факт, что по индексу производства российская химическая промышленность только к 2012 г. вышла на уровень 1990 г., при этом в некоторых секторах произошел обвал производства. Так, в 2014 г. объем производства в одном из крупнейших секторов – промышленности химических волокон и нитей – сократился в шесть раз (!) и составил всего 17% от уровня 1990 г., практически исчез сектор производства кинофототоваров, пестицидов, химических реактивов и т.д.

Для новых хозяев химических заводов наиболее приоритетными стали производства продукции низкой степени передела сырья, неслож-

Химическая промышленность России: что тормозит развитие?

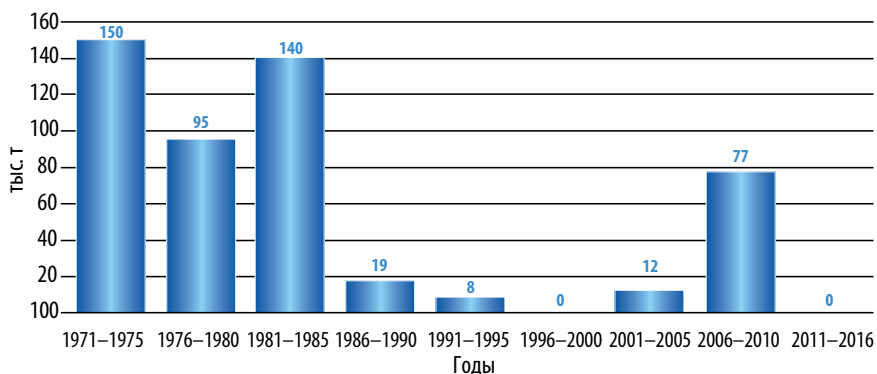

Рис. 1. Вводы мощностей по выпуску химических волокон и нитей по пятилетним периодам, тыс. т

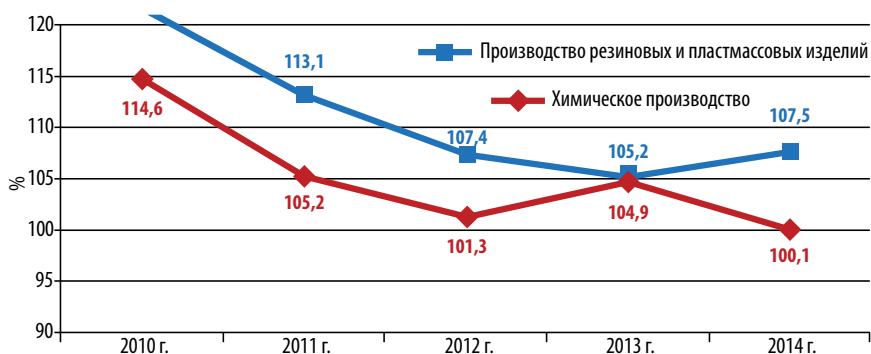

Рис. 2. Индексы производства химической и нефтехимической продукции, %

ной в технологическом плане и обеспечивающей быструю финансовую отдачу. В результате капиталоемкие высокотехнологичные проекты были вне интересов бизнеса более 15 лет. В качестве примера на рис. 1 показаны вводы мощностей по выпуску химических волокон и нитей, технология производства которых многостадийна, а проекты имеют большие сроки окупаемости.

Высокотехнологичная малотоннажная химия, требующая обновления технологий и оборудования, также оказалась за бортом интересов частных лиц, а государство практически устранилось от вопросов ее

сохранения и развития. В результате внутренний спрос на огромный ассортимент высокотехнологичных химикатов (пестицидов, красителей, текстильно-вспомогательных материалов, пластификаторов, кинофото-товаров и др.) в значительной степени удовлетворяется за счет импорта и вполне закономерно, что на мировом рынке химикатов Россия является поставщиком продукции низких и средних этажей передела сырья и, напротив, покупателем высокотехнологичной продукции. Получается, что мы поставляем сырье, которое после переработки возвращается на российский рынок в виде продукции с высокой добавленной стоимостью: каучуки – в виде шин, пластмассы – в виде полимерных изделий, органические полупродукты (метанол, капролактамы, моноэтиленгликоль и др.) – в виде кордных тканей, растворителей, пластмасс и т.д.

Химический комплекс на 70% работает на другие сектора экономики, и без преувеличения можно констатировать, что химические продукты и технологии являются драйверами развития многих секторов экономики (автомобилестроения, строительства, электроники, сельского хозяйства и др.) и в значительной степени обеспечивают конкурентоспособность российской экономики и национальную безопасность страны. Вместе с тем темпы развития отрасли после некоторого «взлета» в 2010 г. (после кризисных значений в 2009 г.) начали снижаться (рис. 3) по причинам как общеэкономического, так и отраслевого характера.

Среди системных проблем, тормозящих развитие химического комплекса, основными являются следующие:

Несмотря на вводы новых мощностей и модернизацию действующих в химическом комплексе износ основных фондов и оборудования остается высоким: в среднем по отрасли – 43,6%, при этом даже в наиболее благополучном секторе – секторе производства минеральных удобрений – этот показатель составляет 47,4%. Собственники многих производств максимально эксплуатируют доставшееся от советских времен оборудование без вложений средств на модернизацию и при минусовой рентабельности прекращают их функционирование. Так, прекратили производственную деятельность такие крупные предприятия, как Волгоградское ОАО «Химпром» и ОАО «Усольехимпром» (Иркутская область), закрылся ряд хлорперерабатывающих производств в г. Стерлитамак (Башкирия), при этом производимая на этих объектах продукция стала закупаться по импорту (перхлорэтилен, полибутилентерефталат, монохлоруксусная кислота и др.).

Закрытие этих объектов и освобождение занимаемых площадей обнажило еще одну проблему негативного звучания. Имеется в виду зараженность земель химическими продуктами за многие годы работы установок в напряженном режиме. Процессы рекультивации высокочрезвычайно и, на наш взгляд, должны решаться исключительно государственными структурами.

Высокий износ основных фондов и оборудования, а также устаревшие технологии не позволяют химическим предприятиям работать на достойном уровне рентабельности и выдерживать конкуренцию с зарубежными поставщиками химической и нефтехимической продукции. Доля импортной продукции на российском рынке химической и нефтехимической продукции находится на уровне 33–36%, при этом в отрасли достаточно много товаров, для которых импортная компонента превышает порог экономической безопасности, в том числе есть рынки, на которых импортная продукция составляет 80 и даже 100%. В 2014 г. импорт химической и нефтехимической продукции составил 25,5 млрд долл. (рис. 3), из них почти 15 млрд долл. (рис. 4) затрачено на закупку продукции высшего передела – химических средств защиты растений, лакокрасочных материалов, кинофотоматериалов, изделий из пластмасс, химических волокон и нитей, кордной ткани, товаров бытовой химии, клеев и др.

Хотелось бы особенно отметить необходимость импорта дорогостоящих клеев, востребованных, в том числе, в мебельной промышленности и увеличивающих стоимость и без того дорогой мебели.

Таким образом, российские инвесторы теряют прибыль, которую могли бы получать от переработки химикатов сырьевого назначения (в том числе поставляемых за рубеж), а страна – в капкане экономической зависимости от зарубежных поставщиков.

При анализе импорта химической и нефтехимической продукции (а это 9% общероссийских валютных затрат) невольно возникает вопрос: «Насколько опасна зависимость от зарубежных поставок? Что делать, чтобы вектор инвестиционно-инновационного развития, обозначенный в Стратегии развития химической и нефтехимической промышленности России, стал устойчивым и вывел отрасль на достойные рубежи, а химики смогли существенно увеличить свой вклад в ВВП?» (для справки, в Китае доля отрасли в ВВП – около 10% против 1,4–1,6% в России).

На наш взгляд, ответить на эти вопросы может только отраслевая

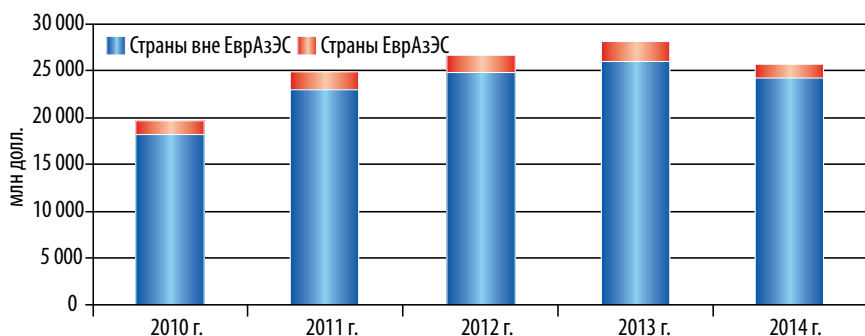

Рис. 3. Импорт химической и нефтехимической продукции, млн долл.

наука. Однако отраслевые научно-исследовательские институты (НИИ) химического комплекса, также подвергшиеся приватизации, или многократно сократились, сузив тем самым сферы своих научных разработок, или полностью ликвидированы. Во многих случаях новых собственников НИИ интересовали исключительно недвижимые активы, которыми в советские времена химики были наделены весьма щедро. Например, Государственный научно-исследовательский и проектный институт азотной промышленности и продуктов органического синтеза (ГИАП) занимал несколько зданий в районе Садового кольца г. Москвы и имел пять филиалов в гг. Новгород, Дзержинск, Тольятти, Новомосковск, Гродно. Мощнейшая головная научная организация азотной промышленности, спроектировавшая и запустившая в эксплуатацию более 200 агрегатов по выпуску целого ряда химической продукции, после приватизации фактически прекратила свое существование. В некогда хорошо оснащенных научных лабораториях расположились «Агентство недвижимости», туристическая фирма и тому подобные компании.

Такая же участь постигла другой институт химического комплекса – ФГУП НИИ «Синтез» с КБ, г. Москва, усилиями которого были разработаны передовые технологии и создано свыше двухсот различных производств органических и хлорорганических соединений в нашей стране и за рубежом. Институт структурно состоял из научной и проектной частей и опытных заводов, т.е. охватывал весь цикл научных, технологических и проектных работ с их опытной проверкой и отработкой.

Перечень сокращенных/закрытых НИИ в химическом комплексе

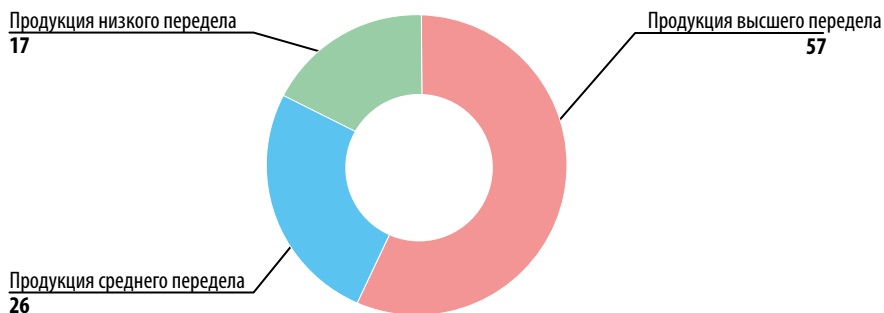

Рис. 5. Структура импорта химической и нефтехимической продукции, %

можно продолжить, но важен сам факт их сокращения/закрытия в отрасли, восприимчивой к технологическим инновациям. По нашему мнению, оскудение научного крыла химического комплекса в значительной степени определило высокую зависимость от импорта, причем не только на рынке высокотехнологичной продукции, но и на рынке технологий и оборудования.

Стратегия развития химической и нефтехимической промышленности определила инновационный курс развития отрасли, и за последние 10 лет реализован целый ряд инновационных проектов, укрепивших как производственный, так и экспортный потенциал химического комплекса. Однако практически все новые мощности из-за провала собственных разработок были созданы по зарубежным технологиям. Более того, из-за ликвидации Министерства химического машиностроения новые проекты уже традиционно реализовываются на базе импортного оборудования (закупаются насосные системы, теплообменники и др.), т.е. и в этой области мы имеем зависимость от зарубежных компаний.

Затрагивая такую злободневную проблему, как зависимость от импорта, следует отметить, что ее решение требует участия как минимум трех сторон: химиков, предлагающих импортозамещающий проект, потребителей продукции и инвесторов, причем потребители тоже могут быть инвесторами. Важнейшей составляющей данного процесса должна стать господдержка, причем не по всем проектам, а по наиболее приоритетным и критичным.

Государственные субсидии – очень действенная мера поддержки

бизнеса и поэтому меры, анонсируемые государственными структурами по поддержке импортозамещающих проектов, внушают некоторый оптимизм. Особенно хотелось бы отметить появившуюся возможность получения госсубсидии на проведение НИОКР в рамках инвестиционного проекта, в том числе импортозамещающего. В 2014 г. в Минпромторге России впервые ввели так называемые возвратные субсидии, когда в рамках инвестиционного проекта средства предоставляются на компенсацию затрат на НИОКР, но если исполнитель не достигает заранее обозначенных индикаторных показателей, то субсидия или возвращается обратно государству, или накладываются штрафные санкции за недостижение результата.

В марте 2015 г. в Минпромторге был утвержден План мероприятий по импортозамещению в отрасли химической промышленности Российской Федерации, в который включены проекты по выпуску химической и нефтехимической продукции 35 наименований, причем потребности большинства из них до настоящего времени удовлетворяются исключительно за счет импорта. Хотелось бы верить, что процесс импортозамещения не ограничится отмеченной в приказе Минпромторга № 646 от 31 марта 2015 г. номенклатурой химической и нефтехимической продукции и при активной поддержке со стороны государства будет расширен.

Вместе с тем роль государства в развитии отрасли не ограничивается выделением субсидий. Важна его координирующая роль, что в условиях разделения ответственности за химию и нефтехимию, являющихся единой технологической цепочкой, по трем министерствам – Министерством промышленности и торговли, Министерством энергетики и Министерством сельского хозяйства – создает массу проблем (в том числе приводит к сырьевому дефициту) и снижает эффективность инновационного развития отрасли.

Представляется целесообразным формирование единого отраслевого регулирующего органа, что, на наш взгляд, позволило бы нивелировать межведомственные разногласия и более четко формировать инновационно-инвестиционную стратегию развития российского химического комплекса.

Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 г.: цели и реалии

Статья опубликована в журнале «Вестник химической промышленности», № 2, 2017. В ней, в частности, рассказывается о приглашении к разработке важнейшего документа развития химической отрасли странной, если не сказать больше, консалтинговой фирмы Strategy Partners Groups, и к чему привело подобное решение. В свете сегодняшних реалий те давние события приобретают совсем иной, я бы сказал зловещий, смысл...

В 2013 г. Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев дал поручение Минпромторгу России разработать с привлечением ведущих экспертов Стратегию развития химической промышленности до 2030 г.

К исполнению данного поручения была привлечена малоизвестная в химическом сообществе компания Strategy Partners Groups, слабо представляющая на тот момент специфические особенности отрасли, поставляющей свою продукцию практически во все сферы экономики и быта – автомобилестроение, сельское хозяйство, строительство, легкая промышленность, пищевая промышленность, военно-промышленный комплекс (ВПК) и др. Подготовленный данной компанией проект Стратегии обсуждался на многих дискуссионных площадках химического сообщества и был критически оценен рядом отраслевых специалистов. Отдельные замечания были учтены и скорректированы, в том числе был расширен сегмент сырьевого обеспечения отрасли в соответствии с Планом развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 г.

После определенных корректировок Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 г. была утверждена

приказом Минпромторга России и Минэнерго России от 8 апреля 2014 г. № 651/172.

В соответствии с Планом мероприятий по реализации Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 г. в Минпромторге России в 2015 г. был проведен мониторинг Стратегии, который показал значительные расхождения реальных показателей развития химического и нефтехимического комплекса от целевых показателей. Это было связано как изменениями в экономике России в связи с наложением на страну экономических санкций, так и недостаточным профессионализмом разработчиков.

Для придания внесению поправок и самому документу необходимой мобильности по приказу Минпромторга России № 33 и Минэнерго России № 11 от 14 января 2016 г. в Стратегию развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 г. разработчиком первичной версии, компанией Strategy Partners Groups, были внесены изменения, учитывающие состояние российской экономики и перспективы развития отечественной промышленности, обозначенные в Государственной программе «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 323).

Что же показал мониторинг обновленной Стратегии, проведенный в ОАО «НИИТЭХИМ» по показателям развития химических и нефтехимических производств в 2015 и 2016 гг.?

Прежде всего один из основных целевых показателей – «Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по химическому комплексу (в действующих ценах)» – в 2015 г. превысил показатель, заданный в Стратегии, на 674,6 млрд руб., а в 2016 г. – на 595,8 млрд руб. и составил 3 514,8 млрд руб.

Причем в Стратегии отгрузка товаров по химическому комплексу представлена только одним целевым показателем, в то время как Росстат подразделяет химический комплекс на подраздел DG «Химическое производство» и подраздел ДН «Производство пластмассовых и резиновых изделий». В результате включения в Стратегию только суммарного показателя отгрузки не представилось возможным проследить развитие каждого из подразделов химического комплекса, хотя подраздел ДН включает производство мало- и среднетоннажной химии, которая вырабатывает

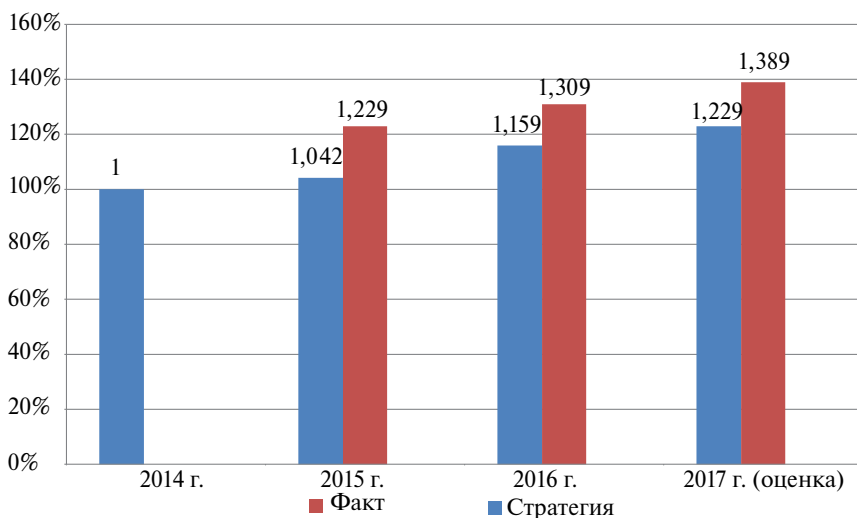

Рис. 1. Индексы роста объемов производства продукции химического комплекса в % к 2014 г. (в действующих ценах)

в основном высокотехнологичную продукцию, и развитие именно этого сектора химического комплекса должно быть в особенном фокусе.

Превышение объема отгрузки товаров относительно целевого показателя предопределило превышение индекса роста объема производства продукции химического комплекса (рис. 1).

Превышение в 2015–2016 гг. основных целевых показателей Стратегии обусловлено увеличением физического объема производства продукции за счет ввода новых модернизации ряда действующих производств, а также ростом цен на многие виды химической продукции.

Значительное расхождение с целевыми показателями отмечено и в сфере инвестирования химических проектов: в 2015 г. реальный показатель (в ценах 2014 г.) превысил целевой на 107,76 млрд руб. (на 44,7%), в 2016 г. – на 36,4 млрд руб. (на 10,6%) и составил 381,4 млрд руб. против 348,76 млрд руб. в предыдущем году.

Отмеченные выше отклонения целевых и реальных показателей развития химического и нефтехимического комплекса демонстрируют более позитивный тренд развития отрасли относительно заложенного в Стратегии и дают основание предполагать, что и в среднесрочной перспективе

тенденция превышения объемов выпуска химической и нефтехимической продукции целевых показателей сохранится. Согласно оценке ОАО «НИИТЭХИМ» в 2017 г. объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами в химическом комплексе составит 3 755 млрд руб., что будет выше целевого показателя Стратегии на 661 млрд руб. (на 21,3%).

Среди других целевых показателей развития химического и нефтехимического комплекса хотелось бы особо остановиться на показателях внешнеэкономической деятельности отрасли.

Известно, что химическая и нефтехимическая промышленность России является экспортоориентированной: на экспорт поставляется более 1/3 производимой продукции, а доля валютных поступлений от поставок химической и нефтехимической продукции в общероссийском экспорте составляет примерно 5%.

Вместе с тем на импорт химической и нефтехимической продукции приходится до 9% общероссийских валютных затрат, причем, несмотря на экономические проблемы и рост курса доллара в 2016 г., импорт продукции химического комплекса увеличился на 1,6 млрд долл. (на 8,6%) и сальдо внешнеторгового баланса стало отрицательным: дефицит составил 1,5 млрд долл.

Доля импорта в потреблении химической и нефтехимической продукции? много лет находится на уровне 35–40%, в связи с чем проблема импортозамещения в отрасли стоит весьма остро. В Стратегии же целевой показатель «доля импорта в структуре потребления продукции химического комплекса» по непонятным причинам представлен нереально низкими значениями, находящимися на уровне здоровой рыночной конкуренции (см. таблицу).

В то же время в Стратегии выделен такой целевой показатель, как «импорт в структуре потребления продукции химического комплекса глубокой переработки», расчет которого, однако, весьма условен из-за отсутствия расшифровки показателя «продукция химического комплекса глубокой переработки» и сравнить его с реальными данными не представляется возможным.

Мониторинг другого целевого показателя — «потребление химической продукции на душу населения», выраженного в килограммах, — еще более проблематичен. Продукция химического комплекса, как известно,

Доля импорта в потреблении химической и нефтехимической продукции в 2014–2016 г., %

	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Стратегия	15,7	14,1	13,6
Факт	36,8	35,4	37,0

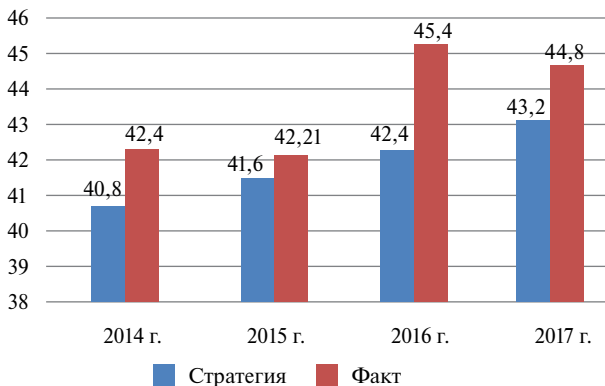

Рис. 2. Потребление минеральных удобрений (в пересчете на 100% пит. в-в), кг/га

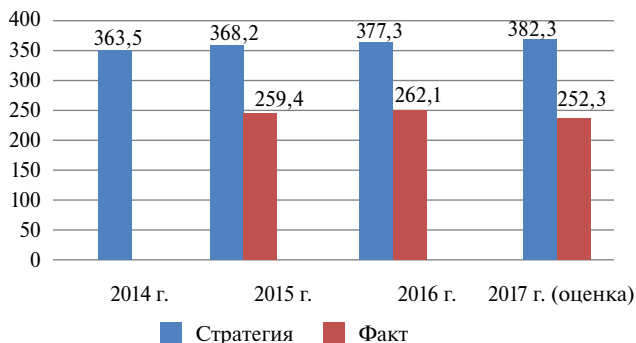

Рис. 3. Потребление шин для легковых и легкогрузовых автомобилей, шт./тыс. чел.

исчисляется разными единицами: газы — в куб. м; шины, резинотехнические и пластмассовые изделия — в шт., пленки — в кв. м, поэтому, несмотря на существующие не более чем ориентировочные коэффициенты пересчета данных единиц измерения в килограммы, нет смысла вводить весьма приблизительный показатель «потребление химической продукции на душу населения», выраженный в килограммах, в качестве целевого. Более приемлемыми являются представленные в Стратегии показатели душевого потребления отдельных химических продуктов, выраженные в единых единицах измерения.

На рис. 2 и 3 в качестве примера представлены целевые и фактические показатели потребления такой крупнотоннажной химической и нефтехимической продукции, как минеральные удобрения (в кг/га) и шины для легковых и легкогрузовых автомобилей (в шт./тыс. чел.).

Согласно мониторингу Стратегии в 2016 г. фактическое потребление минеральных удобрений в расчете на гектар превысило целевой показатель на 7%, что свидетельствует о положительной динамике развития внутреннего рынка минеральных удобрений. Действительно, в 2016 г. российские аграрии приобрели минеральных удобрений на 300 тыс. т больше относительно предыдущего года (всего 2,815 млн т) и этот прирост определялся прежде всего господдержкой аграриев со стороны государства, увеличением их платежеспособности. Немаловажную роль играет тот факт, что производители минеральных удобрений активно развивают собственные торговые сети, что позволяет снижать издержки, возникающие при задействовании посреднических услуг, и таким образом повышать объемы продаж.

Вместе с тем удивляет изначально низкий уровень потребления минеральных удобрений, заложенный в Стратегию вплоть до 2030 г.: 45–55 кг/га (в пит. в-в). Применение 1 кг минеральных удобрений обеспечивает прирост урожайности зерновых на 8–12 кг, масличных культур — на 4–8, корне- и клубнеплодов — на 30–50 кг и т.д. Количество вносимых минеральных удобрений на 1 га пашни свидетельствует об уровне интенсивности земледелия. Лидером здесь является Китай, где потребление составляет 488 кг/га (в пересчете на действующее вещество, д.в.), т.е. в России вносится минеральных удобрений на порядок меньше. Более того, даже в Беларуси показатель потребления минеральных удобрений составляет 288 кг/га (в пересчете на д.в.), что более чем в пять раз выше

целевого показателя действующей Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса.

Что касается душевого потребления шин для легковых и легкогрузовых автомобилей, то большой разрыв реальных данных от целевых показателей определяется сужением российского рынка автомобилей: в 2016 г. – на 11% и это в условиях существенной поддержки со стороны государства.

Обращает на себя внимание еще один целевой показатель Стратегии – «доля объемов выпуска продукции глубокой переработки в структуре выпуска химического комплекса в натуральном выражении», поскольку непонятно, что означает «в натуральном выражении», и если имеется в виду весовое исчисление, то для химического комплекса показатель объема производимой продукции в весовом исчислении по вышеотмеченным причинам весьма условен и не может быть целевым.

В настоящее время на многих дискуссионных площадках затрагивается проблема развития малотоннажной химии, которая в российском химическом комплексе находится в положении «нелюбимой падчерицы», хотя именно эта продукция крайне необходима для инновационного развития российской экономики и в значительной степени определяет многомиллиардные затраты на импорт продукции химического комплекса.

В Стратегии понятие «малотоннажная химия» отсутствует, хотя в некоторых разделах рассматривается «спецхимия», которая в зарубежных информационных изданиях действительно представляет малотоннажную химическую продукцию, но в России ассоциируется с продукцией, используемой исключительно в ВПК.

Справедливости ради, следует отметить, что проблема развития малотоннажной химии включена в План мероприятий по реализации Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 г. (наряду с включением в этот План дорожных карт по развитию подотрасли переработки пластмасс, лакокрасочных материалов, минеральных удобрений, шин, искусственных и синтетических волокон и нитей). В декабре 2016 г. проект дорожной карты по развитию производств малотоннажной химии на период до 2030 г., подготовленный специалистами компании Strategy Partners Group на базе предложений со стороны более 100 предприятий химического комплекса, был представлен на рассмотрение в Минпромторг и в целом получил одобрение экспертов.

Этой же компанией подготовлен к рассмотрению проект дорожной карты по развитию производства минеральных удобрений до 2025 г. Данный сектор химического комплекса имеет высочайшую экспортную компоненту (80% и более), в то время как в российском земледелии потребление минеральных удобрений не отвечает общемировым стандартам. Важно, чтобы в дорожной карте развития производства минеральных удобрений, точнее – Плана мероприятий по развитию производства минеральных удобрений, учитывались потребности не только агропромышленного комплекса (АПК), но и фермерских хозяйств.

***

Мониторинг Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса до 2030 г. показал весьма существенные расхождения целевых и фактических показателей развития отрасли в 2015–2016 гг. как положительного, так и негативного характера, т.е. документ, на разработку которого затрачено более 10 млн руб., уже в настоящее время перестал служить ориентиром для инновационного развития химической и нефтехимической промышленности.

Этот факт предопределяет необходимость разработки новой Стратегии, и в Минпромторге в 2018 г. предусматривается разработка новой, и пролонгированной уже до 2035 г., Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса.

Пока неизвестно, кто будет разработчиком этой Стратегии, но хотелось бы пожелать, чтобы новый документ был разработан на более высоком профессиональном уровне, определил приоритеты развития химической и нефтехимической промышленности в целом и по отдельным секторам и стал действенным ориентиром развития отрасли, в значительной степени определяющей уровень инновационного развития страны.

Глубокая переработка газа и нефти как ключ решения проблемы импортозамещения в области химии и нефтехимии

Актуальность этой статьи, опубликованной в «Вестнике химической промышленности», № 6, 2016 г., чрезвычайно возросла в 2022 г., когда российское производство нефти и газа пребывает в двух шагах от мирового эмбарго, а запрет на продажу энергетического сырья в Европу может стать реальностью. НИИТЭХИМ задолго до нынешних событий разработал концепцию использования богатств отечественных недр во благо всей промышленности РФ.

Проблема глубокой модернизации российской экономики, развития в ней инновационных направлений перешла в фазу принятия системных решений.

Одним из решений, направленных на инновационное развитие отечественной экономики, представляется развитие газохимии. В нашей стране сосредоточена почти 1/3 мировых запасов газа, причем примерно 40% – так называемый «жирный», т.е. этаносодержащий газ, и неиспользование этого щедрого дара природы в условиях, когда российская нефтегазовая отрасль практически исчерпала экспортно-сырьевой вектор развития, выглядит более чем нерациональным. Отмечу, что стали известны случаи, когда в европейских странах из российского газа, получаемого по долгосрочным контрактам, проводится интенсивный отбор «этановой составляющей» для его передела в высокотехнологичную продукцию.

По оценкам экспертов, к 2035 г. спрос на природный газ возрастет почти на 50%, при этом крупнейшие газовые компании мира все в большей степени ориентируются не на добычу и экспорт газа, а на его переработку в химическую продукцию, обеспечивающую им более высокие прибыли.

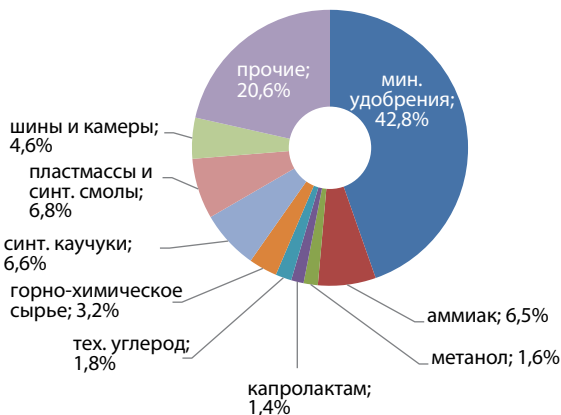

Рис.1. Товарная структура экспорта химической и нефтехимической продукции в 2015 г.

В России до настоящего времени в газохимический сектор поступает не более 5% общего потребления газа, при этом степень его переработки невысока. Основными продуктами передела газа в газохимическом производстве являются продукты первого передела – аммиак и метанол, которые, хотя и входят в экспортную номенклатуру химического комплекса (рис. 1), не могут рассматриваться как достижения отечественной газохимии. Более того, за рубежом они становятся сырьем для дальнейшего передела и далее в виде продукции с высокой добавленной стоимостью возвращаются в Россию, т.е. мы отдаем прибыль зарубежным компаниям.

В План-2030 Минэнерго России заложен рост производства углеродородного сырья в 1,7 раза, при этом его использование в нефтегазохимии должно возрасти в 3,1 раза. Возникает вопрос: что следует производить, чтобы получать хорошую прибыль и выдерживать конкуренцию со странами, активно наращивающими производственный и экспортный потенциал в области химии и нефтехимии? Это прежде всего Китай, который уже стал основным поставщиком химической и нефтехимической продукции и которому в соответствии с контрактом «Газпрома» по трубопроводу «Сила Сибири» ежегодно будет поставляться до 38 млрд куб. м природного газа, в том числе есть вероятность прокачки «жирного газа», содержащего C_2 и гелий!

Сегодня российский химический комплекс производит в основ-

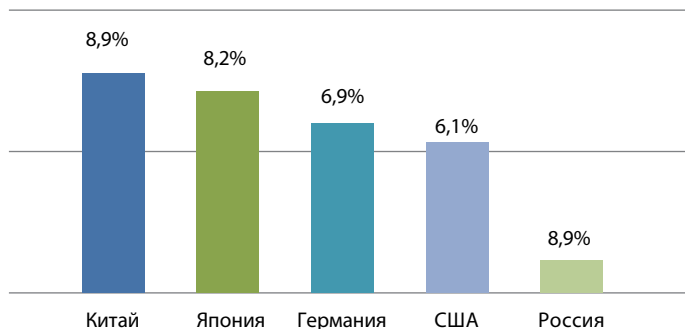

Рис. 2. Доля химического и нефтехимического комплекса в ВВП страны, %

ном крупнотоннажную химическую и нефтехимическую продукцию с невысокой добавленной стоимостью. В результате доля химии и нефтехимии в ВВП страны на уровне 1,5%, в то время как в ведущих странах мира за счет выпуска высокотехнологичной химической и нефтехимической продукции этот показатель в разы больше (рис. 2). Причем в некоторых странах вклад химической индустрии в ВВП страны оценивается кумулятивным показателем, определяемым уровнем химизации экономики. В Китае, например, такой показатель составляет 30% ВВП (!), в США – 28% ВВП (!) и т.д., т.е. выпуск высокотехнологичной химической и нефтехимической продукции высоко прибылен и должен стать приоритетом развития нефтегазохимии в России.

Общеизвестно, что рост глубины переработки сырья увеличивает доходность (рис. 3), т.е. напрямую ведет к увеличению ВВП.

При этом важно отметить, что глубокая переработка газа, продолжение продуктовой линейки до выпуска высокотехнологичной продукции позволяет получать не только более маржинальную продукцию, но и продукцию, которую мы импортируем.

В Минпромторге и Минэнерго утверждены Планы мероприятий по импортозамещению в химической и нефтехимической промышленности. Планы включают проекты производства продукции с высокой долей зависимости от импорта. Но перечень химической и нефтехимической продукции, в которой остро нуждается российский рынок, много шире, и в НИИТЭХИМе к настоящему времени разработан перечень продук-

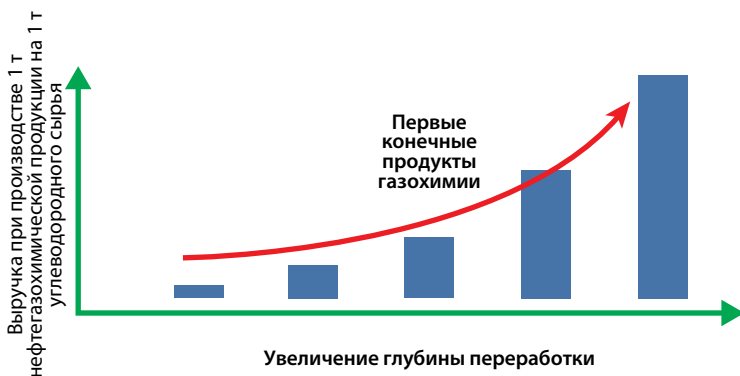

Рис. 3. Зависимость доходности от уровня глубины переработки сырья

ции, по которой целесообразно строительство импортозамещающих производств с формированием экспортного потенциала. Однако хотеть — не значит иметь. Важно найти инвестора, заинтересовать в производстве химической и нефтехимической продукции крупный бизнес и в первую очередь — энергосырьевые компании, как это происходит во многих странах мира.

Действительно, в современном мировом хозяйстве обозначился тренд формирования универсальных компаний, включающих всю «вертикаль» от добычи энергосырья до нефтегазохимических производств, что повышает их устойчивость и капитализацию. Так, в суммарной выручке Exxon Mobil, BP, Total, Shevron и других крупных энергосырьевых компаний мира на нефтегазохимию приходится уже более 10%. Такую же тактику использует государственная компания Sinopec, Китай.

У российского «Газпрома» есть «дочка» — компания «СИБУР», которая успешно расширяет свой бизнес за счет увеличения глубины переработки газового сырья. Имея дешевое сырье, «СИБУР» развивает производство пластмасс (ПЭ, ПП, ПЭТФ) с их последующей переработкой в изделия, что в значительной степени способствует решению проблемы импортозамещения (например, импорт ПВХ сократился вдвое).

Необходимо шире использовать мировой опыт и встраивать производство химической и нефтехимической продукции непосредственно в энергосырьевые компании. Отдельные энергосырьевые компании (например, «Татнефть») уже начали такое встраивание путем приобретения

действующих химических и нефтехимических производств. При этом полагаем, что принципом единой стратегии развития нефтегазодобычи и переработки углеводородного сырья до нефтегазохимической продукции должно стать доминирование выпуска высокотехнологичной продукции, закупаемой по импорту и необходимой для развития отраслей-потребителей – строительства, машиностроения, легкой промышленности и т.д., т.е. необходима увязка стратегий развития нефтегазохимии и отраслей-потребителей.

Разработка такой увязки записана в План мероприятий по реализации Стратегии развития химического и нефтехимического комплекса (утвержден распоряжением Правительства РФ от 18 мая 2016 г. № 954-р). И было бы логичным включить эту проблему в Технологическую платформу «Глубокая переработка углеводородных ресурсов», основной задачей которой является разработка путей перехода нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности на принципиально новый уровень развития.

Особое внимание следует обратить на организацию производств малотоннажной химии, доля которой в выпуске химического комплекса России составляет не более 5% против 28–33% в развитых странах, при этом доля импорта в потреблении такой продукции составляет 70–100%.

В Минпромторге разработана концепция развития малотоннажной химии, которая может стать ориентиром для энергосырьевых компаний, нацеленных на выпуск маржинальной химической и нефтехимической продукции.

Далее посмотрим, как государство планирует помогать промышленному бизнесу.

Одним из актуальных инструментов новой промышленной политики является механизм специнвестконтракта (СПИК), который задает заранее понятные правила игры для инвесторов и стабилизирует действующие условия ведения бизнеса на срок до десяти лет.

В рамках специнвестконтрактов за инвесторами (как российскими, так и зарубежными) закрепляется обязательство повышать технологический уровень и наращивать локализацию в нашей стране, взамен предоставляя долгосрочные гарантии и преференции на федеральном и региональном уровнях.

СПИК позволяет обеспечить баланс интересов бизнеса и государства, это как бы «мостик» между интересами федерации, регионов и бизнеса.

Правительство России предлагает также механизмы государственных гарантий по кредитам и займам на инвестпроекты (постановления от 14.12.2010 №№ 1016 и 1017) и субсидирование части затрат на НИОКР (постановление от 30.12.2013 г. № 1312).

Финансовым центром господдержки инвестпроектов на федеральном уровне является созданный в Минпромторге России в 2014 г. Фонд развития промышленности (ФРП). Он выдает крупным промышленным инвестпроектам кредиты под 5% годовых, выдает займы на первый взнос по лизингу, поддерживает Государственную информационную систему промышленности.

Вместе с тем на 2016 г. ФРП выделил на поддержку инвестпроектов только 20 млрд руб., а объем заявок составил 454 млрд руб., т.е. потребность в инвестициях значительно выше! Кроме того, снижается финансирование на развитие малых и средних предприятий (МСП): в проекте Федерального бюджета РФ на 2017 г. выделено 7,5 млрд руб., на 2018 г. — 5,7 млрд, на 2019 г. — 4,2 млрд руб.

Не менее грустная ситуация с кредитными ставками Центробанка. Поднятая в 2014 г. ставка в 17% превратила кредитование в недоступный механизм инвестирования. При уровне заемных средств в оборотном капитале в среднем в 60–70%, а в некоторых отраслях свыше 90%, повышение ставки привело к росту издержек производства, т.е. увеличению цен. Впоследствии ставка была снижена до 11%, но в условиях резкой девальвации рубля инвестиционные проекты оказались нерентабельными: кредиты дорогие, а оборудование, которое до сих пор в России не производится, для нужд импортозамещения увеличилось в цене пропорционально обесценению рубля.

Реализация проектов по более глубокой переработке газа и нефти с получением химической и нефтехимической продукции с высокой добавленной стоимостью будет способствовать:

- модернизации российской экономики за счет ухода от сырьевой модели развития;
- снижению зависимости от иностранных поставщиков химической и нефтехимической продукции;

– созданию более эффективной структуры экспорта химической и нефтехимической продукции.

В свете решения данной проблемы, первоочередной задачей выступает снижение процентной ставки на кредиты, превращение кредитования для бизнеса в доступный источник инвестирования. И медлить с этим нельзя!

Как исчезают институты...

О печальной судьбе ОАО «НИИТЭХИМ» я уже рассказывал в I части этой книги. Эта статья, напечатанная в журнале Neftegaz.RU, № 2 за 2022 г., была доведена до сведения Правительства РФ. Сложный для всех нас и крайне тяжелый для химического комплекса год заканчивается, но каких-либо решений о судьбе ведущего научно-исследовательского учреждения в области анализа и прогнозирования развития Большой химии по сей день нет...

Роль углеводородов в мировом энергетическом балансе ежегодно снижается, но это не означает, что нефть и газ могут оказаться невостребованными, поскольку опережающими темпами развивается нефтегазохимия, значение которой для жизнедеятельности человечества трудно переоценить. Достаточно вспомнить М.В. Ломоносова, который еще в далекие времена писал: «широко простирает химия руки свои в дела человеческие», а великий русский писатель М. Горький охарактеризовал роль химии еще более образно: «химия – это область чуда, в ней скрыто счастье человечества, величайшие завоевания разума будут сделаны именно в этой области».

Наша страна, обладающая огромными запасами нефти и газа, должна активизировать процессы переработки углеводородного сырья для получения химической и нефтехимической продукции с добавленной стоимостью, и, хотя эта всем очевидная мысль транслируется самыми авторитетными экспертами, институт, занимающийся вопросами стратегического развития нефтегазохимии, оказался на грани исчезновения...

Химическая промышленность является драйвером инновационного развития экономики любого государства. Действительно, основными сферами потребления химической продукции являются отрасли, формирующие жизнедеятельность населения: строительство, электроника, упаковка, сельское хозяйство, автомобилестроение, потребительские товары.

Химическая цепочка создания стоимости является одной из самых устойчивых в мире и характеризуется высокими темпами роста: в 2019 г.

Рисунок. Крупнейшие продуценты химической и нефтехимической продукции в 2019 году, млрд евро (источник: Facts&Figures CEFIC, 2021)

объем мировых продаж продукции химической индустрии составил 3,7 трлн евро (4,1 трлн долларов или порядка 268,2 трлн руб.), увеличившись за 10 лет более чем вдвое. Крупнейшими производителями химической и нефтехимической продукции являются Китай, США, страны ЕС, Япония, Тайвань, Южная Корея.

Позиции российской химической индустрии в глобальном производстве химической и нефтехимической продукции не соответствуют потенциальным возможностям, предопределяемым наличием богатейшей сырьевой базы. Советское наследие еще позволяет российскому химическому комплексу входить в 10-ку основных продуцентов химикатов, но только после таких небольших стран, работающих к тому же на импортном сырье, как Южная Корея и Тайвань (см. рисунок).

Возникает вопрос: что нужно сделать, чтобы столь важная для экономики страны отрасль смогла выйти на достойные рубежи, а химики смогли существенно увеличить свой вклад в ВВП? (для справки, в Китае доля отрасли в ВВП – порядка 10% против 1,5% в России)

На наш взгляд, ответить на эти вопросы может только отраслевая наука, но в таком случае возникает дополнительный и не менее злободневный вопрос: а как поживает отраслевая наука и каковы ее перспективы?

К сожалению, действительность такова, что к настоящему времени отраслевой науки в области химии и нефтехимии практически нет. Основная часть отраслевых научно-исследовательских институтов (НИИ) химического комплекса подверглась приватизации, причем во многих случаях новых собственников интересовали исключительно недвижимые

активы, которыми в советские времена химии были наделены весьма щедро. Например, Государственный научно-исследовательский и проектный институт азотной промышленности и продуктов органического синтеза (ГИАП) занимал несколько зданий в районе Садового кольца г. Москвы и имел 5 филиалов в гг. Новгород, Дзержинск, Тольятти, Новомосковск, Гродно. Мощнейшая головная научная организация азотной промышленности, спроектировавшая и запустившая в эксплуатацию более 200 агрегатов по выпуску целого ряда химической продукции, после приватизации фактически прекратила свое существование.

Такая же судьба постигла другой институт химического комплекса — ФГУП НИИ «Синтез» с КБ (Москва), усилиями которого были разработаны передовые технологии и создано свыше двухсот различных производств органических и хлорорганических соединений в нашей стране и за рубежом. Институт структурно состоял из научной и проектной частей и опытных заводов, то есть охватывал весь цикл научных, технологических и проектных работ с их опытной проверкой и отработкой.

Примеров уничтожения научных центров российской химической промышленности более чем достаточно и все ближе к финалу своей деятельности Научно-исследовательский институт технико-экономических исследований в области химии и нефтехимии — НИИТЭХИМ, созданный в 1958 г. в целях подготовки аналитических и прогнозных исследований, направленных на формирование стратегических направлений развития отечественной химической промышленности. На Украине и в Белоруссии были организованы филиалы НИИТЭХИМа, причем украинский НИИТЭХИМ функционирует до настоящего времени.

С первых лет своего существования НИИТЭХИМ как отраслевой центр стратегических исследований совместно с другими научно-исследовательскими и проектными организациями химической промышленности и практически всеми крупнейшими отраслями-потребителями ее продукции выполнял работы, направленные на решение важнейших экономических задач, стоящих перед химической промышленностью СССР. Среди них — химизация народного хозяйства СССР, территориальное размещение химических производств по экономическим районам страны, комплексное использование углеводородного и минерального сырья, специализация и кооперирование химических и нефтехимических производств со странами — членами СЭВ.

Производственному успеху НИИТЭХИМа способствовало выделение государством 9-этажного здания на ул. Наметкина, что упростило взаимодействие его структур и еще более сплотило коллектив, который в советские времена насчитывал более 800 человек. Институт заслуженно гордился высоким профессионализмом своих работников, выпуском целого ряда публикаций по широкому кругу отраслевых проблем. Среди таковых особое значение имеет монография известного в научных кругах д.э.н. Э.С. Савинского «Химизация народного хозяйства и пропорции развития химической промышленности» (1972 г.), которая не утратила актуальность и в условиях рыночной экономики.

Распад СССР и СЭВ, ликвидация отраслевых министерств и ведомств с последовавшим практически полным приостановлением бюджетного финансирования изменили условия и масштабы деятельности НИИТЭХИМа. Многие важные направления работ были прекращены или существенно ограничены. Штат института резко сократился.

В 1993 г. НИИТЭХИМ акционировался, хотя основной пакет акций сохранился за государством и впоследствии это помогло институту быстрее адаптироваться к новым экономическим реалиям и не утратить своей роли в процессе обеспечения государственных структур работами стратегического направления, а также важнейшей технико-экономической информацией в области химии и нефтехимии.

В перечне работ, выполненных в новых рыночных условиях, особую значимость имели разработки стратегий развития химической промышленности страны по контрактам с организациями федерального и регионального значения: «Стратегия развития химической и нефтехимической промышленности Российской Федерации на период до 2015 года» (2008 г.); «Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года (2014 г.), а также стратегии развития регионов и предприятий: «Разработка направлений развития ОАО «Саянскхимпласт» на период до 2020 года» (2004 г.), «Стратегия развития нефтехимической и газовой промышленности Самарской области на период до 2015 года» (2006 г.) и др.

Выполнение таких работ стало возможным в результате применения новых методологических подходов, направленных на оптимальное сочетание рыночного механизма с мерами государственного регулирования, на увязку прогнозируемых показателей с намечаемыми параметрами со-

циально-экономического развития страны и основных сфер потребления химической продукции.

В НИИТЭХИМе продолжал функционировать Ученый совет, в который входили представители министерства и научные сотрудники отраслевых институтов. На заседаниях Ученого совета утверждались планы научных работ и направления дальнейшего развития института исходя из государственных заказов, профиля выполняемых исследований, научно-технических и экономических интересов коллектива. В этих условиях молодые специалисты защищали кандидатские диссертации, что повышало квалификационный уровень ОАО «НИИТЭХИМ» и способствовало привлечению молодежи к работе в институте.

Важно отметить, что удержанию НИИТЭХИМа «на плаву» в значительной степени способствовало включение института в список стратегических предприятий России, не подлежащих приватизации. Однако в 2008 г. НИИТЭХИМ был исключен из списка стратегических предприятий России и в 2011 г. государство в лице Минпромторга вторично выставило на продажу акции НИИТЭХИМа, продав «золотой» пакет акций лицам, далеким от проблем химической промышленности. Новых хозяев купленный пакет акций интересовал только с точки зрения здания и земли, поэтому собственники института, хотя и обеспечивают специалистов рабочими помещениями, в расширении и активном развитии НИИТЭХИМа не заинтересованы и институт, отпущенный на «вольные хлеба», борется за выживание без какой-либо поддержки.

Обладая компетенцией в области разработки стратегических документов и маркетинговых исследований, ОАО «НИИТЭХИМ» ежегодно участвует в конкурсах, проводимых Минпромторгом России и обеспечивает Департамент химического комплекса и биоинженерных технологий аналитическими и информационными материалами по широкому спектру отраслевых проблем. На договорной основе выполняются маркетинговые исследования для коммерческих структур, поддерживается информационная связь с ведущими предприятиями отрасли. В рамках деловой программы отраслевой выставки «ХИМИЯ» ОАО «НИИТЭХИМ» проводит круглые столы по актуальным проблемам российского химического комплекса, участвует в конференциях, тематических дискуссиях. Новое «дыхание» получил выпускаемый институтом журнал «Вестник химической промышленности»: расширился новостной обзор, обострилась тематика

статей, изменился дизайн. В результате журнал достойно занял свою нишу на информационном поле в области химии и нефтехимии.

Диверсифицируя свою деятельность, коллектив ОАО «НИИТЭХИМ» старается удержаться на профессиональной волне, но стоимость работ, которые выполняются по госзаказам и договорам с отдельными предприятиями и коммерческими структурами, не позволяет институту развиваться, привлекать молодежь, закупать необходимую информацию, участвовать в платных конференциях. Коллектив института сокращается, как шагреновая кожа...

Больно осознавать, что медленно угасает когда-то головной научно-исследовательский институт технико-экономических исследований в области химии и нефтехимии. Вместе с тем, причины угасания выходят за рамки исчезновения одного института. Во-первых, вся химическая промышленность России приватизирована и контроль государства чисто условный, тем более, в дополнение к этому, изменена система контроля со стороны государства в лице Министерства промышленности и торговли. Она носит методический характер, а не подчиненность, как это было раньше. В советские времена решения министерства носили директивный характер и требовали обязательного исполнения. Сегодня эти требования в большей части не более чем пожелания.

Во-вторых, правительство также не озабочено детализацией процессов, происходящих в химической промышленности, и ограничивается разработкой планов и стратегий. К тому же по непонятным причинам было принято решение о включении Московского университета тонких химических технологий им. М.В. Ломоносова (МИТХТ), готовившего для отрасли остро востребованных специалистов, в качестве структурного подразделения в Московский государственный университет информационных технологий, радиотехники и электроники (МИРЭА). Даже название этих образовательных организаций указывает на разнородность профессиональной направленности выпускников. Объединение двух отмеченных университетов в Московский технологический университет привело к сокращению ученого состава, что не могло не отразиться на качестве подготовки специалистов, а также снизило степень самостоятельности химиков в принятии каких-либо профессиональных решений.

И, наконец, к разработке стратегических документов в области химии и нефтехимии стали привлекаться иностранные компании —

McKinsey&Company, Strategy Partners Group (SPG), которые априори не заинтересованы в успешном развитии российской экономики. Так, разработанная компанией SPG «Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года» сохранила ориентир отрасли на выпуск продукции невысокой степени передела сырья и была подвергнута критике со стороны специалистов на многих дискуссионных площадках. Тем не менее «Стратегия развития химического и нефтехимического комплекса на период до 2030 года», подготовленная компанией SPG и оплаченная государством по расценкам западных компаний, утверждена приказом Минпромторга России и Минэнерго России от 8 апреля 2014 г. № 651/172.

Возникает вопрос: а нужен ли вообще институт, определяющий стратегические направления развития российской химической и нефтехимической промышленности? Крупные компании имеют собственные центры технико-экономических исследований, предприятия также своими силами разрабатывают стратегии развития...

На первый взгляд, поставленный вопрос чисто риторический, но ответ на него зависит от взгляда на будущность российского химического комплекса. Для соответствия мировому тренду повышения роли химической промышленности в развитии экономики необходима стратегия развития химического комплекса в целом, направленная на удовлетворение спроса на химическую и нефтехимическую продукцию для инновационного развития отраслей-потребителей и повышение эффективности внешнеэкономической интеграции России, причем с учетом развернутого в ведущих странах мира курса на декарбонизацию производства.

Объективно, стратегия такого формата должна разрабатываться только российским институтом, имеющим большой опыт выполнения работ стратегического направления. Таким когда-то был НИИТЭХИМ...

Сегодня НИИТЭХИМ, созданный в далеком 1958 году для подготовки документов стратегического направления и ни один десяток лет достойно выполняющий эту задачу, выживает только благодаря энтузиазму оставшихся в институте специалистов. Но энтузиазм без поддержки государства недолговечен... И некогда мощнейший институт по разработке стратегий, программ, концепций развития химической промышленности в целом, по отдельным федеральным округам, субъектам РФ, предприятиям отрасли доведен до критического состояния...

Невозможно определить, как долго может продержаться ОАО «НИИТЭХИМ»... А что делать с огромным информационным фондом, отражающим развитие отечественной химической промышленности? Изрезать, сжечь, как это было сделано в закрывшихся ранее институтах?

Вопросы, не имеющие ответов, не должны стать нарастающим нарративом. На наш взгляд, для решения задач, стоящих перед российской экономикой, государству необходимо расширить меры поддержки научных организаций, в том числе отраслевых НИИ, деятельность которых способствует повышению эффективности бизнеса и укреплению научно-технического потенциала страны.

Из семейного альбома и архива НИИТЭХИМ

Мы с Кларой и двухмесячным Ринатом. Темясово, 1972 год

Клара в 1970 году

В Башкирском обкоме КПСС, 1980 год

*В Совете министров Башкирской АССР,
1985 год*

На 50-летнем юбилее, в Баймаке

*Внизу – Гайникамал Зариповна, Нэля, Лариса, Ринат, Шакир Саитович, вверху – Ания
и Юнер Газины*

Любовь к лошадям – с детства и навсегда

С мамой в Сибее в 2016 году

Подарок внуков к юбилею бабушки

Гузель, Ринат и их дети Элина и Марат

С Альбиной в 2020 году

Нэля с детьми

В НИИТЭХИМе, 2013 год

*Награждение орденом Салавата Юлаева в
сентябре 2016 года*

На открытии выставки «Химия+» в 2014 году, юбилейном для «Экспоцентра»

С.М.М. Голобковым и В.А. Гавриленко

Совещания и конференции в институте всегда проходят остро и интересно. Особенно с участием президента РСХ В.П. Ивановым

Альбина и Дима и их дети – Андрей, Вера и Ариша

100-летие Гайникамал Зариповны отмечали в Темясово вместе с выпускниками детдома, приехавшими со всей страны

Охота – одно из любимых увлечений

В Темясово, 2016 год

